

Девиант

КАЛИ ХАРТ

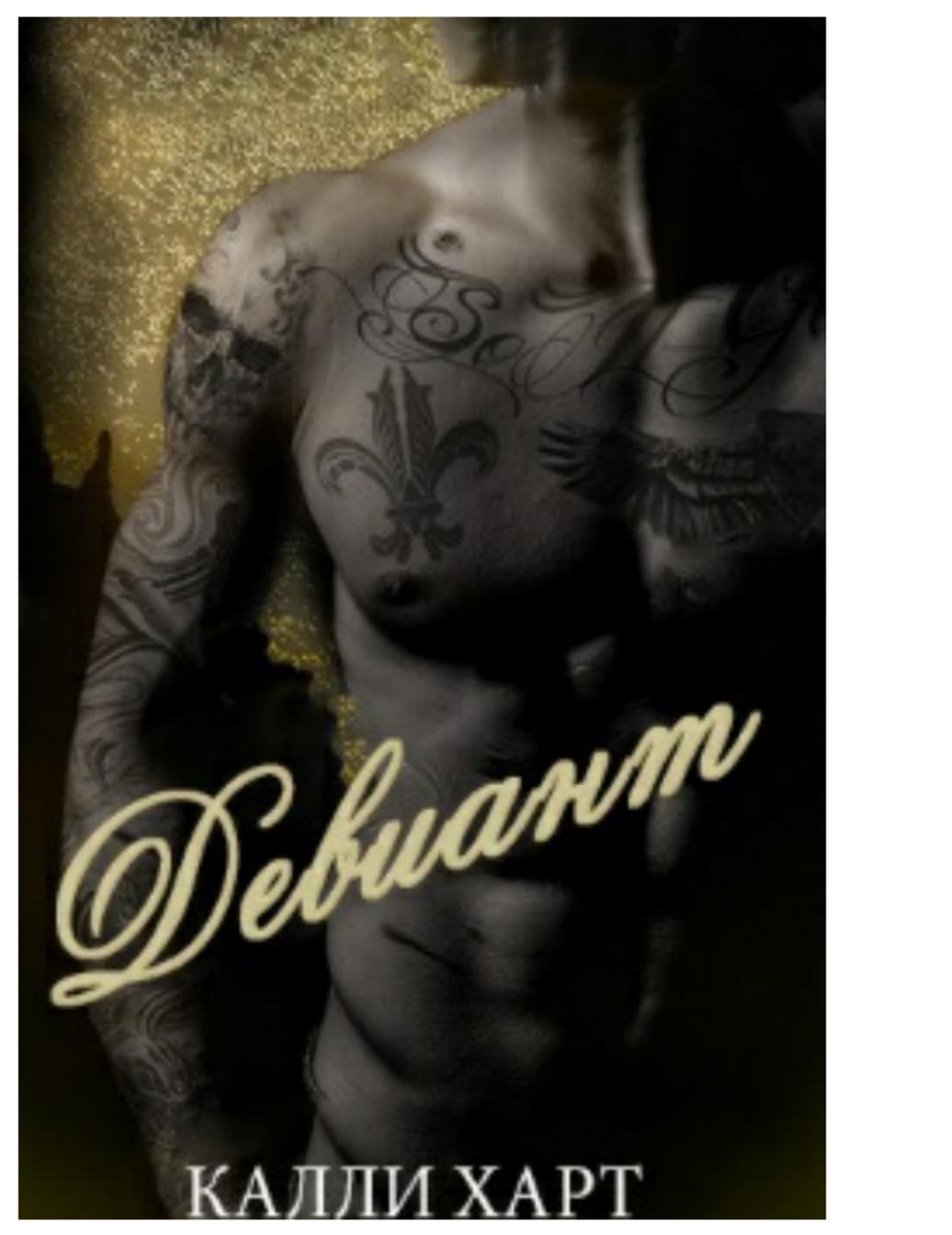
Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления!

Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения.

Спасибо.

Калли Харт

Девриант – 1

Девиант

КАЛЛИ ХАРТ

Оригинальное название: *Deviant,*
Callie Hart «Blood & Roses» #1
Калли Харт, «Девриант», серия
«Кровь и Розы» #1

Переводчик: *betty_page*(с 9 главы),
Easy, Marichkr(1-8 главы)

Сверка: *betty_page* (1-8 главы)

Редактор: Валерия К.

Вычитка: Помидорка

Оформление и обложка: *Mistress*

Переведено для группы:

<https://vk.com/stagedive>

Любое копирование без
ссылки

на переводчика и группу

ЗАПРЕЩЕНО!

*Пожалуйста, уважайте
чужой труд!*

Слоан.

*Я не горжусь тем, что
совершила.*

*Тем, что должна была
сделать.*

Тем, что предала.

Но я бы снова все

*повторила, чтобы найти
ее.*

*Даже если из-за этого я
умру,*

Я должна найти Алексис.

Зет.

*Она хочет, чтобы я помог
найти ее,*

Но я не хочу.

*Она хочет, чтобы я спас ее
сестру,*

Но я не могу.

*Она хочет, чтобы я был ее
героем,*

Но я не такой.

Я ее проклятие.

Содержание:

[1 глава](#)

[2 глава](#)

[3 глава](#)

[4 глава](#)

[5 глава](#)

[6 глава](#)

[7 глава](#)

[8 глава](#)

[9 глава](#)

[10 глава](#)

[11 глава](#)

[12 глава](#)

[13 глава](#)

[14 глава](#)

15 глава

1 глава

Слоан

Когда я говорю, что я — призрак, то выражаюсь не буквально.

Я очень даже живая. По крайней мере, иногда я испытываю настолько сильную боль, что понимаю, что все еще существую. Нет, когда я говорю, что я — призрак, я имею в виду тот факт, что люди редко замечают меня. Я девушка из толпы. Обычный рост, обычный вес, обычный цвет волос — неудивительно, что ни один взгляд не останавливается на мне. Я тихо иду через спящий город, где проживаю серую жизнь, даже не улыбаясь. Где

живу, не общаясь ни с кем на протяжении долгого времени. Так было последние шесть месяцев. Я редко разговариваю с незнакомцами, но когда это происходит, диалог получается неумелый и неуклюжий; люди на подсознательном уровне понимают, что я не настроена на общение с ними. И сегодня не исключение.

— Вот ваши ключи, мисс Фредрич.

Администратор отеля «Марриот», который располагается в самом центре Сиэтла, передает мне пластиковую ключ-карту от номера, протягивая ее через мраморную стойку ресепшн. Только когда она

отводит руку на безлопастное расстояние, я тянусь и беру ее.

— Спасибо.

С взглядом, обращенным к бумагам, она скрепляет мои документы, в которых зафиксирована информация об оплате.

— Так... вы к нам по делам или просто отдохнуть?

Теплота в ее глазах исчезает, когда она, наконец, смотрит на меня и замечает мой растерянный взгляд. Улыбка соскальзывает с ее лица, словно масло с горячего ножа.

— По делам, — отвечаю я четко, потому что это ни что иное, как правда.

— Хорошо, надеюсь, вы

насладитесь пребыванием здесь.

Она отводит взгляд в тот момент, когда заканчивает с документами. Администратор не спрашивает, почему я останавливаюсь в ее гостинице без багажа, или почему я бронирую номер только на одну ночь, или почему я оставляю дубликат ключ-карты на столе для мистера Хансона. Она не спрашивает ничего из этого; но ей и не нужно этим интересоваться. Эли дал мне короткие инструкции того, как все будет происходить, и до сих пор все происходит так, как написано в письме. Я беру свою сумочку со стойки и направляюсь напрямиком к лифту, поправляя пальто.

Двадцать два, двадцать один,
двадцать, девятнадцать,
восемнадцать...

Я смотрю на цифры, которые загораются поочередно. Каждая кнопка, размером с долларовую монету, загорается и гаснет в определенной последовательности, и лифт плавно скользит вниз, в то время как я продолжаю терпеливо ожидать, не моргая. Люди в холле ожидают такси. Если бы это было офисное здание или торговый центр, я бы воспользовалась лестницей. Закрытые пространства и я не очень ладим, но так как здесь сорок семь этажей, а мой номер на сорок втором, я вынуждена терпеть эти

неудобства.

Двери лифта плавно разъезжаются, и я захожу в помещение первой. Остальные постояльцы — четыре бизнесмена — становятся где-то посередине, поэтому я не хочу столкнуться с мужчинами, когда они будут выходить из лифта. Я бы назвала их «среднячками». Одинаковые костюмы, невзрачные стрижки. Их номера были оплачены бухгалтерской фирмой, а она не оплачивает пентхаусы. Оплачиваются двухместные номера, с доступом в тренажерный зал и ничего больше. Никакого мини-бара для вас, мистер Корпорэйт.

Двери лифта плавно закрываются, и я погружаюсь в себя, прижимаясь спиной к задней стенке лифта. Я закрываю глаза и выдыхаю через нос. Это скоро закончится, но сердце несется галопом в груди, намереваясь вырваться наружу. Страх быть пойманной, именно это я собираюсь позволить сделать с собой, напоминает мне свернувшуюся в клубок змею, которая притаилась и ожидает, чтобы в любую минуту напасть и разрушить без остатка мою душу.

— Эй, все в порядке? Вы выглядите слегка напуганной.

Один из них обращается ко мне. Он думает, что моя паника связана с

поездкой в лифте. Так и есть, но только частично. У него карие глаза, мягкого, теплого оттенка, напоминающего мне топленый молочный шоколад. У него ямочки на щеках. Парню около двадцати трех или чуть больше, в общем, он примерно моего возраста. Красавчик выглядит довольно привлекательно. Такой же милый, как и тот, с кем я встречалась однажды, до того... до того, как это все стало невозможным.

— Я в порядке, спасибо.

— Отлично, — парень с шоколадными глазами улыбается мне. — Техника глубокого дыхания иногда помогает моей сестре. Она тоже не в восторге от лифтов.

Он такой приятный. Намного приятнее того, что я заслуживаю. Особенно, учитывая ту причину, по которой я здесь нахожусь сегодня. Я награждаю его бесцветной улыбкой, он усмехается в ответ, и затем двери открываются и все четверо выходят. Я прячу руки в карманы, чтобы прекратить нервную дрожь. Я одна на восемнадцать этажей, что намного лучше, чем быть окруженной обществом четырех незнакомцев, но все равно это отстойно. Наконец, моя очередь выходить. Этот отель абсолютно идентичен тем, в которых я бывала. Единственное отличие, из-за которого это место надолго

останется в моей памяти, это очень специфическая причина, по которой я здесь нахожусь — секс с абсолютно незнакомым мне человеком. Я напоминаю себе, что делаю это ради того, чтобы найти свою младшую сестру.

С тех пор как я внутри, и мое пальто висит на крючке за дверью, я вполне готова. Я одета так, как было приказано — в черное кружевное белье. Эли, частный детектив, которого я наняла для того, чтобы найти свою сестру, был более чем конкретен в этом. Именно

он придумал весь этот план.

— Иногда денег недостаточно, чтобы достичь того, что ты желаешь, сладкая. Иногда надо отдать нечто большее, чтобы получить... разрешение на покупку подобной информации. Скажу тебе вот что. Я поделюсь с тобой тем, что знаю, в обмен на маленькую услугу.

— Какую услугу?

— Ты раздвинешь ножки перед состоятельным клиентом, и я расскажу тебе все, что тебе необходимо знать, — мерзкий ублюдок выдавил похотливую улыбку.
— Да ладно тебе, мисс Ромера. Не смотри на меня таким осуждающим

взглядом. Ты ведь хочешь найти свою сестру, или я не прав?

В конце концов, я согласилась. Он был прав; я хочу найти Лекс и сделаю все, чтобы достичь своей цели. Даже если я никогда не буду в состоянии смириться с тем, что произойдет и вести нормальную жизнь после этого.

Кроме нижнего белья, Эли сказал принести еще одну деталь, которая находилась в кармане пальто. Я достала ее и надела. Это была черная кружевная маска, которая по краю украшена алым кружевом, за счет этого я могла чувствовать себя еще более таинственно. Я включила свет в ванной и стала судорожно

искать в сумочке единственную вещь, которая поможет мне сконцентрироваться на протяжении этого испытания: пузырек с Валиумом. Одно из преимуществ пятикурсника это то, что всегда есть тот, кто продаст любое нужное лекарство, не задавая вопросов. На рецепте даже не указано мое имя, так что это не появится в моей медицинской карте. Я приняла одну таблетку — этого достаточно, чтобы успокоиться, но не хватит, чтобы заснуть. Смотри в зеркало, я заправила застежку маски под волосы.

«Ты выглядишь дерьмово, Слоан».

Я говорю себе это каждый раз, стоя перед зеркалом в эти дни. Это правда и ложь одновременно. Я пялюсь на свое отражение так долго, что мой внешний вид уже не сильно волнует меня. Лекс всегда была более привлекательной из нас двоих. Я знаю, что у меня красивое тело. Эли говорит, что единственная причина, почему он взялся за мое дело — крутые буфера и потрясающая задница. *«Твой рост заставляет многих парней чувствовать себя неуютно, но тут уже ничего не поделаешь»*. Я сосредотачиваюсь на черных кругах под глазами, повторяя, что это все временно. Не навсегда. В конце концов, я студентка-медик.

Тело — это просто машина, состоящая из набора шестеренок и сложных механизмов, которые слаженно работают, чтобы мы двигались. Заниматься сексом — просто использовать эту машину правильно, ничего больше.

«Ты сможешь сделать это, Слоан. Ты сможешь».

Не прошло и двух секунд...

«Лекс не хотела бы этого для тебя. Она не желала, чтобы тебя использовали и мучили, чтобы ты продавала свое тело ради такой мелочи».

Ненавижу этот голосок, который надоедливо крутится в моей голове. Из-за него гораздо тяжелее оправдать

то, что я собираюсь продать самую ценную свою часть. И делаю это не ради славы, как некоторые девушки. Даже не ради денег или наркотиков. Я делаю это ради любви. Моей любви к Лекс. Любая сестра поступила бы так же.

Прошло шесть месяцев, и я все еще ни на шаг не приблизилась к тому, где находится Лекс. И у меня возникает ощущение, что это действительно мой последний шанс найти сестру. Эли умен — он дает мне ровно столько информации, чтобы поддерживать мою надежду, но не более. И сейчас я безумно близка к тому, чтобы разорвать наше маленькое соглашение.

Тук, тук, тук.

— Твою ж...

Дверь. Я прикусываю нижнюю губу, и ругательство застревает между зубами. Время пришло.

Стук — это знак, что мистер Хансон забрал свой ключ у «приветливого» администратора внизу. Скоро я узнаю парня, с которым буду спать и которого должна ждать в ванной, пока он не придет за мной. Если я закроюсь здесь и откажусь выходить, сколько он будет ждать, после чего примет решение уйти? Хотя я даже не смогу сделать этого, Эли никогда не закончит сделку вот так и, кроме того, все это больше не имеет

значения. Ничто из этого. Это лишь то, через что я должна пройти.

Я слышу тихий писк вставленной в дверь ключ-карты и то, как ее вытаскивают. Дальше тишина. Я впиваюсь ногтями в край раковины, потому что неустойчиво стою на месте, пошатываясь из стороны в сторону до тех пор, пока не осознаю, что не должна этого делать. Это против правил, даже если это только временно.

К счастью, наркотик начал действовать, накрывая меня волной спокойствия. Без него я была бы на грани побега, как только он постучит в дверь.

— Выходи. Только сперва

выключи свет, — говорит властный голос.

Он грубоватый и сиплый, возможно, мужчина заядлый курильщик? Ну, просто супер. Если мне придется провести следующие два часа, целуясь с курильщиком, глубоко погружая язык в его рот, тогда после всего я вымою свой язык хлоркой. Я выключаю свет, открываю дверь и теряюсь, потому что ничего не вижу. Абсолютно ничего. Кромешная тьма.

— Не смог найти выключатель?

— Не трогай его. Просто иди сюда, — говорит мне голос.

Он звучит достаточно молодо, и я понимаю, что голос один. Не то

чтобы я ждала больше одного парня. Эли поклялся, что тут будет только один мужчина. И это произойдет только один раз. Я осторожно захожу в комнату, ругая себя за то, что не обратила чуть больше внимание на расположение мебели в комнате, перед тем как зашла в ванную. И в этот секунду я ударяюсь большим пальцем ноги об какую-то хрень, шипя от боли, слышу:

— С тобой все в порядке?

Есть что-то в его голосе, что напоминает оттенок гнева. Серьезно, какой парень будет злиться на девушку, которая ударила палец?

— Ну... Я ничего не вижу, — раздраженно говорю я.

— В этом и весь смысл.

Подойди ко мне.

Если бы я знала, что там находится, то, может, чуть меньше крутилась бы вокруг. Я пытаюсь снова подойти к нему и теперь ударяюсь о кровать и при этом, слава богу, не сталкиваясь ни с чем другим. Матрас прогибается под моим весом, когда я забираюсь на кровать, пытаюсь понять, где он лежит. Я не ощущаю того страха, который я должна испытывать, находясь в комнате с незнакомцем, даже не зная какого хрена от него ожидать. На самом деле я испытываю лишь легкое головокружение.

— Сядь посередине кровати и

заведи руки за спину, сцепляя в замок, — говорит он тихо, но властно.

Я пытаюсь разгадать его мысли, может, он будет связывать меня. Это должно взволновать меня. Если честно, я всегда испытываю легкое волнение...

Эли предупредил меня, что я должна спросить.

— Тебе назвать мое имя?

Низкий, глубокий и гортанный смешок раздается в тишине комнаты, и я понимаю, что он смеется надо мной.

— Ты действительно собираешься назвать мне свое настоящее имя?

— Эли сказал, что это против правил.

— Тогда не надо.

Матрас прогибается еще раз. Он приближается ко мне. Его горячее дыхание касается моей шеи, затем он выдыхает:

— Мне не нужно называть тебя Мэлоди или Кэнди, или другим дурацким именем. Мы будем просто незнакомцами на время. Тебя это устраивает?

— Д-да, да я полагаю.

В темноте моя кожа ощущается более чувствительной. Другие ощущения тоже становятся острее. Я чувствую легкий запах ментола и свежесть океанского бриза. Неважно

кто он — пахнет от него восхитительно. Не ощущаю запаха сигаретного дыма, что значит... тот голос был естественным. Он интересен мне.

— Ты делала это раньше? Тебе понравилось? — раздается его шепот.

— Никогда.

Воздух застревает в горле. В подобном положении я едва могу мыслить здраво, а отсутствие света заставляет мое сердце бешено колотиться. Наверное, из-за того, что этот парень может оказаться серийным убийцей. Он остался бы убийцей и при включенном свете, но тогда у меня был бы шанс рассмотреть угрозу в глубине его глаз

и спастись бегством.

Мистер Загадка выдыхает, щекоча жарким дыханием мою грудь. Мои соски становятся твердыми словно камушки, хотя мне совсем не холодно. Я никогда не чувствовала такого ранее. Никогда. Возможно, из-за того, что никогда не была так близко к парню.

— Положи руки на колени, ладонями вверх.

Я делаю точно так, как он говорит. Дрожь проносится по телу, когда чувствую прикосновение его пальцев на моей ноге.

— Напугана?

— Нет.

Он смеется, и я слышу нотки

жестокости и злобы в этом смехе. Он нежно проводит ладонью по моей ноге, чувствуя преграду в виде моей ладони, он крепко оборачивает пальцы вокруг запястья.

— Ты отважнее многих девушек.

— Ты делал это со многими?

— Да.

Хотя бы честен. Когда он снова притягивает к себе мою руку, мурашки покрывают мою кожу.

— Ты пахнешь цветами. Что за парфюм?

— «Афрезия».

— Он свежий. Не тяжелый. Мне нравится.

«Так рада твоему одобрению». Чувствую себя легко, будто хочу

захихикать. Он снова вдыхает аромат духов с моего запястья, в следующую минуту я чувствую легкое прикосновение губ. Даже по тому, как он нежно прикасается губами к запястью, могу сказать про него многое. Его губы полные, и он нежно ласкает меня ими. Неожиданно. Я ерзаю на кровати, думая, как далеко это все пойдет. Где его губы окажутся в следующий раз.

— Ты когда-нибудь думала, каково это — быть слепым?

— Почему? Ты слепой?

— Нет. Отвечай на вопрос.

— Да. Иногда.

Он тянет мои руки к себе, раскрывая ладони. Его пальцы

медленно прикасаются к моим. Я не могу остановить дрожь, что сотрясает тело. Он делает простые вещи, но то, как он это делает, настолько захватывает, что невозможно ожидать подобного от того, во что я себя втянула. Я задерживаю дыхание, когда он убирает свои ладони от моих. Я ощущаю его волосы и часть лица.

— Как думаешь, как я выгляжу?
— рычит он.

Опуская руки, тянусь к его телу. Я слишком близко к нему, отчего мне приходится усесться на колени, для того, чтобы сохранись равновесие и не упасть. Тяну вторую руку к его лицу. У него короткие волосы,

немного липкие от геля.
Скульптурные черты лица.
Подбородок квадратный, нос
преимущественно ровный, кроме
слегка сплюснутой части на
переносице ближе к бровям.
Ресницы длинные, а губы... я была
права. Губы полные и намного мягче,
чем должны быть у парня. Особенно
у парня с таким голосом. Я касаюсь
его лица кончиками пальцев и
ощущаю, что у этого парня может
быть лицо ангела. Он обладает такой
варварской красотой, как те
мужчины, которые сражались во
времена Вавилона.

— Что думаешь? — спрашивает
он.

— Я думаю, ты очень привлекательный, — соглашаюсь я.

Он издает рык.

— А что насчет тела?

Он слегка давит рукой на мое предплечье так, чтобы руки опустились на его грудь. Проводя пальцами по ней, я чувствую гладкую жесткость мышц. Когда я вожу пальцами вверх и вниз по груди, мышцы перекачиваются от моих легких настойчивых касаний. Дальше я чувствую три горизонтальные линии на коже, которых не должно быть там, они находятся справа в нескольких миллиметрах друг от друга. Мои пальцы начинают нежно исследовать их, пытаюсь узнать их

историю и стараясь понять, откуда они взялись. Есть какая-то история их появления. Я уверена, что это связано с насилием, теперь они остались как память о произошедшем на его мускулистом теле. Он слегка вздрагивает, когда я невесомыми касаниям пальцев пытаюсь почувствовать его тело, беспорядочно прикасаясь к его рельефному прессу, и затем снова возвращаюсь к жестким мышцам груди. Он напрягается и резко выдыхает, когда я прикасаюсь к нему, что вызывает легкую улыбку на лице. Вообще-то, улыбка всю сияет на моем лице. Этот парень, скорее всего, боится щекотки. Он не смеется

или говорит не прикасаться к нему там, но его тело напрягается, когда я провожу по этим местам, чтобы проверить теорию.

Я провожу руками по его мощным плечам, затем оборачиваю руки вокруг шеи. Он огромный, но я не боюсь его. Конечно, мне следовало бы, но этого не происходит. Валиум устранил мой страх и, кроме того, я представляла себе, что парень придет сюда, и сам начнет прикасаться ко мне. Я предполагала, что он будет трогать и исследовать каждый сантиметр моего тела, и он определенно больше всего захочет увидеть тот лакомый кусочек, за который он заплатил. До

сих пор этот парень почти не прикасался ко мне, и это было мне на руку.

— Ну что? — продолжает он.

— Откуда взялись шрамы?

— Я был ранен.

Он не задумывается над тем, что говорит мне; он просто отвечает напрямую.

— Ты был близок к смерти?

— Да.

— Это было больно?

— О, да.

Я опускаю руки с его плеч и снова дотрагиваюсь до шрамов: первого, второго, третьего.

Они ощущаются рваными и ужасными под моими пальцами.

— Кто посмел сделать такое с тобой? — я выдавливаю из себя вопрос.

Мистер Загадка очень откровенен со мной с тех пор, как мы начали это странное тактильное общение, и я боюсь, что его ответ заставит меня ужаснуться от того, что с ним произошло.

— Он получил по заслугам, — говорит он уклончиво, но мягко.

Кровать поскрипывает от каждого следующего движения, по его телу проходит дрожь, когда я прикасаюсь к нему. Когда он дотрагивается до моих волос, запуская в них пальцы, я все еще пытаюсь понять, убил ли он того, кто

оставил ему на память эти шрамы.

— Я очень четко говорю, чего хочу. Ты должна подчиниться без вопросов, так будет лучше для всех, хорошо? — я чувствую его горячее дыхание.

Поток адреналина, который мощной волной окатывает мое тело, наконец, достигает нервных окончаний, я думаю, что это правильная реакция при таких эротичных и опасных обстоятельствах. Зачем, черт возьми, я ввязалась в это? С Валиумом или без, я знаю, что это звучит как угроза. Я на полпути, чтобы окончательно слететь с катушек и ничего не могу с этим поделать.

Алексис бы смогла. Алексис всегда могла.

— Хорошо, — шепчу ему.

— Отлично. Ляг на спину.

Я слушаю его и на мгновение, будто окунаюсь в самое сердце бурлящего океана без шанса на спасение. Разумная часть меня, которая все еще цепляется за чувство самосохранения, кричит и приказывает мне убираться отсюда и как можно скорее. Даже гнева Эли теперь недостаточно, чтобы удержать меня. Но стремления найти Алексис достаточно. Мои мышцы дрожат, когда я чувствую нежное прикосновение пальцев к моей правой лодыжке.

— Ты прикасалась к себе сегодня?

Какого хрена!?

— Ты о...

— Ты сегодня кончала? Ты трогала свою киску?

Мои щеки вспыхивают. Никто и никогда не спрашивал меня о таком.

— Н-нет, — отвечаю я, заикаясь.

— Прекрасно. Так ты будешь еще слаще.

Вместо того чтобы скользнуть рукой в мои трусики и спустить их, он просто сдвигает их в сторону. Я расслабляю ноги, когда чувствую его дыхание, которое обдувает мою плоть. Я не знаю, что мне делать с руками, я растеряна. Это для меня

неизведанная территория, потому что у меня никогда такого не было. Обычно, когда парень хочет вылизать киску, это значит, что он в чем-то очень сильно провинился и так хочет загладить свою вину. Так говорит Пиппа, моя единственная подруга. Но у меня никогда не было парня, который мог в чем-либо провиниться, поэтому я никогда раньше не пробовала такого

— Ты хочешь, чтобы я вылизал твою сладкую киску?

Его голос немного хриплый, как будто он предвкушает сладкое действие.

— Я хочу все, чего хочешь ты.

Я задыхаюсь от ощущений, что

нахлынули на меня. В конце концов, это то, за что он отдал деньги. Это то, что поможет вернуть мою Лекс обратно. Он крепко сжимает мое бедро, до боли впиваясь ногтями в кожу, пока слезы наполняют глаза.

— Мы не играем здесь в игры. Либо ты говоришь, как трахать тебя, либо я трахну тебя так, как хочу. И уж поверь... тебе это не понравится.

Дерьмо.

— Д-да, я хочу, чтобы ты вылизывал мою киску.

Он довольно выдыхает и мгновенно устраивается между моих ног. Когда он обрушивает язык на мою плоть, мои ноги напрягаются, острые чувства пронзают меня.

Потрясающе. Это ощущается горячо и очень приятно. Что за хрень? Я не должна так реагировать.

Румянец окрашивает мои щеки. Что я за человек, если наслаждаюсь тем, что сейчас делает полностью незнакомый мне парень? Да еще и на таких условиях. Однако я все равно ничего не могу поделать, поэтому просто попытаюсь получить удовольствие. Все мое тело чувствует удовлетворение.

Его язык касается моих складочек, затем опускается на клитор, создавая небольшое давление, проводя вверх и вниз по моему влажному желанию, отчего приятные волны удовольствия

окутывают мое тело, словно теплое одеяло. И в этот момент, я просто отпускаю ситуацию, что позволяет исчезнуть напряжению в теле. Его губы посасывают, покусывают, облизывает чувствительную часть меня, как будто я мороженное.

— Черт!

Парень яростно рычит, когда я выгибаю тело, в попытке насладиться ласками его рта. Я никогда не чувствовала подобное. Это... невероятно. Я задыхаюсь и издаю стоны, как похотливое животное, затем он резко отстраняется от меня, из-за чего я чувствую волну разочарования. Прикасаясь пальцами к внутренней

стороне бедра, он ласково проводит подушечками пальцев до колен, посылая покалывания по коже, затем поднимается вверх и стягивает с меня кружевные трусики.

— Насколько жестко ты хочешь, чтобы я трахнул тебя, прелесть?

Я здесь не потому, что хочу трахаться с ним, но он хочет, чтобы я заставила его думать именно так. Пока тонкая грань действительности и правды искажена, я шепчу ему:

— Очень жестко. Я хочу, чтобы ты трахнул меня самым жестким способом.

— Раздвинь для меня ножки, — приказывает он.

Я развожу их, не сомневаясь ни

минуты, не задумываясь, что ждет меня впереди. Комната настолько погружена во тьму, что бессмысленно даже пытаться рассмотреть его образ, когда он двигается на кровати. Я слышу шуршание одежды, звук расстегивающейся молнии, затем шум металла, кажется, он расстегнул пряжку.

Я закусываю нижнюю губу и с тревожным любопытством ожидаю, когда он сделает что-либо, хоть что-то из того, что он думал сделать со мной. Сначала он подхватывает мою левую ногу, затягивая что-то жесткое вокруг нее, потом привязывает к столбику кровати. Дальше он берет

правую ногу и делает то же самое с ней, затем также тщательно затягивает мои запястья. Я чувствую себя морской звездой, распятой и полностью уязвимой. Это не похоже на порно-шоу, что обычно крутят по телевизору; он связал меня таким образом, что освободиться самой нереально, не говоря о том, чтобы сбежать. Шесть месяцев назад, возможно, я бы начала молиться, обращаясь ко всем святым. Сейчас я просто хнычу, наполовину из-за страха, наполовину из-за охватившего меня предвкушения.

Он забирается на кровать, стоя на коленях около меня. Его дыхание все еще ощущается на моей коже. Я

напрягаюсь и вздрагиваю, когда что-то холодное и тяжелое прижимается к моему животу.

— Ты еще не растеряла свою смелость, прелесть?

— Нет, — выдыхаю я.

Он даже не удосуживается ответить мне, что планирует делать дальше. Холодный, острый предмет скользит по моей коже, поднимаясь медленно вверх, пока не касается моей груди. Я задыхаюсь, потому что понимаю, что в его руках нож. Чертовски острый и опасный. Его пальцы приподнимают бюстгальтер по центру, а затем он делает резкий надрез и срывает все, освобождая грудь. Он перерезал лифчик! Это

самая откровенная, необычная и возбуждающая вещь, которая со мной когда-либо происходила.

Мой мистер Загадка двигается, и материал его брюк грубо потирается о мою кожу. Холодное лезвие ножа касается правого соска, посылая волны страха через мое тело. Я лежу смиренно, будто самая послушная игрушка. Затем он прикасается рукой к груди и слегка сжимает ее

— Ты так чертовски прекрасна,
— выдыхает он. — Настолько покорная.

Затем он всасывает мой сосок, и это самая чертовски возбуждающая вещь, которую мне приходилось ощущать. Я выгибаю спину,

приподнимаясь над кроватью, и он тихо смеется.

— Хочешь почувствовать мой член?

— Да.

— Ты уверена? Будь осторожна в своих желаниях.

Я желаю быстрой смерти. Я хочу боли и страданий, крови тех, кто забрал мою сестру. Желать все это опасно, но мне кажется при всей абсурдности ситуации, что на данный момент это желание самое безопасное. Он хочет владеть мной и, несмотря на то, что я связана и полностью уязвима и открыта для него, думаю, что он все еще желает этого. Я приготовилась к его

реакции, но уповаю на то, что все же правильно все говорю.

— Сделай это. Трахни меня сейчас. Не заставляй меня ждать ни минуты дольше.

Нож исчезает с моей кожи. Он поднимается с кровати, и я слышу шуршание материала, будто он снимает брюки. Чувство паники проникает в мое тело.

— Пути назад нет. Готова?

— Я готова.

И он делает то, чего я совершенно не ожидала. Он затягивает еще один ремень на моем горле. Я испугана, вот теперь я точно попала.

— Открой рот.

— Я...

— Выполний, не задавай вопросов, — его голос пропитан властью, но в нем также присутствуют нотки нежности. — Я понимаю, что звучит устрашающе, но доверься мне, — он проводит рукой по моему подбородку, лаская кожу, затем надавливает на него, заставляя приоткрыть рот.

Довериться ему? До сих пор я делала все, что он приказывал. Он резко входит рот. Я никогда не делала этого прежде, поэтому ни хрена не понимаю, что делать дальше. Он толкается сильнее, принуждая меня действовать, чувствую его солоноватый вкус на своем языке...

он большой. Полностью не уместится у меня во рту. Он входит не во всю длину, а только до половины, упираясь в стенку горла.

— Черт! — он шипит, когда я начинаю посасывать.

Думаю, я делаю все правильно. Его бедра отстраняются, и он выскользывает из моего рта с хлюпающим звуком.

— До сих пор уверена, что хочешь меня? — он понимает, насколько он большой.

Он, бл*дь, доволен этим. Это будет самая ужасная боль на свете, принять кого-то с таким размером, но я не хочу, чтобы он догадался, что я девственница. Даже Эли не знает

этого. Я уверена, что он попросил бы намного больше у этого парня, если бы знал об этом, и это заводит меня.

— Да, — отвечаю я четко, — я хочу тебя.

— Хорошо, но сначала это.

Он хватает мои волосы и накручивает на кулак, оттягивая назад голову. Затем он снова входит в мой рот, толкаясь членом как можно глубже, нежно сжимая затылок. Я извиваюсь на кровати, удивляясь тому, как его власть и контроль возбуждают меня. Я подчиняюсь, и он затягивает ремень. Я в его власти.

Даже в темноте я вижу яркие вспышки, что проносятся перед глазами. Я не могу дышать из-за того,

что ремень крепко затянут на горле, плюс он глубоко толкается, не сбавляя темпа.

— Будь в сознании, будь со мной, хорошо? — рявкает он.

Страх и волнение бурлят в моем животе. Это то ощущение, которое я испытывала, будучи ребенком, ожидая поездки на американских горках, несмотря на то, что была там уже тысячи раз. Но это в тысячи раз страшнее. Я ощущаю горячую пульсацию между ног, когда он жадно толкается в рот, подаваясь вперед и ритмично отстраняясь, при этом, не сбавляя давления вокруг горла, но все же, позволяя мне делать крошечные вдохи. Он вздрагивает

всем телом, член набухает и пульсирует, я понимаю, что он близок к оргазму. Но он останавливается. Тяжело дыша, он отстраняется, просовывая пальцы между шей и ремнем, немного ослабляя его. Его лицо так близко ко мне, что я могу почувствовать его взгляд на себе. Я до сих пор ничего не вижу, но, наверное, он видит в темноте лучше, чем я.

— Твой рот прекрасен, — рвано выдыхает он.

Затем он делает две вещи, которые удивляют меня. Сначала он смахивает влажные волосы со лба, затем бережно прикасается губами ко лбу.

— За то, что была хорошей девочкой, я награжу тебя, — выдыхает он.

Дрожь предчувствия проходится по моей коже, и он усмехается.

— Ты очень хорошая девочка.

Он снова располагаетя между моих ног, просовывая ладони под мои ягодицы и притягивая меня к себе. Это положение крайне неудобно, так как мои лодыжки все еще привязаны к кровати, но я забываю о дискомфорте, когда он начинает приникать к моему клитору в поцелуе.

— Аххх!

Это ощущается слишком хорошо. Я приподнимаю бедра чуть выше,

пытаясь полностью насладиться тем, как он ласкает мою киску. Нежное покалывание проходит по моему телу, когда он начинает немного жестче терзать клитор... Я кричу. Не понимаю почему. Сомневаюсь, что незнакомец одобрит то, что я делаю. Не знаю, кто этот парень и не знаю, разрешено ли мне кричать. Я просто кричу, и тысячи фейерверков взрываются в моей голове, бушующее пламя облизывает мою кожу, полностью выжигая все мысли, оставляя меня немного опустошенной. Я расслабляюсь, вздрагивая всем телом, чувствуя его нападку на мой клитор снова и снова. Лижет, посасывает, ласкает,

ударяет языком по клитору.

— Прекрати, пожалуйста, прекрати, — я издаю гортанный стон.

— Ммм, как эгоистично, — он дует на мою чувствительную киску, заставляя мышцы сжаться. — Не забывай — моя очередь.

Он отстраняется на секунду. Презерватив? Я надеюсь, что это презерватив. Затем он хватает мои бедра и медленно входит в меня... О... мой...

Боль практически невыносима. Ужасное чувство дискомфорта охватывает промежность, давление усиливается. Он замирает.

— Что!?! — он глубоко дышит. —

Как ты могла скрыть это от меня? — говорит он мягко.

Это звучит словно раскаяние, что вызывает во мне много смешанных чувств.

— Ты готова? — шепчет он.

— Да, — отвечаю я тихо.

— Попробуй расслабиться.

Он входит одним толчком во всю длину. И начинает медленно двигаться. Медленней, чем я ожидала от него. Боль затихает, сменяясь чувством всепоглощающего удовольствия. Я чувствую возрастающее напряжение с каждым толчком. В конце концов, его желание вырывается наружу, и он начинает вдальбливаться в меня

словно сверхскоростной поезд — быстро и с жесткой необходимостью получить все удовольствие без остатка. Он напрягается, и из его горла вырывается рык.

Я не могу расслабиться, потому что это мой первый раз, и вопреки всему, боль перевешивает наслаждение и ласки. Мой разум полностью затуманен, я не могу понять, что происходит, когда он приподнимается. Губами скользит в невесомом поцелуе по внутренней части бедра и резко щипает клитор, я вздрагиваю и постанываю. Скорее всего, это прикосновение, не для того, чтобы возбудить меня. Оно похоже на интимное извинение за

боль. Незнакомец поднимается, все так же двигаясь и отлично ориентируясь в темноте, ослабляя ремни на руках и ногах, а затем и вовсе снимая.

— Тебе понравилось? — его глубокий голос заставляет меня сжать бедра, потому что желание опалает мою плоть..

— Д-да, понравилось.

Самое потрясающее то, что я говорю правду, и это делает меня в каком-то смысле извращенной. Что со мной не так, черт возьми? Он шумно выдыхает, снимая ремень с моей шеи, и я будто проваливаюсь в дымку, плыву над кроватью.

Я сижу на кровати без движения,

пока он собирает свои вещи. Я чувствую его рядом, когда он одевается. Затем в течение некоторого времени он просто стоит и смотрит на меня. Костяшками он нежно гладит меня по щеке.

— Увидимся.

Незнакомец направляется к двери. Когда он открывает ее, яркий свет, который освещает коридор, с силой ударяет мне в глаза. Он замирает, и я пользуюсь моментом, чтобы рассмотреть образ мистера Загадки. На нем потрепанная кожаная куртка, черная сумка в правой руке. Он склоняет голову к плечу и разглядывает меня. Он стоит там еще некоторое время, чтобы я

могла запомнить его красивый образ.
Темные волосы, которые прибывают
в беспорядке, и чувственные губы.

Он уходит.

Я никогда не узнаю его имя.

2 глава

Слоан

Эли не отвечает на телефон. Я настойчиво звонила на протяжении трех дней, но Эли — лгун, манипулятор, отвратительный Эли, не отвечал.

Я была в его офисе сыскного агентства только лишь однажды. Мрачное, депрессивное помещение над винным магазином в долине Ренье, где воняло протухшей китайской едой. Я пропустила смену в больнице этим утром для того, чтобы понять, что за чертовщина происходит. Крошечная и глупая

часть меня сходит с ума по этому поводу с тех пор, как я покинула тот номер в гостинице.

«Ты полная идиотка. Он провел тебя. Ты переспала с абсолютным незнакомцем, отдала ему часть себя, которую ты никогда больше не вернешь. Никогда. И что же теперь?»

И что теперь? Я получу ответ на этот вопрос только тогда, когда поговорю с Эли.

Лестница в его офис кажется такой же скользкой, как лед. Я прохожу ее безумно осторожно, задыхаясь от волнения при каждом следующем шаге. Машина этого куска дерьма припаркована на стоянке внизу, и я уверена, что он

здесь. Я пока не знаю, что буду говорить ему. Я могу попытаться угрожать ему тем, что пойду в полицию, если он не даст мне информацию, которую обещал. Это не сработает — у меня нет ни одного доказательства того, что мы заключили сделку и, кроме того, Эли частный детектив. Мое слово против его слова. Возникнет ли у полиции хотя бы мысль о том, что я могу говорить правду?

Я решительно иду вперед, зная, что если постучу в эту дверь, то просто испугаюсь и сбегу как самая последняя трусиха. Поэтому открываю дверь и сразу с порога начинаю выплескивать поток

гневной информации в тот момент, когда вижу человека, сидящего в кресле.

— Что за херня, Эли? Я звонила столь...

Мой язык припадает к небу; мозг отключается. Это просто не может быть правдой.

— Ох, твою ж мать.

Сначала резкий запах смрада ударяет мне в нос. О боже, этот запах. Я пытаюсь дышать через нос, но запах, который сконцентрировался в помещении, больно ударяет по моим пазухам. Я закрываю лицо руками, пытаюсь понять то, что сейчас передо мной. Эли был большим парнем и раньше,

но сейчас его живот раздуло до огромных размеров, и он отодвигает его тело от стола. Я видела такое раньше, когда была стажером в интернатуре, но только в морге. Вздутый живот. Все газы и бактерии хотят вырваться наружу, и по внешнему виду трупа у них это получится рано или поздно.

Так Эли не отвечал на мои звонки в течение трех дней, потому что был убит. Его офис выглядел так, как будто кто-то был очень взбешен и устроил ему кровавую разборку. Кровь покрывает алыми брызгами стены и его стол. Много крови. Она покрылась засохшей корочкой и уже высохла на ковре, который

полностью был пропитан ею. Рот Эли раскрыт в ужасном искаженном выражении, его глаза закатились. Его кожа выглядит болезненно серой везде за исключением рук. Они лежат на столе, темно-фиолетовые пальцы налиты застоявшейся кровью, которая скопилась в его ладонях, отчего его пальцы такого цвета.

Я начинаю рыдать, и когда до меня, наконец, доходит, что здесь произошло, беру себя в руки настолько, чтобы войти в комнату к мертвому ублюдку, который обманул меня и вынудил лишиться девственности. Не потому что я чувствую себя плохо из-за смерти

Эли. Нет. У меня достаточно позитивные чувства по этому поводу: мерзавца зарезали его собственным ножом для писем, который, кстати, всё еще торчит в его груди. Я плачу, потому что он мертв и никогда уже не скажет мне правду, где сейчас находится Алексис. Я никогда не узнаю, говорил ли он мне правду. Жива ли она.

Стоп, все не может быть просто так. Не может быть, чтобы все закончилось вот так. Здесь должно быть хоть что-то. Некая деталь, которая поможет выяснить то, что он собирался рассказать мне. Я полностью пришла в себя, когда поняла, что должна была сделать. Я

видела вещи и похуже, чем труп Эли. И это не так мерзко, как то, через что он заставил меня пройти. Какие эмоции заставил испытать. Сейчас это злость. Я так зла, что меня обманули, так взбешена, что боюсь того, что сделала бы, если бы он был жив. Меня не арестуют, если я пырну его еще разок, когда он уже мертв, но все же... Я не хочу крови убитого козла на моих руках.

Я втягиваю полные легкие воздуха и задерживаю дыхание, затем, преодолевая отвращение, делаю шаг вперед. Я просто должна пройти через это ради Алексис. Это все для Алексис. Возможно, он сохранил информацию в файле где-

то здесь. Это то, что каждый частный детектив сделал бы, правильно? Хотя Эли был гораздо больше, чем обычный частный детектив. Он был наркоторговцем и сутенером. Ведение дел по частному сыску определенно не было главным в списке его приоритетов.

Меня начинает тошнить, когда я прохожу дальше в его офис, который полностью перевернут, как будто тут что-то искали. Я перешагиваю через опрокинутое кресло, пытаюсь найти маленький шкафчик с тремя ящиками. Он не закрыт. Вверх сильно примят, будто кто-то сильно приложился к нему ломом. Внутри лежат три файла. Я радостно

выдыхаю, когда с легкостью открываю средний ящик и нахожу файл, помеченный именем моей сестры: «Алексис Ромера. Пропавшая без вести».

Дрожащими пальцами я вытаскиваю документ из ящика и опускаюсь на колени, чтобы, наконец, узнать все о ее пропаже. И сразу понимаю, что он пуст. Там нет ничего внутри, ни листочка с гребаной информацией.

— Нет, нет, нет, давай же.

Внутри других файлов есть все документы. Постоянная информация о налоговых счетах и супружеских изменах, и только файл Лекс пуст. Что за черт? Нет ни одной бумаги на

столе Эли и также пусто на полу. Никаких скрытых ящичков, которые могли бы содержать нужную мне информацию. Все пропало. Кто-то забрал ее, и у меня нет идей, кто это мог быть. Я больше не могу держать это в себе. Я наклоняюсь вперед, и последние три дня наконец-то берут свое. Меня выворачивает моим скромным завтраком, который состоял из тоста и апельсинового сока. Меня рвет с такой силой, что я чувствую, как сухие крошки тоста царапают заднюю стенку горла.

Я сотрясаюсь рыданиями всю дорогу от офиса Эли. Я чувствую себя бесполезной. Обессиленной. Слабой.

— Мне очень жаль, Лекс. Мне так жаль.

Она меня не услышит, но я должна была сказать эти слова. Признавая это вслух, я отпускаю всю эту ситуацию вместо того, чтобы прятать эту правду глубоко в себе, позволяя ей обжигать меня болью раз за разом. Я оставила это. Вся надежда найти ее потеряна. Гадкая часть меня признает, что это все к лучшему. Осознание проникает в мой разум, словно резкий и глубокий вдох, мгновенно пронзая меня болью от кончиков волос до кончиков пальцев. Нет ничего, что я могу сделать теперь. Это уже не моя ответственность. Я очень-очень

плохой человек. Я даже не
потрудилась сообщить о смерти Эли.

Я оставила его гнить там.

3 глава

Зет

2 года спустя

— А ты очень скандальный человек.

Смех Лейси чертовски раздражает меня с самого утра. Она стебется надо мной весь день из-за того, что я заказал двух проституток на дом, а потом чуть ли не пинками выгнал их, после того, как оттарихал. Эта женщина просто не понимает, когда нужно, бл*дь, заткнуться. Мы застряли в пробке двадцать минут назад, и двадцать минут взаперти с

Лейси все равно, что двадцать минут в аду.

— Как насчет не говорить об этом больше, а, Лейси?

— Как насчет того, чтобы ты рассказал мне, что сделал этот парень, и я заткнусь? Мне кажется это чертовски справедливо.

Лейси выглядит очень миниатюрной. Все ее детство прошло в полуголодном состоянии, из-за этого у нее, скорее всего, развился недостаток питательных веществ, которые необходимы для нормально роста, потому что она доходит мне только до середины груди. Ее длинные шелковистые светлые волосы каскадом ниспадают

на спину, а в дополнении у нее потрясающие светло-голубые глаза, что делают ее похожей на ангела, но, черт побери, она кто угодно, но не ангел. Я бы оставил ее дома сегодня, но она не фанат собственной компании. Когда она остается наедине с собой, то забивает голову всякой чушью, а визит в больницу — это последнее, что мне сегодня нужно, так что выбора нет, поэтому малышка со мной. Особенно не после всего, что я сделал.

— Фрэнки совершил что-то ужасное. Это все, что тебе нужно знать.

— А когда Фрэнки не совершал какую-то херню? — говорит Лейси и

капризно надувает губки.

Они с Фрэнки трахались пару раз, прежде чем она появилась на пороге моего дома, как бездомная кошка, и отказалась уходить. С тех пор она была сосредоточена на хрупкой добыче, именно на разных женщинах. Чаще всего мне приходится быть осторожным с цыпочками, которых я привожу на склад. Как только я выпускаю их из виду всего на десять минут, Лейси уже снимает им трусики и зарывается лицом между их бедер. Девчонка не знает границ.

Но все же, я думаю, что она переживает из-за Фрэнки. Она успокоилась на какое-то время, когда

я сказал ей, куда мы направляемся, что бывает не слишком часто.

— Только не устраивай сцен, ладно? Подожди в машине, сделай так, как я сказал. Это займет максимум минут пять.

Правда в том, что я без понятия, что именно сделал Фрэнки. Все, что я знаю, я должен был нанести визит, а такое происходит только когда кто-то крупно облажался.

Чарли, на самом деле, совсем не снисходительный человек, он отправляет своих самых лучших парней решать серьезные проблемы. Просрочил плату по кредиту, мужик — ты попал. Чарли отправляет Сэма, чтобы вырвать тебе парочку ногтей.

Вдруг по какой-то причине потеряли партию высококлассного кокса, цена которого на улице приравнивается к огромному пятикомнатному дому. Тогда я приду по вашу душу. «Каждый должен заниматься своим делом», — как говорит об этом Чарли.

Мы проезжаем мимо сети маленьких фермерских магазинчиков Монтерелло, и я резким движением переключаю рычаг скоростей на нейтральную передачу. Идет сильный дождь. Сюрприз, какой же гребаный сюр-мать-его-приз. Добро пожаловать в Сиэтл. Через лобовое стекло практически ничего не рассмотреть, оно становится темным, потому что капли дождя, не

переставая, барабанят по нему, как только выключаются дворники. На мгновение в машине воцаряется такое ощущение, что это наш маленький мирок, в котором существуем только я и Лейс

— Ты слышала меня? Оставайся в машине.

Она салютует мне приветствие тремя пальцами — бойскаутское приветствие, — которое обозначает, что она чувствует, что-то здесь не ладно, но не хочет спорить.

— Так точно, Большой Босс.

Она начала называть меня так с того дня, как я начал платить ей за то, чтобы она отмывала мои деньги. Я мог нанять евреев для этой работы,

но и этого довольно обеспеченные парни. Кроме того, Лейси нужен заработок или дело, пусть даже и нелегальное.

— Сейчас вернусь.

Я выпрыгиваю из машины, беру черную сумку с заднего сиденья моего «Камаро» и направляюсь в Монтерелло, не оборачиваясь назад. Сомневаюсь, что Лейси послушает меня сегодня. В любом случае дождь испортит ее идеальную прическу, а прямые красивые волосы намокнут. Меня реально раздражают такие мысли, потому что, какого хрена я знаю девчачье дерьмо по типу этого.

Внутри помещения, Арчи Монтерелло, брат Фрэнки, стоит за

прилавком, заворачивая купленный товар пожилой женщине с идеально уложенными и зачесанными назад волосами. Вероятно, парик. Когда он видит меня, его глаза расширяются, и он роняет мешок, помидоры вываливаются из сумки и выкатываются на прилавок, затем падают на пол

— Фрэнки не здесь, Зет. Сегодня он с Синди.

Я игнорирую малыша. Потому что ему платят за то, чтобы он поддерживал респектабельную и честную репутацию магазина, и если кто-то из членов семьи в беде, он будет прикладывать все усилия, чтобы помешать его достать.

Этого я и ожидал.

Я направляюсь напрямиком к раскрытым дверям, которые находятся позади прилавка, в то время как Арчи спешно перепрыгивает через прилавок, вероятно, чтобы остановить или задержать меня, его зеленый рабочий фартук с эмблемой магазина закинут на левое плечо.

— Зет, я же четко сказал, мужик. Фрэнки действительно тут нет.

Когда я врываюсь в скрытое от посторонних глаз офисное помещение, то вижу, что Фрэнки определенно здесь. Его избитая жена-наркоманка стоит на коленях перед ним, делая ему минет. Черно-

белое коротенькое платье, в которое одета, приподнялось сзади, поэтому я могу видеть ее голую задницу. Удивленное выражение лица Фрэнки бесценно. Он так ошеломлен, что ему необходима, по меньшей мере, минута, чтобы хлопнуть Синди по плечу. И еще минута, чтобы она перестала.

— Спрячь свой гребаный член, Фрэнки. Есть разговор.

Последняя вещь, которую мне нужно видеть после сытного обеда — это итальянский член. Я поднимаю глаза к потолку, пока он приводит себя в порядок. Синди встает, одной рукой держась за край стола, а второй поправляет платье

вниз. У нее красные воспаленные глаза, взгляд затуманенный. Другими словами, она обдолбана.

— Какого хрена, Зет? Ты не можешь просто врываться сюда каждый раз, когда тебе хочется, ты же знаешь это?

Ее муж шлепнул ее по бедру.

— Следи за языком, сучка. Следи за тем, что ты говоришь, когда обращаешься к моим деловым партнерам.

С тем же успехом, он мог опрокинуть ведро ледяной воды ей на голову. Искра жизни снова вспыхивает в ее глазах.

— Иди к черту, Фрэнки. У меня есть куча куда более интересных

занятий, вместо того чтобы тереться вокруг тебя целыми днями.

— Ты будешь снова на коленях и сосать мой член, как только я позову тебя. А теперь пошла вон. У нас с Зетом есть дела.

Он либо не понимает, почему я здесь, либо Фрэнки пытается втереться ко мне в доверие. Похер. Здесь нет места милой болтовни или лести, и уж точно не надо лизать мне задницу. Я поджимаю губы, когда Сидни, как ракета, проносится мимо меня, выскакивая из офиса. Когда сука проходила мимо, она намеренно толкнула меня плечом. Я посмотрел на Фрэнки и вскинул бровь.

— Дерьмовое воспитание, —

рявкаю. я.

— У нее все дерьмовое, — бросает он мне надменно.

Фрэнки и Сидни были как Бони и Клайд лет десять назад, но сейчас он стал волочиться за каждой юбкой и засовывает член в каждую дырку, а она потрепанная шлюха. Но Фрэнк всё еще хорошо выглядит, и это единственная причина, почему Лейси посмотрела на него дважды.

— Ты же знаешь, почему ты здесь, Зет? — выплевывает он.

— А мне надо?

Фрэнки пожимает плечами.

— Ну, мне кажется, человек должен знать, когда его посылают убить другого.

Так он знает, зачем я здесь. Я не удивлен; никто не может взбесить Чарли, не понимая последствий, которые тебя ждут.

— Я не тот, за кого ты меня принимаешь... Я не человек из близкого окружения. Мне всего лишь дают адрес и инструкции. Все.

— И сумку, набитую деньгами, вдобавок, я прав?

Моя очередь пожимать плечами. Нет смысла это скрывать.

— Естественно, ты же не думал, что это бесплатная забава.

— Что ж, как насчет того, если я дам тебе две сумки набитых зелеными вместо этого, Зет? И ты пойдешь прямо туда, откуда пришел,

И мы покончим с этим раз и навсегда?

— Ты хочешь нанять меня, чтобы я грохнул Чарли?

— Почему нет?

Фрэнки тот еще мудака. Он богаче самого Бога. Восемьдесятые давно позади, но кое-что не меняется — кокаин все еще наркотик Сиэтла. И я сомневаюсь, что это его первый раз, когда он предлагает купить чье-то расположение. Определенно не было ни одного идиота, кто посмел бы ему отказать до этого момента. Видимо, дело в том, что у меня нет жалости. И мне плевать на его деньги. Я бросаю черную сумку на стол, тем временем приближаясь к

нему.

— Открой ее. Облегчи мою работу и вытащи тряпку, которой я вытираю кровь с рук, когда заканчиваю с такими мудаками.

Фрэнки всё еще стоит, не двигаясь и не мигая. Ублюдок, скорее всего, имеет стальные яйца.

— Я человек Чарли, и ты знаешь это, Фрэнки. Сегодня у меня еще есть дела, которые требуют моего внимания, поэтому давай закончим с этим дерьмом быстро?

Причина спокойствия Фрэнки появляется в руке секундой позже. Кусок дерьма направляет на меня пистолет, который все это время держал под столом. «Дезерт Игл»

пятидесятого калибра. Охрененно, бл*дь.

— Хреново, что ты не можешь выполнить работу для меня. Чарли находится на своем месте слишком долго, пришло время ему покинуть нас, ты же понимаешь о чем я, мужик? Пришло время тебе уносить отсюда свою трусливую продажную задницу, окей?

За эти годы в меня целились и направляли пушку огромное количество раз. В этот опасный момент всегда можно увидеть то, к чему стремится человек, что он хочет сделать, его эмоции и мысли написаны в его глазах, как текст на странице книги. Некоторые из них

просто хотят запугать, чтобы ты отвалил; другие настолько отчаялись, что пытаются скрыть собственный страх и заставить тебя поверить, что они действительно сделают это. И у вас нет другого выхода, кроме того как верить им. А некоторые — акулы. Бесчувственные и холодные, как чертовые бульжники. Люди, которые несметное количество раз спускали курок до этого, и не будут думать дважды, прежде чем повторить это. Фрэнки, мерзкий маленький гавнюк, — акула.

Я бы никогда не сказал этого вслух. Я сжимаю кулак, глядя на него. Мы разберемся с этой херней здесь и сейчас. И пусть все будет так,

как должно быть.

— Я так понимаю, ты собираешься выстрелить в меня?

— Полагаю так, — отвечает он.

Кто-то когда-то сказал одну очень важную вещь, из-за чего я сделал татуировку на своей груди, когда был пьян: «Так и должно быть».

Я знаю, что это тогда сказал Билли Пилигрим из «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей», но я притворился, что не помню. Потому что это будет только подчеркивать тот факт, что в старших классах школы я читал что-то, перед тем как меня вышвырнули. Я никогда не замечал важной детали —

насколько все верно сказано. И сейчас, в минуту, когда моя жизнь предоставлена Господу Богу, когда грань между жизнью и смертью тонка, как невесомое облако, я понимаю, насколько эта фраза черстовки идеально звучит. «Так и должно быть». Судьба, мать ее. Если мне не избежать быть застреленным сегодня вечером, то так и должно быть. Это настолько очевидно и невероятно, и все в одно и то же время.

Боль пронзает мое тело, как горячее серебряное копьё. Пуля попала мне в грудь, на два сантиметра ниже ключицы. И, кстати, это чертовски больно.

Фрэнки выглядит удивленным, что я всё еще стою. Если бы я был им, я бы уже выстрелил еще пять раз или разрядил всю обойму, только для того, чтобы убедиться в том, что я мертв. Ублюдок, должно быть, мечтает об этом. Я перепрыгиваю через стол и выбиваю пистолет из его руки, вырывая из его хватки.

— Большая ошибка, Фрэнки.
Большая ошибка.

Я поднимаю кулак и силой впечатываю в его физиономию. Хруст ломающихся костей напоминает металлический скрежет, то как рвутся мышцы и кожа на его лице от жестоких ударов, позволят мне насладиться процессом. Но не

стоит увлекаться, потому я всегда испытываю удовольствие, только когда дело полностью закончено, чужая боль — мое наслаждение. Голова Фрэнки откидывается назад с каждым следующим ударом, но я не останавливаюсь, ударяю снова и снова. Мои руки, футболка, пиджак, джинсы — всё покрыто кровью, когда парень падает на пол. Я истерически смеюсь, вижу как кровь, которая льется из его рта, пузырится на его губах.

— Это была не моя ошибка, — бормочет он, захлебываясь кровью.

Из-за выбитых зубов речь его становится невнятной, но в общих чертах я понимаю, о чем он пытается

сказать.

— Ты закрываешь людей внутри контейнеров для морских перевозок на три дня. Три дня, за которые они умирают, Зет. В чем ... в чем моя ошибка?

Буррито, которое я съел час назад, напоминает о себе у меня в желудке, вызывая рвотные позывы. Что за хрень он несет? Я поднимаю кулак, чтобы ударить его со всего маху, но... не могу.

— Какие люди?

— Однажды Чарли забирал кое-кого из порта. Девушек. Девушек из кон... контейнеров.

Я позволяю Фрэнку продолжить. Девушки в контейнерах? Чарли

обещал мне два года назад, что он не будет иметь дело с девушками. Наркотики и стволы — да, но он поклялся, что не будет никакой работорговли.

— Зачем ему нужны были девушки?

Я прижимаю руку к плечу, чувствуя боль. Она становится нестерпимой, но, по крайней мере, я не причиняю боль кому-то другому.

— Для чего он перевозит девушек таким способом?

— А ты как думаешь? — грубым голосом бормочет Фрэнки. — Он получает двадцать кусков за каждую шлюшку, если сможет доказать, что они всё ещё живы.

Он захлебывается кровью, которая льется у него изо рта и стекает по его подбородку, капая на его разорванную рубашку.

— Ты лжешь.

— Нет, — говорит он, и я верю ему.

Бл*дь.

Чарли единственный, кто врал мне всё это время. Часть меня хочет верить, что это какая-то новая сделка, но я знаю своего босса. У него есть степень, он овладел искусством лжи на высшем уровне. Особенно, когда это касается денег, больших денег. Не может быть, чтобы он упустил двадцать штук за детей, которых воровал у их семей. Моя

голова кружится, я растерян и замираю от нестерпимой боли из-за чертовой пули, что застряла в моем плече. Сквозь затуманенный рассудок, я все еще соображаю. Значит ли это, что я был прав насчет девушек? Значит ли это, что Чарли забрал сестру той девушки около трех лет назад?

Первый раз, когда я увидел Слоан, она работала в ночную смену в больнице. Моему придурку дяде только что стукнуло «восемьдесят шесть» — это наказание присуждается, если человек облажался, не выполнил работу должным образом.

Быть «восемьдесят шестым»

значит, что вас похоронят на глубине восьми футов, вместо того, чтобы в вашу тачку впечаталась еще одна на полном ходу. И тогда я был там, чтобы опознать тело. Ну, или то, что от него осталось. Я бы сказал, что Слоан в тот день выглядела, словно раненная птица. Красивая, понимающая, с блестящими карими глазами и волнистыми каштановыми волосами. Я видел борьбу в ее глазах, я был захвачен ею. Покорен и ошеломлен на десять секунд. Мы стояли лицом к лицу в коридоре, пока она ожидала лифт, и она посмотрела на меня. И я ощущал, будто мои внутренности сжимались, зная, что она не замечает меня вовсе.

В глубине ее глаз я отчетливо увидел ужас, о котором я мог только гадать. А я не люблю теряться в догадках.

Я сделал это своей целью — найти все, что было известно о ней. И именно тогда я узнал, что ее сестра пропала. Просто исчезла, когда той всего лишь было восемнадцать лет. Семья Слоан были христианами до мозга костей — свадебные кольца, молитвы каждое воскресенье, никакой ругани, никакого алкоголя. Только когда ее сестра пропала, Слоан перестала ходить в церковь. Перестала носить крестик, который, я знал, подарила ей ее мать. Она отказалась от веры в Бога, потому что это было слишком тяжело

сохранять свою веру живой, когда что-то настолько ужасное разрушает покой и мир в вашей семье.

И затем, ко всему прочему, я доказал что мое звание мудака совершенно оправданно. Я лишил ее девственности.

Я узнал, что Эли Харрис работал с ней, когда обнаружил, что он должен выплатить долги Чарли. Он хвастался сделкой, которую заключил с ней, когда каждый месяц отстегивал дань в виде кругленькой суммы зеленых за то, чтобы Сэмми и другие парни не трогали его бизнес. Большой ублюдок думал, что это весело, продавать ее задницу за приличные бабки парню, который

заслужил репутацию одиночки. Парню, который любит жестоко избивать своих женщин, в то время, пока он трахает их. Я заплатил огромную сумму наличными, чтобы занять его место, и потом я заставил ублюдка Эли рассказать все, что он узнал об исчезновении Алексис Ромера. Сутенер сказал, что все дело рук Чарли. Я не поверил ему тогда. Я убил его за эти слова, и Чарли был безумно обижен, когда я спросил его об этом.

«Ты знаешь меня лучше всех вместе взятых, сынок. Я проворачиваю незаконные сделки, но не заинтересован в кисках. Карма слишком жестоко карает за такое

дерьмо. А теперь, убирайся на хрен с моих глаз».

У меня была всего одна ночь со Слоан, а потом я сжег все мосты. Не оставил ей ни единой возможности узнать что-либо о сестре от Эли. Это было жестоко, да, но так она избавилась от этого козла и его сделки. Если бы не грохнул Эли, он бы не отпустил Слоан, требуя все больше и больше с каждым разом. Но блин, я должен был хотя бы убедиться, что ей понравилась наша ночь. Удостовериться, что у нее не будет ночных кошмаров обо мне каждый раз, когда она закрывает глаза. Я знаю, что мог бы просто уйти оттуда, оставить ее в номере

отеля девственницей, не тронутой, но, черт, я не мог этого сделать. Это и есть то, что я говорю себе, чтобы оправдать свои действия. Я должен был завладеть ею. Кроме того, она в любом случае не выдаст никому этот маленький секрет. Возможно, если бы я знал, что ее девственность все еще при ней, то мне было бы спокойней.

Ну да, конечно.

— Ты уверен насчет этого?

Я стискиваю ладонь на его шее, и его глаза распахиваются сильнее.

— Да, чувак! Да! Я уверен!

Будь ты проклят, Чарли.

Я нагибаюсь и поднимаю то, что ранее уронил Фрэнки. «Дезерт Игл».

Обычно я не убиваю выстрелом из пистолета, но иногда ради такого дела, я могу сделать исключение

— Зет! Зет, мужик, не надо! Прости меня, ладно? Я... я сожалею, что выстрелил в тебя!

Его мольбы вызывают во мне тошноту. Я делаю это. Я спускаю курок, и голова Фрэнки откидывается назад, как у робота, везде брызги крови. Вся комната заполнена кровью и кусочками костей черепа, которые напоминают кусочки фарфора.

— Почему я всегда оказываюсь права?

Я поворачиваюсь и вижу Лейси. Она стоит в дверях офиса, одна рука

лежит на груди, она держится за сердце. Она промокла до нитки и тяжело дышит.

— Лейси...

— Не беспокойся об этом, — говорит она мне, — я уже все знаю.

Она входит в комнату и смотрит вниз на тело Фрэнки. Затем хмурится, брови сходятся на переносице, губы сжаты в растерянности. Я бы хотел думать, что это ее первый труп, только я знаю правду. Она поворачивается ко мне и протягивает мне руку.

— Пошли. Давай отвезем тебя в больницу.

Я беру ее за руку.

— Нет. Только не в больницу. Я

не собираюсь ехать туда.

Я не буду рисковать, потому что там я могу увидеть Слоан. Но этого не произойдет до того, пока я не увижу Чарли и не узнаю правду. Даже если мне придется выбить ее из него. Я узнаю всю правду.

4 глава

Слоан

— Десять кубиков адреналина внутривенно. Звоните в операционную, скажите им, что мы уже поднимаемся.

— Да, я... я понял вас.

Я смотрю вперед и вижу, что тощий стажер с неопрятной прической все еще стоит там, загипнотизировано смотря на парня, который лежит на каталке перед ним.

— Какого хрена ждешь? БЕГИ!

Новенькие стажеры — это кошмар. Они такие неумелые и никому не нужны. Между спасением

людей, которые попали в автомобильную аварию, которым оторвало конечности или которые сильно травмированы, не обращая внимания на мир, который рушится вокруг нас, нам нужно научить их оказывать первую помощь и лечить людей. Мне это кажется полным безумием, потому что я и сама не так давно научилась делать это.

— Мы теряем его, док! Адреналин? — торопливо спрашивает медсестра.

Адреналин — это последнее, что сейчас нужно этому парню. Его пульс и так на критической отметке. Все, что требуется этому парню на данный момент — защитить хренову

дыру в его животе, через которую можно видеть его внутренние органы. Одному Богу известно, насколько травмированы органы. Я не собираюсь гадать на кофейной гуще и тратить драгоценные минутки, я проведу детальный осмотр, когда окажусь в операционной и уберу всю кровь. А прямо сейчас я могу сказать с абсолютной уверенностью, что парень собирается умереть на каталке, если мы не предпримем хоть что-то. И в срочном порядке.

— Давайте быстрее в лифт, — говорю старшей медсестре.

Она кивает, снимает каталку с тормоза и отдает четкие указания

своей команде, даже не моргнув. Грейс профи. Она, скорее всего, способна спасти этого парня сама, если потребуется. Я даже могу смело добавить, что половина персонала в этой гребаной больнице способна самостоятельно спасти самых тяжелых пациентов, если того потребует случай. Я точно знаю, что врачей тут недооценивают, не платят им надлежащим образом, и люди работают сверхурочно, не разгибая спин, в ответ не получая ничего.

Его органы смещаются, когда мы закатываем каталку в лифт. Мои руки все еще в животе этого парня, удерживая внутренние органы, которые грозят вывалиться при

каждом резком движении каталки. Я нервно постукиваю ногой, пока на электронном табло яркие цифры сменяют друг друга. Я больше не страдаю от клаустрофобии, мне помогло множество поездок по типу этой, когда совершенно нет времени на себя, когда от тебя зависит жизнь другого человека. В больнице всего четыре этажа и, кажется, проходит целая вечность, прежде чем двери разъезжаются в стороны. Я прихожу в себя, когда понимаю, что нам нужно выходить из лифта и бежать быстрее по коридору к операционной.

— Быстрее, быстрее!
Шевелитесь!

Интерн, которого я послала предупредить хирургов и подготовить операционную, Майки, его вроде бы так зовут, появляется как раз вовремя, чтобы придержать дверь лифта.

— Они знают, что мы уже едем?

— Да!

— Его показатели падают, док,

— Грейс говорит мне за секунду до того, как его пульс падает, и мониторы, на которых фиксируется уровень кровяного давления, начинают неистово пищать.

Я вытаскиваю руки из парня и хватаю Майки.

— Держи его внутренности двумя руками.

Майки выглядит, словно напуганный кролик в свете фар, когда я кивком показываю на пациента.

— Что-что вы такое говорите?

Я теряю контроль, беру обе его руки и надавливаю ими туда, где необходимо.

— Я сказала тебе удерживать кишки этого парня в его теле, вот что!

Майки мог исполнить или не исполнить мой приказ. Но я больше не собираюсь тратить ни минуты. Я склоняюсь над грудной клеткой парня и начинаю делать ему массаж сердца. Один, два, три, четыре, пять...

Сила, с которой вы делаете это, не должна создавать помех дыханию пациента. Но все же сейчас в приоритете — заставить сердце парня биться. В любом случае Грейс тоже помогает мне. Она одевает ему кислородную маску, с помощью которой мы пытаемся вентилировать его легкие. Благодаря ее быстрым действиям сейчас он насыщается кислородом, пока я изо всех сил стараюсь, чтобы сердце парнишки начало биться.

Двери снова открываются.

— Хорошо, давайте двигаться.

Я не могу делать ему массаж сердца и бежать одновременно, так что запрыгиваю на нижнюю

перекладину каталки и проезжаю весь путь до операционной. Я уже видела, как доктора делают это, когда была таким же новичком, как Майки, и не могла даже представить себя достаточно собранной, чтобы сделать это. Много изменилось за прошедшие четыре года.

Исчезновение Лекс, мои попытки найти ее изменили меня настолько сильно, что я уже не тот человек, каким была раньше. Я отношусь к тому типу людей, которых неприятности стимулируют достигать новых высот и стремиться к победам. Я стала холодной. И расчетливой. Я не сломаюсь под давлением обстоятельств, и всего

дерьма, что выплеснула на меня жизнь. Я пытаюсь справляться с вещами.

Все это началось с того, что произошло тогда в номере отеля. В ту ночь, я потеряла часть себя, я продала, отдала себя. Именно та ситуация помогла мне сложиться как личности, подстегнула идти вперед. Самая первая операция, в которой я приняла участие, проводилась на мне. Я своими руками вырезала тупым скальпелем у себя чувства, что так отягощали мою жизнь и затем, когда вырвала помеху из своей груди, я продолжила жить дальше, радуясь пустоте, что зародилась у меня в душе.

Команда медсестер уже ждет меня, когда мы подбегаем к третьей операционной. Я держу нашего пациента в живых уже целых двести пятнадцать секунд. Время неумолимо бежит вперед. Доктор Мэйси уже обработал руки специальным раствором и готов начинать работу, в тот момент, когда мы достигли стерильной приемной, что находится между коридором и операционной. Слава Богу, тут доктор Мэйси, его специализация пулевые ранения и травмы различной степени тяжести. Я чувствую облегчение, что почти усмехаюсь, когда вижу его лицо, скрытое за маской.

— Личность не установлена,

дорожно-транспортное происшествие, внутренние травмы полностью неизвестны, давление упало между первым и вторым этажом.

Мэйси кивает, его лицо скрыто за маской, но он все еще сосредоточенно смотрит на меня. Его взгляд говорит сам за себя. Он прекрасно понимает степень сложности.

— Иди приготовься и тащи свой зад сюда. Выглядит так, как будто нам обоим придется постараться, чтобы вытащить парня с того света.

Медсестры из операционной закатывают каталку в кабинет, исчезая с моим пациентом за

двойными дверями. «Мой пациент».

Когда ваши руки внутри человека, неважно жив он или мертв, это уже определено становится вашей ответственностью.

— Бл*дь.

Майки становится возле меня, кровь покрывает его латексные перчатки, и капельки срываются и падают на белоснежный халат. Он выглядит так, как будто вернулся с кровавой разборки киллеров.

— Это очень сложно.

— Это было мокро и грязно, — поправляю его я. — Ты не можешь впадать в ступор, Майки. Твое сомнение может стоять чьей-то жизни.

Я чувствую, будто только что пнула щенка. На самом деле, Майки всего лишь на три года младше меня, но в нашем больничном мире три года опыта — это целая жизнь. Он смотрит на меня печальными глазами, но подобные проявления слабости не помогут ему наладить со мной отношения. Нам нельзя допускать такие чувства, как угрызение совести. Оно означает, что мы выложились не в полную силу. У нас нет места для сожаления, траты времени и остального дерьма.

— Ты собираешься спасти его?
— спрашивает Майки.

Могу ли я сделать это? Могу ли я сделать для этого пациента то, что не

смогла даже для собственной сестры? Я говорю Майки то же, что говорила себе каждое утро до того, как только переступила порог больницы.

— Я собираюсь попытаться. Но будь я проклята, если не выложусь на все сто.

Мы потеряли его.

Иногда, неважно сколько крови, пота и слез ты прольешь из-за другого человека, иногда, даже когда ты прилагаешь много усилий, этого недостаточно. В данный момент на операционном столе истекает

кровью Гэрри Сандерс, двадцать семь лет, пока доктор Мэйси и я сражаемся за его жизнь. Его внутренние органы представляют собой кровавое месиво. Я научилась принимать исход таких операций: я не чувствую вины. Я человек, который способен попытаться только и всего. Когда люди переступают порог больницы, они забывают, что возлагают большие надежды на простых смертных. Я не Бог. И уж тем более не волшебник. Дни делаться на плохие и хорошие. В те дни, когда вы можете спасти человека, вам начинает казаться, что солнце светит чуть ярче. Но есть и дерьмовые дни. По типу

сегодняшнего.

Мне предстоит трудная задача — сказать беременной жене Гэрри, что ее муж скончался. Я уже ко многому привыкла в моей работе. Мои коллеги думают, что я обладаю способностью доносить до людей ужасные новости. Но я ничем таким не обладаю, я такая же как они. Мне тоже это причиняет невероятную боль. Но разница между ними и мной в том, что я умею сдерживать внутреннюю боль под контролем. Я стала экспертом в том, как не допустить, чтобы боль держала вверх надо мной. Если бы был такой олимпийский вид спорта, я бы взяла золотую медаль.

Я подхожу к комнате ожидания и тихонько открываю двери. Внутри находится брюнетка с большим животом, что говорит о том, что она на последнем сроке. Когда я смотрю на нее, то чувствую, как желудок сжимается, она свернулась калачиком на стульях. Медицинская карта, что крепко сжата в моих руках, падает на пол.

— Лекс? Алексис?

Я понимаю, что это не она через секунду после того, как ее имя срывается с моего языка. Смятение и непонимание отражаются на лице женщины.

— Простите, я ...

Эта женщина выглядит намного

старше, чем сейчас была бы Алексис. Ее глаза не темно карие как у Лекс, они светлее, скорее всего, орехового цвета. У нее усталый вид.

— Вы знаете меня?

— Нет, нет. Простите. На мгновение я подумала, что вы кое-кто другой.

— Всё нормально. Я просто рада видеть хоть кого-то. Я прождала здесь много часов. Никто ничего не говорит мне. Могу я пойти увидеть Гэрри сейчас? Он сойдет с ума, если придется пропустить работу. Он ни разу в жизни не брал больничный.

У нее бессвязная речь. Улыбка на ее лице говорит мне о многом. Она надела на себя эту маску, чтобы

немного дистанцироваться от боли и переживаний, чтобы не расплакаться в незнакомом и странном помещении. Хотя она догадывается о том, как обстоят дела на самом деле.

— Мне жаль, миссис Сандерс, могу я присесть к вам на минутку?

Ее улыбка меркнет. Когда она тяжело опускается на свой стул, ее поглощает первая степень горя — отрицание.

— Нет. Нет, они сказали, что с ним всё будет хорошо. Здесь, должно быть, ошибка. Пожалуйста, можете пойти и убедиться, что с ним?

Я — Темный Жнец. Я так же могу быть воплощением смерти для этих людей. Мое лицо —

единственное, что они всегда будут ассоциировать с самыми печальными и ужасными новостями, которые им когда-либо придется услышать.

— Мне очень жаль, миссис Сандерс. Я сожалею, но это правда. Я должна быть здесь. Гэрри... он скончался.

5 глава

Зет

Чарли покинул Англию еще в восьмидесятых, но даже тридцать лет спустя ничего не могло исправить его английский акцент. У меня заняло много времени, чтобы разобрать, что за хрень он говорил, когда я впервые встретил его, но сейчас я понимаю его отлично.

— Может, мне почистить тебе уши, парень? Я ненавижу, что мне приходится повторять по несколько раз. Мой бизнес по импорту и экспорту не твоя забота.

Сидя за своим огромным

столом, можно было легко наблюдать как он пугал новичков. И даже опытных парней, за плечами которых было ни одно убийство. Он выглядел накачанный Роберт Де Ниро, исключая то, что его присутствие было более значительным. В свои шестьдесят, он все еще трахает все, что движется, до сих пор фыркает при виде чего-то белого и порошкообразного, и до сих пор убивает любого, кто косо смотрит на него. Он взял меня в этот мир насилия, хотя я нисколько не боюсь его. Прошло три недели со смерти Фрэнки. Три недели, как я вытаскивал пинцетом пулю из плеча из-за одного неуклюжего придурка,

который был слишком напуган, чтобы посмотреть мне в глаза. Три недели с тех пор, как я выздоровел и сделал для себя некоторые выводы.

— Я даже не знал, что у тебя есть бизнес такого типа, Чарли. Думаю, ты покупаешь продукт из России. И у мексиканцев, когда нужно?

Он открывает ящик стола и достает маленькую деревянную коробочку с выгравированными на ней лилиями. Это моя реликвия с детства. Чарли привык усаживать меня к себе на колени и учить сворачивать косяки для него; он всегда держал тайник в этой коробке. Он не просил меня сворачивать ему

косяки с тех пор, как мне было десять. Двадцать три года назад.

— Я уверен, есть множество вещей в моем бизнесе, о которых ты не в курсе, Зет. Это не твоя ошибка, я знаю. Когда я взял тебя под свое крыло, я наблюдал за тобой годами, размышляя про себя, где будет этот маленький мальчик работать лучше всего в моей организации, когда у него вырастут яйца. Я смотрел и отмечал. Если бы ты хоть немного понимал в бизнесе, я бы посвятил тебя в это, и ты знал бы всё о моей части проекта. Все остальное, относящееся к этому. Но это не то, что я вижу в тебе сейчас, Зет. Я видел, что ты был неприятным

дерьмом с тошнотворным характером, и я нашел тебе другое применение. Применение, которое финансирует твои рискованные выходы в течение некоторого времени сейчас.

Сообщение было более чем ясно — не кусай руку, которая тебя кормит. Чарли всегда любил сообщения. Не гадь в тарелку, с которой ешь. Дареному коню в зубы не смотрят.

— Я ценю все, что ты сделал для меня, Чарли. Ты же знаешь, что это не об этом.

Он заканчивает закручивать косяк. Он берет его в рот и затем морщит губы, плотнее сжимая

самодельный косяк. Когда он зажигает его, я могу почувствовать приторно сладкую смесь Мэри Джейн (прим. пер. курительный табак), которую он добавляет в табак. Он удерживает дым в легких перед тем, как выдохнуть, и удерживает взгляд своих ледяных голубых глаз на мне.

— Тогда о чем конкретно это?

— Это о девушках. Похищение и продажа девушек, которых буквально лишают их жизней.

— Я никогда не думал, что ты такой сентиментальный, Зет.

— Никакой сентиментальности. Я просто не монстр.

Это вызывает у него на лице

гребаную улыбку.

— Мы оба знаем, что ты на самом деле монстр.

Возможно, это правда, но даже у меня есть границы. Продажа девушек для секса — это определенно переходит границы дозволенного.

— Просто расскажи мне правду. Фрэнки не врал, когда сказал, что у тебя есть сраный контейнер для доставки мертвых девушек в порт?

Чарли затягивается белым облаком дыма. И тут же стряхивает его.

— Если ты настаиваешь на правде, то да, хорошо. Семнадцать мертвых мексиканок. Я вынужден был платить владельцам порта за то,

чтобы они исчезли. Очень грязный бизнес.

Даже несмотря на то, что до этого я знал, что это правда, крошечная часть меня все же надеялась на обратное. Я вскакиваю со своего стула. Он отскакивает и падает на пол с небольшим грохотом. Чарли наблюдает за моей реакцией с пустым выражением лица.

— Ты, бл*дь, врал мне.

— Я чем-то обязан тебе, Зет? — спрашивает он меня крайне спокойно.

Я сжимаю челюсти.

— Нет.

— Я что-то должен тебе?

— Нет.

— Тогда почему ты ожидаешь, что я буду отвечать на твои дебилские сумасшедшие вопросы? Ты был не в себе, когда спросил меня о девушках в прошлый раз. У тебя была эта долбаная, — скривившись, он указывает руками в мою сторону и встряхивает пепел, — жажда крови в глазах, которая появляется только тогда, когда у тебя застряло что-то в заднице.

— Ты украл девушку. Девушку из Сиэтла, два с половиной года назад. Где она теперь?

Я напрягаюсь и кончиками пальцев впиваюсь в край стола Чарли. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы сдержать бешеного

зверя, который начинает пробуждаться. Моя злость вызывает добродушную улыбку на лице Чарли, как будто я щенок, который только и умеет, что скалиться. Сраный ублюдок.

— Я не беру американок. И я не гажу там, где ем, ты знаешь об этом.

«Как я и говорил».

— Я думал, что знал многое о тебе, но видимо я ошибался.

— Почему тебе так важно, трахаюсь ли я с малолеткой, которую украли два с половиной года назад?

Он стряхивает пепел в пепельницу, настолько большую, что занимает почти половину его стола.

— Она ничего не значит для

меня.

— Но она значит для дорогого тебе человека очень много, я прав? Та маленькая шлюха, с которой ты трахался в последнее время?

Он знает о Лейси, но никогда не упоминал о ней раньше. Она для него слишком незначима, чтобы быть в списке его приоритетов.

— Нет. Это ее не касается.

Чарли усмехается.

— Ну, в любом случае, я не могу помочь тебе, сынок. Я ничего не знаю о какой-то пропавшей шлюшке. Я бы забыл все о ней, если бы был на твоём месте. Звучит, будто ты думал об этом два года. Если ты будешь продолжать в таком духе, у нас

появятся некоторые проблемы.

Я склоняю голову в сторону, принимая то, что он мне говорит, и удерживаю опасный взгляд Чарли. У нас уже есть проблема. Просто он о ней еще не знает.

У меня есть пятнадцать минут, чтобы добраться домой, до того, как Лейси сойдет на хрен с ума, что меня нет так долго с ней. Меня не было дома целый день — ждал, чтобы поговорить с Чарли. Впервые с того раза, как Фрэнки подстрелил меня, моя немного зависимая подруга стала еще более зависимой от меня.

Забудьте об этом «немного». Она просто зависимая. Я только начинаю понимать внутренний мир этой девушки. Она уже рассказала мне об одной темной хрени, которая произошла в ее доме, когда она была ребенком. Но я знаю, что есть что-то еще в этой истории. Что-то еще, что не дает ей находиться наедине с самой собой. У нее было все намного хуже, чем у меня. Насколько бы дебильно это не звучало сейчас, но она не была так удачлива, как я. Чарли отвратительный, мстительный и коварный сукин сын, каждый день недели он заканчивал на одном и том же, почему он меня спас. Я действительно был бы мертв сейчас,

если бы он не забрал меня от моего дяди, когда мне было шесть.

Ты осознаешь, что все плохо, когда считаешь, что тебе повезло быть с психованным, зависимым англичанином, который спас тебя в детстве. Не уверен, что Лейси хотела бы этого. Я просто знаю, что она сходит с ума, когда я оставляю ее одну слишком долго. Если бы новая версия меня сейчас могла отправиться в прошлое, например, пятнадцать месяцев назад, то думаю, что прошлый я навалял бы нынешнему меня за такую мягкотелость. Я имею в виду, бл*дь, спешу домой ради женщины, хотя даже не трахаю ее.

Ее телефон постоянно смешно трезвонит, когда я ей звоню, мои ладони покрываются потом, я чувствую себя как насильник, которого засадили в тюрьму. Я сидел в тюрьме однажды, я знаю, что происходит с насильниками в таком месте. Нет никакой долбаной разницы, кого ты насиловал: женщин, детей, животных. Насильник в тюрьме чувствует себя, будто его последние дни сочтены, словно он сидит на пороховой бочке.

— Бл*дь, давай же Лейси. Подними гребаную трубку.

Она не отвечает на мои звонки, я нарушаю скоростное ограничение, не обращая внимания на красный свет

светофора, когда мчусь на склад, обгоняя каждую гребаную машину. Дождь льет как из ведра, когда я, наконец, паркую машину у дома. Склад — моя двухэтажная крепость — устрашает своим мрачным образом, а сегодня внушает еще больший ужас из-за грозы. Огромный стальной вход, покрытый облупившейся красной краской, до сих пор закрыт, все как я и оставил, когда поехал к Чарли. Но у Лейси есть ключ. Она могла уйти, если бы захотела. Громкая музыка, которая доносится изнутри, говорит о том, что она никуда не ушла. Она тут. Возможно, из-за громкой музыки, она не услышала мой звонок.

По крайней мере, я надеюсь на это. Надежда — отвратительная маленькая сука.

Я знаю, все мои надежды разрушатся, когда зайду в эту дверь. Помещение ужасно грязное, оно таким не было, когда я уходил отсюда. Поломанная мебель, все валяется на полу; телевизор разбит, но до сих пор работает достаточно хорошо для того, чтобы показывать картинки и издавать шипящие звуки. Пол покрыт осколками от пивных бутылок, и одежда абсолютно везде: как моя, так и Лейси. Бл*дь. Что произошло?

— Лейси! ЛЕЙС, что, во имя всего, происходит? — ору я.

Я спешу в спальню. Меня там нет, но она говорит, что все равно чувствует себя в безопасности. Однако ее нет в моей кровати. И в ее кровати тоже. Я начинаю паниковать, когда нахожу ее в ванной.

Она опять, бл*дь, сделала это.

На этот раз Ее кожа имеет синюшный оттенок. Тело находится над поверхностью воды, плохой знак. Это очень дерьмовое самоубийство. Я запрыгиваю ногами в ванную и вытаскиваю тело, поднимая ее на руки. Она практически ничего не весит. Словно безжизненная пушинка в моих руках.

— Пошла ты, Лейси. Пошла ты.

Кожа на ее запястьях съежилась

от воды, значит она уже давно здесь. Я оборачиваю ее безжизненное тело в полотенце и кидаю ее на пассажирское сиденье в моей машине. Завожу двигатель. Еду в единственное место на этой планете, в котором я действительно не хочу быть, но по воле судьбы меня всегда туда тянет. То место, куда я ни за что не пойду, даже когда у меня самые ужасные проблемы — больница Св. Петра Милосердного.

6 глава

Слоан

Куртка? Есть.

Кошелек? Есть.

Ключи от машины? Есть.

Двадцать часов прошло, как все гребаное дерьмо началось и, наконец, пришел час, когда оно закончилось. Я всегда чувствую себя лживой сукой, когда облачаюсь в повседневную одежду. Будто я только притворяюсь нормальным человеком. Кем-то, кто одевается в «The Gap» (прим. пер. марка одежды) и должен все подбирать соответственно, чтобы цвет сумочки

и курточки совпадал. Я чувствую себя превосходно в своей одежде медика, но только стоит мне надеть пару голубых джинсов и выйти в овощную лавку, как мне начинает казаться, что на меня странно смотрят и смеются за спиной.

— Доброго вечера, Слоан. Ты работаешь завтра?

Джерри, один из санитаров, работает здесь почти столько же, сколько и я. Он молодой парень, которому можно дать двадцать два, у него большая семья, поэтому ему приходится много работать, чтобы прокормить ее. Он работает каждый божий час, почти без перерыва на обед.

— Естественно, Джер. Тебе захватить кофе?

Он улыбается.

— Я надеюсь на это. Мне это просто необходимо, особенно после сегодняшнего.

Я уже вижу выход, когда начинаю нервничать. Именно здесь постоянно что-то случается. На расстоянии пятнадцати шагов между больничной стойкой ресепшн и выходом какое-то гребаное магическое место. Девять раз из десяти, когда я уже была готова пойти домой, кто-то проносился сквозь двери с неотложным случаем, и мне приходилось разворачиваться и топтать обратно на работу, спасать

чью-то жизнь, напрочь забывая о своей собственной.

Десять шагов.

Пять шагов.

Я задерживаю дыхание.

Итак, я в шаге от двери. Осенний ветер Сиэтла бьет в лицо, растрепывая мои волосы, когда дверь открывается и чистое ночное небо предстает передо мной с восхитительными оттенками синего цвета. Из меня вырывается вздох облегчения. Я сделала это. Я собираюсь провести каждую минуту из предстоящих семи часов отдыха в кровати, и это будет восхитительно.

И вот уже я в машине, выезжаю со своего места на стоянке, когда

шикарный тюнингованный черный «Камаро» выворачивает руль так, что почти врежется в меня. Но нам обоим удастся затормозить. Водитель «Камаро» резко нажимает сигнал автомобиля, разрывая тишину пустой стоянки громким звуком. Я не могу увидеть кто за рулем, но я точно знаю, кто бы это ни был, он хочет, чтобы я убралась на хрен с его пути. Единственная причина, из-за чего бы машина примчалась на такой бешеной скорости в больницу — это чрезвычайная ситуация. Я так сильно сдаю назад, что мои колеса прокручиваются на месте. «Камаро» доезжает до раздвижных дверей, через которые я только что вышла в

надежде отдохнуть дома. Мгновенно меня накрывает волна сожаления. Я могу поцеловать в задницу семь часов отдыха — я долбаный трудоголик-мазохист. У меня занимает примерно тридцать секунд, чтобы припарковать машину и заскочить в больницу. Медсестра уже вызывает ассистента по громкоговорителю, парень в черном стоит, сгорбившись над малышкой, которая лежит на полу. Он отбрасывает в сторону окровавленное полотенце и легко хлопает ее по лицу рукой, его действия вводят меня в ступор. Он ударяет малышку? Я быстро подбегаю к ним, действуя на

автомате. Я перехватываю его запястье, отталкиваю его назад настолько сильно, что он даже мог бы упасть на пол, если бы не удержался на ногах.

— Пошел на хрен от нее. Дай мне посмотреть, — шиплю я.

Я слышу, как он издает гортанный удивленный вскрик, затем втягивает воздух в легкие, когда я делаю быстрый детальный осмотр потерпевшей. Оказывается крошка не такая уж и крошка, как я подумала в первую секунду. Ее светлые волосы местами окрасились в розоватый цвет из-за крови, чем испачкано сейчас все. Господи, передо мной предстает ужасное зрелище — ее

кожа на запястьях разрезана, но рана выглядит ужасно, потому что у нее рваные края, а не ровные порезы. Я перевожу дыхание, потому что мне нужно пару секунд, чтобы прийти в себя и сосредоточится. Боже, какая идиотка! Она не понимала ни хрена, когда творила такое с собой?

— Сколько крови она потеряла?

Я прощупываю ее пульс, склоняясь так, чтобы мое ухо находилось напротив ее рта. Есть ли дыхательная активность? Слава Богу, слабая, но есть. Пульс едва прощупывается, но он есть. Я поднимаю взгляд, все еще ожидая ответа на мой вопрос, но парень, который принес девушку, смотрит на

меня с открытым ртом. Его глаза расширяются и смотрятся такими огромными и темными, будто черные озера. Похоже он в состоянии шока.

— Послушай, мне действительно нужно знать, сколько крови она потеряла, — говорю ему.

— Я... не представляю. Она была в ванной.

Он выдавливает эти слова так тихо, что я с трудом могу расслышать его. Спереди футболка прилипла к его крепкому красивому телу, облепляя его, словно вторая кожа, по видимому, он все время держал ее на руках с того момента, как нашел ее в ванной. Суреш Патэл, один из докторов, которых вызвали,

прибегает несколько минут спустя, и девушку в срочном порядке перекладывают на каталку. Температура ее тела низкая, показатели падают. Итог ее реанимации может быть совершенно непредсказуемым, это словно решать серьезный вопрос, подбрасывая монетку.

Я чувствую себя, как выжатый лимон, когда работаю с этой крошечной женщиной. Секунды переходят в минуты, минуты растягиваются в часы. Мы перелили ей литры крови и напоследок завернули ее в четыре слоя одеял, прежде чем она, наконец, была в надлежащем состоянии для того,

чтобы можно было провести операцию над ее запястьями.

Пять утра. Я направляюсь посмотреть на парня, который принес ее. Я нахожу его сидящим в коридоре, его локти лежат на коленях, голова опущена на руки. Он поднимает ее и смотрит на меня, и затем он совершает самый идиотский поступок — быстро подрывается с места и начинает спешно уходить.

— Прошу прощения. Эй!

Он останавливается, но поворачивается не сразу. Он как будто ожидает удара, словно был создан, чтобы обороняться и отражать нападение.

— Мне нужны некоторые

детали, насчет инцидента с твоей девушкой. Ты не можешь просто оставить ее здесь, чтобы она пришла в себя одна в больнице.

Наконец, он разворачивается. Его челюсть сжата настолько сильно, что видно как вены пульсируют на висках. Он просто смотрит на меня. Его футболка немного высохла, но все же еще прилипает к телу, словно создана, чтобы показывать его мощные, бугристые от мышц бицепсы, покрытые тонким сплетением татуировок. Черные, синие и красные цвета татуировки сплетаются воедино в замысловатый рисунок и спускаются по его сильной руке, словно легкие волны прибоя.

Волосы цвета вороного крыла растрепаны и небрежно торчат в разные стороны, они будто специально взъерошены, все еще влажные, восхитительные. Я готова надрать себе задницу, потому что ловлю себя на том, что рассматриваю его.

«Ты зла на него, Слоан, помнишь об этом? Он собирался сбежать. Собирался выйти прямо через эти двери».

— Знаешь, по крайней мере, ты можешь поведать мне какую-то историю, перед тем как исчезнуть на закате. Или на рассвете, впрочем, какая на хрен разница, — говорю я.

Он моргает, затем скрещивает

руки на груди, открывает рот, как будто собирается сказать что-то, но внезапно останавливает себя. Хмурится, поворачивается к двери и, видимо, собирается уйти. Что серьезно!? Хренов мудака.

— Хотя, если подумать, то это, скорее всего, произошло из-за тебя, так что тебе лучше и правда свалить пока не поздно, — бросаю ему я.

На теле девушки нет синяков, но я видела достаточно случаев домашнего насилия, чтобы знать, что оно не всегда физическое. Сломленный дух может быть таким же поврежденным, как и раздробленная, сломанная кость. Этот парень мог превратить жизнь

своей девушки в невыносимую пытку, поэтому она решила совершить суицид. Шрамы на ее руках показывают, что это была не первая ее попытка.

Мистер Охренительно-Высокий-Темный-Обворожительный смотрит на меня с выражением неподдельной ярости, что заставляет меня вернуться к моим мыслям касательно того, кто виноват в этом всем. Выражение его лица искажается, он смотрит на меня больше с пренебрежением, как будто я никто, просто ошиваюсь рядом и не стою его внимания, затем он говорит. Нет, знаете, его слова больше походят на рык.

— Я не ее парень. И я не бросаю ее.

Мой желудок сжимается. Этот...
Этот голос.

Твою ж... Я прижимаю ладонь ко рту и осматриваю каждый миллиметр тела парня.

— Я знаю тебя? — шепчу я.

Безжалостная и надменная улыбка играет на его губах.

— Нет.

— Я могу поклясться, что узнала твой голос.

— Я родился здесь. Голоса звучат похоже.

Он продолжает отрицать, но с каждым словом мой желудок скручивается немного сильнее. Я

слышала этот голос в своих снах; я бы узнала его где угодно. Я не ошибаюсь. Я чертовски права. Это... Это он! Парень, который принес маленькую, сломленную девушку, это тот же парень, кто связал меня и трахнул два года назад. Парень, который забрал мою девственность. Он сосредоточил свое внимание на мне. У него такой напряженный взгляд, что я понимаю, он просто ждет, когда до меня дойдет кто он.

— Я... Мне лишь нужно знать, кто твоя подруга, — я запинаюсь, и он улыбается.

Это настолько захватывающе видеть улыбку этого парня. Она такая дерзкая и опасная, что может в один

МИГ ЛИШИТЬ ЖИЗНИ.

— Кэрри. Ее зовут Кэрри.

— Страховка?

Он трясет головой. Его взгляд ни на минуту не покидает мой.

— Я заплачу.

— Тебе нужно пройти и поговорить с администратором. Дай ему данные твоей кредитной карты. И твое имя.

Он самодовольно улыбается, смотрит на свои дизайнерские туфли, а затем снова поднимает на меня взгляд своих пронзительных глаз, и смотрит на меня из-под темных бровей.

— У меня есть наличка. И тебе не нужно мое имя. Будет лучше, если

ты забудешь обо мне. А еще лучше будет, чтобы я сейчас же убрался отсюда.

Он резко разворачивается на пятках и решительно удаляется от меня, его мощные руки все еще на уровне груди и внезапно я действую так, как мне подсказывает сердце. Одна часть меня задается вопросом, где находится ближайший телефон, чтобы я могла позвонить копам, но другая глупая часть меня заставляет броситься за ним. Черт, идиотское тело.

— Подожди! Я... — «Не заставляй меня это делать, придурок» — кричит голос в моей голове.

— Ты что?

— Я не знаю! Я...я, — «Это был ты» — кричит голос в голове. — Это мог быть ты!

— Я не причинял боль Кэрри.

Его ухмылка словно по мановению волшебной палочки испаряется с красивого точеного лица. На смену ей приходит отрешенный леденящий взгляд.

— Это не то, что я имела в виду, и ты знаешь об этом.

Он немного выпячивает губы, словно капризный ребенок, и любые сомнения, которые еще присутствовали до этого момента, исчезают в мгновение ока. О, эти губы, эти губы, может, я и не видела

их в темноте комнаты, но чувствовала их на своей киске, на своем клиторе, они ласкали, любили меня. Он именно тот, кто лишил меня девственности. Он знает это. Он точно знает это, он узнал меня.

— Возможно, я действительно знаю то, что ты имеешь в виду. Это не изменит тот факт, что ты должна забыть, что я когда-либо был здесь. Лучше забыть всем. Ты не хочешь знать меня, прелесть.

Его высокомерие выходит за любые рамки приличия. Я делаю четыре быстрых шага и тычу ему в грудь указательным пальцем.

— Ты!

Даже вблизи он кажется

настолько высоким, что это устрашает.

— Я, — соглашается он.

Я задаю ему единственный вопрос, который не давал мне покоя последние два года.

— Ты имеешь какое-либо отношение к смерти Эли?

Он отводит взгляд и прикусывает соблазнительную нижнюю губу. Черт возьми, это значит «да»? Знаете, это самое очевидное «да», с которым я когда-либо сталкивалась.

— Скажем так, у нас с Эли были разногласия.

— Черт, да! Я знала это. Это ты взял паспорт Лекс?

Он прямо как доктор Джекил и

мистер Хайд. В одну секунду он стоит и смотрит на меня, будто я настоящий джин и могу исчезнуть в дымке от силы его взгляда, а затем, в другую секунду, он прожигает меня взглядом чистого и неконтролируемого гнева. Он хватается за мои запястья, двигаясь со скоростью света, грубо прижимая меня к стене. Коридор пуст в предрассветное время, и из-за этого я чувствую себя уязвимой и покинутой. Он сжимает свои сильные и большие пальцы вокруг моего горла и слегка сдавливает, не слишком сильно, но все-таки ощутимо, чтобы напугать до чертиков.

— Тебе нравится чувствовать

себя так, Слоан?

Мои глаза наполняются слезами, когда я слышу, как мое имя слетает с его языка. Языка, которым он так сладко ласкал меня. Он знал, кто я на протяжении всего времени.

— Нет, — я задыхаюсь и качаю головой.

— Тогда ты должна позаботиться о Кэрри, убедиться, что ей стало лучше. Не позволяй этим гребаным мозгоправам приближаться к ней. Не позволяй им разрушить ее. В противном случае, я буду сильно недоволен и огорчен.

Его тело прижимается к моему, и он словно гремучее соединение мускулов и чистого тестостерона

заявляет на меня свои права. Мое тело, словно в ловушке, я не могу сопротивляться, но я все еще пребываю в сознании. В этот момент что-то меняется, потому что его взгляд успокаивается, напряжение, словно каменная стена, падает и рассыпается. Я могу обманываться, но все же.

— Ты все еще помнишь? — шепчет он у моего уха, обдавая кожу горячим дыханием.

Я медленно отвечаю на его вопрос кивком.

— И когда закрываешь глаза, ты все еще чувствуешь меня?

Я понимаю, о чем он спрашивает. И снова киваю.

— Да.

— Тогда сделай это снова.

Закрой глаза.

Хватка на моем горле усиливается, что заставляет меня немного задыхаться. Я в последний раз смотрю в его бездонные темные омуты глаз, и, словно я невесомая песчинка, опускаюсь в его темноту. Я выполняю его приказ. Я закрываю глаза. Его губы нежно прижимаются к моим, и мое сознание меркнет. Его дыхание быстрое, рваное и обжигающее у моих губ. Его прикосновение имеет поразительный эффект на меня, я буквально за секунду я разделяюсь на части, мой разум и мое сердце ведут

ожесточенную борьбу. Поцеловать в ответ или дать ему по яйцам? Он фактически отбрасывает все аргументы, когда его язык проскальзывает между моих губ. На вкус он как самый темный грех. Он медленно поддразнивает меня, так аккуратно и бережно, будто пытается распробовать на вкус. Я шире приоткрываю рот, будто приглашая его язык углубить поцелуй. Хотя он и не принимает моего приглашения на продолжение поцелуя.

— Два дня, Слоан. Через два дня я приду за тобой, — шепчет он у моих истерзанных поцелуем губ.

Следующее, что я понимаю, это как опускаюсь на пол. Когда я

открываю глаза, то все, что я вижу — это его черные дорогие ботинки, и то, как уходит от меня.

7 глава

Слоан

Кофе в «Фрэско» сегодня, по большей части, довольно мерзкое, но меня это не удивляет. Все здесь на вкус отвратительно. Тот крендель, который я попыталась проглотить на завтрак, наверняка был сделан из опилок. Есть тысячи различных, и что более важно, приятных кофеен в районе Большого Сиэтла, но «Фрэско» является традиционным местом встречи для нас с Пип.

Мы собирались здесь еще с тех пор, как были нищими студентами, которые работали не покладая рук и

могли позволить себе лишь кофе из автомата. Я вижу, как моя лучшая подруга заходит в кафе, и она выглядит просто сногсшибательно. Впрочем, как всегда. Ее волосы собраны в низкий пучок, а восхитительный брючный костюм подчеркивает все достоинства ее красивой фигуры. Я же выгляжу как бродяга в своей небрежной одежде — широких джинсах и кофте с длинными рукавами.

Пиппа направляется ко мне, здороваясь с Маркусом, барменом, который принесет ей обычный двойной эспрессо ровно через шестьдесят секунд после того, как она присядет за столик. Она ставит

свою элегантную сумку «Луи Виттон» на стул рядом со мной и присаживается, удобно откидываясь на спинку стула.

— Доброго утра, прекрасная незнакомка.

Прошла всего неделя с нашей последней встречи, но это много времени по нашим меркам. Она расслабляется и подмигивает мне.

— Что же такого срочного произошло, раз это не смогло подождать конца дня, когда бы я закончила с двадцатым по счету немного невменяемым пациентом?

Пиппа подалась в психологию, вместо медицины. Мы выпустились в одно время; она получила

сертификат от общественного совета по психиатрии четырнадцать месяцев назад. Работает она в своем личном офисе на окраине города, имея дело с людьми, которым предписано пройти посещение терапии. Множество жестоких насильников и преступников посещают ее. Она могла бы с легкостью работать со спокойными домохозяйками, которые находятся под действием Прозака (прим. пер. популярный в США антидепрессант), который используется, чтобы снять их приступы сезонной депрессии, но она хотела большего. По ее словам, намного приятней помогать тем

людям, которые действительно нуждаются в помощи.

Я сосредоточенно смотрю на дно кофейного стаканчика, неожиданно испытывая сомнения, стоит ли рассказывать ей обо всем, что произошло вчера. Но мне кажется, я должна. Она моя лучшая подруга, и плюс ко всему, она может оценить произошедшее со стороны, сказав свое объективное мнение. Это именно то, в чем я нуждаюсь сейчас.

— Если бы я сказала тебе, что у меня есть пациент, с которым произошли некоторые обстоятельства, которые срочно требует нашего обсуждения, ну, ты понимаешь, это было бы уместно?

— Ага.

— Хорошо, так, я не буду загружать тебя ненужными деталями.

Маркус ставит перед Пиппой кофе. Она делает глоток крепкого напитка, выжидающе приподнимая бровь.

— Это сэкономит нам уйму времени, так что просто скажи все, не надо тянуть.

— Хорошо, так... — мне просто нужно это сказать быстро. — У меня был секс с парнем.

Она выплевывает свой эспрессо обратно в стакан.

— Что? Кто? Когда?

Я вздрагиваю. Так, по-моему, ситуация приобретает хреновый

оборот. Пиппа-то думает, что я решила стать закоренелой девственницей.

— Не то чтобы это было недавно... Это было... это было два года назад.

Она передергивает плечиками. Недоверчивый взгляд, который был всего секунду назад, превращается в нечто гораздо более серьезное. Она расстроена. Я знала, что она расстроится. Она ставит кофе на стол, сосредоточенно гипнотизируя поверхность стола.

— Почему ты мне не рассказала?

— Понимаешь, это не то что.... Это не было из разряда чего-то, что можно спокойно обсудить за

большим контейнером с мороженым, Пип. Честно, это не то, чем можно гордиться.

— Что это значит? Боже, тебя же не изнасиловали?

— Нет, нет, конечно, нет. Но...

И вот наступает ответственная часть разговора, когда я могу рассказать ей просто короткую версию или же выложить все со всеми подробностями. В конце концов, я просто гребаная трусиха. Я прекрасно внутренне осознаю, что Пиппа не из тех людей, кто будет думать обо мне всякую чепуху, но тут дело во мне, боюсь, я не выдержу полного признания в случившемся. Я продала свою девственность ради

информации. Информации, которую я даже не получила, что значит, что я просто обменяла ее ни на что.

— Я не знала этого парня. Я даже не знала его имени. Я была пьяна, и мы сделали это в темноте. Я не смогла бы даже сказать тебе, как он выглядел до вчерашнего дня.

Пиппа прикрывает глаза и нервно потирает кончиками пальцев лоб.

У меня в голове крутится одна мысль, которую я повторяю раз за разом словно скороговорку: «Пожалуйста, не думай, что я шлюха. Пожалуйста, не думай, что я шлюха».

— Слоан, черт побери... — стонет она.

— Я знаю, знаю.

— Я даже не знаю, что сказать тебе.

— Как насчет того, чтобы сразу начать то, что следует после осуждающей части?

— О, детка. Я бы никогда не стала осуждать тебя. Я просто... Я просто хотела чего-то особенного для тебя. Ну, знаешь, романтика, красные розы, шампанское, фейерверки...

Мне необходимо было знать, что она не осудит меня. Я передвигаю крошки от кренделя по тарелке. Она сидит напротив меня, капризно надув губки.

— Оу, там определенно были

фейерверки. Ничего другого, но фейерверки точно, — пытаюсь отшутиться я.

Она вздыхает и потом протягивает руки через стол, отодвигая тарелку, чтобы она могла взять мои ладони в свои руки.

— Так это крутись у тебя в голове на протяжении двух лет, и ты мне не сказала? Почему?

— Потому что у меня был не совсем обычный секс, если ты понимаешь меня.

Пиппа смотрит так, будто не понимает, и потом осознание появляется на ее лице.

— Так...ты позволила парню трахнуть тебя и делать всякие

развратные штучки с собой?

— Много всяких развратных штучек.

— Стой, ты сказала, что не знала, как он выглядел до вчерашнего дня? Что случилось вчера?

— Он пришел в больницу. Его подруга пыталась покончить с собой.

Она прерывисто вздыхает.

— Мне нужен еще один кофе по такому случаю.

Она заказывает один для себя и один для меня, и, когда перед нами ставят наш заказ, у нее подготовлено больше вопросов.

— Стой. А мне вот интересно, как ты узнала, что это был он?

— Его голос был достаточно

необычный, даже особенный. Я практически побежала за ним следом и спросила, был ли это он, и да, он не стал отрицать это.

— Чудненько, значит нам совершенно не обязательно делать какие-то выводы насчет него. Но все же, почему ты практически сходишь с ума от него? Почему не забыла о нем спустя столько времени? Он не объявлялся с того самого дня!

— Он поцеловал меня.

— Оу.

— И это было своего рода...

Я делаю глубокий вдох. Мысленно успокаиваю себя, что тут не из-за чего волноваться.

— В тот момент, когда он

прижал меня к стене, удерживая крепко за горло...

Глаза Пиппы, наверное, самая выразительная часть тела, поэтому она мгновенно реагирует на мои слова — ее глаза широко распахиваются.

— Он напал на тебя!?

— Нет... нет, скорее всего, это было похоже на предостережение.

— Почему он сделал это?

— Он не хотел, чтобы его подругу положили в психбольницу. Вообще-то, я могу использовать связи в больнице и замять это дело, не давая огласки.

Она раздраженно фыркает в мою сторону.

— Что ж, удачи с этим, подружка. Девушка пыталась убить себя, она автоматически получает часы терапии у психиатра. А он насильно тебя поцеловал, то есть ты не хотела этого?

— Нет, сначала я не хотела этого. Но потом я позволила ему, и в итоге мы целовались.

— Черт, Слоан. Я не знаю... почти все из того, что ты сказала мне, имеет под собой основание, чтобы незамедлительно вызвать копов. Какого хрена ты позволила ему сделать это? Ты слетела с катушек? Он ненормальный?

У меня вырывается грустный смешок.

— Последние два пункта точно в цель.

Она переплетает пальцы вместе, хмурясь. Черт, она не должна хмуриться. Что-то определенно не так.

— Ты уже знаешь, что я собираюсь сказать, правда?

— Да, я знаю.

Все, что навалилось на меня, чувствуется словно непосильная ноша. И мне так хорошо сейчас, когда я могу поделиться хоть крохотной частью произошедшего.

— Есть кое-что еще, Пип, что ты должна знать. Он может знать что-то об Алексис.

Когда я произношу эти слова,

она замирает на месте. Я не часто говорю о Лекс. Я очень редко упоминаю ее имя, так что то, что я произношу его, значит много.

— Что, как это? — спокойно спрашивает она. — Он имеет какое-то отношение к ее исчезновению? О боже.

— Нет. По крайней мере, я так не думаю. Я не могу объяснить это прямо сейчас.

По ее выражению лица, я вижу, что ничего из того, что я рассказала, не нравится ей. Она смотрит на меня настороженным взглядом и глубоко вздыхает, по-видимому, считая меня сумасшедшей.

— У меня плохое предчувствие

насчет этого, Слоан. Помимо того, что ты до сих пор не знаешь ничего об этом парне, — она делает паузу, специально акцентируя внимание на том, как это серьезно. — Ты хотя бы знаешь его имя?

Я качаю головой, нет. Она выглядит подавленной.

— Ладно, смотри, как я вижу это со стороны. Он не дал ни одной зацепки копам по поводу Лекс, а ты говоришь мне обратное, будто этот парень знает какую-то там мифическую информацию. Это заставляет меня поверить, что он вовлечен в какое-то темное дерьмо. И к тому же, он пытался задушить тебя!

— Я знаю, — говорю ей хриплым голосом.

Когда она говорит таким образом, четко раскладывая все по полочкам, бл*дь, это действительно звучит очень-очень хреново...

— Я знаю, что ты хочешь найти ее, но этот парень опасен. Из твоего рассказа я делаю вывод, будто он хочет причинить тебе боль, а не помочь найти Лекс. Я хочу попросить тебя, чтобы ты держалась от этого подальше, хорошо? Ни за что не делай ничего вместе с ним. Пожалуйста, Слоан? Ради меня?

Я сосредоточенно смотрю в кофейную чашку, будто там есть ответы на все вопросы. Я знала, что

она скажет именно это. Я точно знала, что она собирается сказать, но все равно, чувствую облегчение оттого, что была честна с ней, хоть и не полностью. Ее слова, своего рода, как четкое и взвешенное решение не связываться с ним, даже несмотря на то, что он знает что-то об Алексис. Мне, скорее всего, стоит пойти в полицию и выложить копам свои подозрения насчет того, что он сделал с Эли. И все, мне можно умыть руки, я не буду касаться этого дерьма.

— Хорошо, да, ты права. Я буду держаться подальше от него, — говорю я.

Но по известным причинам, я не

собираюсь говорить ей, что он вернется в больницу завтра. Я не скажу ей, что он пообещал найти меня.

Чувство неуверенности зарождается во мне. Это похоже на смесь чувства вины, но в то же время предвкушения от встречи с ним. Я никогда не скрывала ничего от своей лучшей подруги, и именно это напрягает меня. Все мои тайны и вранье связаны с этим парнем. Я не могу ничего поделать, внутренне меня накрывает чувство удивления, потому что ведь разумом я понимаю, что напрашиваюсь на проблемы, скрывая множество секретов. Но, похоже, для меня это не является

веским аргументом. У меня предчувствие, что моя сексуальная и опасная проблема найдет меня.

Утро тянется невыносимо медленно. Я пытаюсь скоротать его, занимая себя еще большим объемом работы, уделяя остальным моим пациентам больше внимания. Но так не может продолжаться вечно, у доктора Патэла сегодня выходной, а я больше не могу откладывать встречу с этой девушкой, да и вся работа уже сделана. Теперь она на моей ответственности.

Кэрри спит, когда я вхожу в ее палату, но замечаю, что она не одна.

Ким Перез, из психиатрического отделения, находится вместе с ней, она потрясающе милая и красивая женщина. Она заботливая и приятная, и она отправляется в числе первых к психически неустойчивым подросткам, когда нужно оценить их состояние. Но Кэрри уже давно не ребенок, но они, скорее всего, посчитали, что девушка сможет среагировать на Ким, как на мать.

— Привет, Слоан, — шепчет она, ставя карту Кэрри в выемку в изножье кровати. — Слышала, ты совершила невозможное с этой девчонкой.

— Суреш сделал большую часть работы.

Я улыбаюсь, возвращая такую же теплую улыбку, с которой она обратилась ко мне.

— Бедная девочка.

Она поворачивается, чтобы посмотреть на Кэрри. Девушка выглядит старше своего возраста. Вокруг ее глаз залегли темные синие круги, и ее кожа все еще мертвенно-бледная, огромное количество морщинок в уголках глаз.

— Я жду, когда она придет в себя. Не знаешь, когда действие снотворного пройдет?

— Она уже не на снотворном. Может, через пару часов, а может, завтра или через пару дней. Она была в ужасном состоянии.

Ким обхватывает себя руками и хмурится, смотря на девушку, которая лежит на больничной кровати. Ким по характеру очень отзывчивая, и всегда принимает близко к сердцу каждого пациента, несмотря на то, виделись они до этого или нет.

— Люди говорят, что суицид — это трусливый способ убежать от проблем, которые давят на тебя, но они ужасно заблуждаются. Нужны стальные нервы, чтобы сотворить то, что сделала эта девочка с собой. Хотя ей очень повезло, что она находится сейчас у нас в больнице Св. Петра Милосердного. Она может отдохнуть столько, сколько ей нужно, также она может поразмыслить над своими

предстоящими планами. У нас целая команда специалистов, которая только ждет, чтобы помочь этой крошке.

Темные глаза вспыхивают в моей голове. Я тяжело сглатываю даже тогда, когда мое горло не стискивает его рука. В голове крутятся его «*Не позволяй этим гребаным мозгоправам приближаться к ней. Не позволяй им разрушить ее. В противном случае, я буду сильно недоволен и огорчен*».

— Да, Ким, ей повезло, что она попала в больницу Св. Петра, — тихо выдавливаю я. — Она не смогла бы попасть в лучшие руки.

Мое сознание кружится в вихре

размышлений, страх и беспокойство завладевают им, я словно ступаю на темную неизведанную территорию. Возможно, Алексис жива — может, она испытывает такие же страдания, как Кэрри. Кто знает, что ей придется терпеть, если она все еще жива. Мне не стоит даже допускать таких мыслей. Но разум играет со мной, поддразнивая надеждой. Возможно, она жива и точно так же где-то пытается прийти в себя после попытки суицида. Но она точно не была доставлена в больницу, у нее нет никого, кто бы ей помог, нет возможности попросить о помощи... Нет возможности сбежать...

У Лекс нет рядом такой

заботливой женщины, как Ким, чтобы она оказала помощь или просто поговорила с ней. Это заставляет меня испытать неподдельную грусть. Этот парень, кем бы он ни был, ненормальный, если он думает, что я собираюсь отдать ему просто так без объяснений Кэрри. Начисто лишен мозгов, бл*дь, да он просто ненормальный.

— Знаешь, Ким, я действительно понятия не имею, когда закончится действие ее снотворного, но на данный момент, моя работа полностью закончена. И знаешь, если не случится чего-то сверхсрочного, то я с удовольствием

посижу с ней, а потом, когда она придет в себя, я позову тебя. А ты пока можешь подняться к себе в отделение.

Ким улыбается мне, будто я самый внимательный и заботливый челок в этом гребаном мире.

— Спасибо, чикита. У меня гора бумажной работы, что как заноза в заднице, и она не уменьшится, если я не начну разгребать ее. У тебя есть мой пейджер?

Я говорю ей, что есть и она уходит, благодарно сжимая мою руку, когда проходит мимо.

Я уже знаю, что девчонка пришла в сознание. Она всего лишь притворяется, причем неумело, что

она все еще без сознания, оценивая окружающую обстановку, прежде чем придет к выводу, что быть в сознании безопасно. Ким толком не контактирует с пациентами, которые отходят от обезболивающего и снотворного, как я. В данный момент дыхание Кэрри поверхностное, тихое, вместо равномерного, как должно быть, когда ты без сознания. Я беру больничное удобное кресло, которое стоит возле окна, и ставлю его около ее кровати. Присаживаюсь, и просто наблюдаю за ней, пытаюсь решить, как мне разговорить ее.

— Знаешь... Я ходила этим утром выпить чашечку кофе с моей подругой, — говорю я ей. —

Временами она очень строгая и правильная, но что бы ни произошло, она всегда рядом, я могу положиться на нее, опереться на ее плечо. Этим утром я рассказала ей одну мою тайну. Этот откровенный разговор я не решалась начать в течение долгого времени. Я постоянно откладывала его, словно поджидала подходящего момента, чтобы в итоге свалить это на нее. Как всегда убеждаюсь, что я хороша в оправдании себя, даже сейчас я оправдываю себя, перед тем как начать рассказ. Но она всегда была здесь для меня. Я всегда могу положиться на нее, если это необходимо.

— Ну и вот, я откладывала

разговор и дотянула до того момента, когда уже не куда отступить. После нашего разговора, она дала мне пару ценных советов. И знаешь, когда я после встречи шла обратно на работу, в моей голове крутилась одна и та же мысль: «Почему я не смогла, прийти к такому выводу самостоятельно?!»

Я замечаю, как подрагивают веки Кэрри, это говорит о том, что она внимательно слушает.

— И знаешь, мне кажется, я, наконец, знаю ответ на этот вопрос. Мы настолько погрязли в наших проблемах, что просто не видим выхода из лабиринта сложившихся проблем. Или мы настолько напуганны, чтобы встретиться лицом

к лицу с нашими проблемами, что закрываем глаза, проваливаясь в свою собственную тьму, и нам ошибочно кажется, что наша тьма безопасней той, что настигнет нас тогда, когда мы откроем глаза. Мы не даем возможности оказать нам помощь, прячась и увязая в своих проблемах, ошибочно полагая, что мы можем контролировать, что нам подвластны наши внутренние демоны и тьма. Но, к сожалению, это не верно, собственная тьма поглощает сильнее.

Она не отвечает. Но я и не психиатр. У меня нет надлежащих знаний и умений, чтобы попытаться оказать ей помощь, и немного

исправить все, что произошло в жизни этой малышки. Но мне безумно любопытно узнать и понять — почему он заботится о ней, кем она ему приходится? Как так произошло, что он оказался единственным человеком, кто отважился принести ее безжизненное тело в больницу? Да, за этими вопросами кроется не просто любопытство, толика ревности тоже присутствует.

Ресницы Кэрри трепещут еще один раз, и на этот раз она приоткрывает глаза. Ее глаза бледно-голубые, цвет непроницаемого льда, словно поверхность айсберга. Они наполнены слезами. Большинство

людей повернулись бы посмотреть на меня, но она так не делает. Она сосредотачивает взгляд на потолке, ее грудь вздымается и опадает, когда она борется со своими эмоциями.

— Мне не нужна твоя помощь.

Мне не нужно никуда идти.

Слезы собираются в уголках ее глаз, скатываются дорожками по вискам, касаются ушей, впитываясь в подушку.

— Мне нужен только Зет.

— Я не могу ждать завтра. Он не оставит меня здесь, если узнает, что я очнулась.

Кэрри едва сдерживается. Она выглядит такой встревоженной, что я подумываю дать ей еще успокоительного, только чтобы она немного пришла в себя.

— Тогда дай мне его номер. Я наберу его.

Зет. Его имя Зет. Это довольно странно соотносить его имя к его лицу, но когда я соотносила только голос и лицо — это тоже было странно.

Кэрри бросает на меня взгляд «хорошая попытка, сучка».

— Как насчет того, чтобы тебе выкатить меня из этой комнаты к таксофону, так что я смогу сама позвонить ему?

— Ты еще не готова для этого, Кэрри. Ты слишком слаба.

Она выглядит растерянной.

— Кэрри?

— Да, Зет сказал, тебя зовут...

Я замолкаю, когда понимаю, какой глупой была. Конечно же, он не дал мне ее настоящее имя. Почему бы он это сделал? Он заплатил наличными за ее лечение (семнадцать тысяч долларов) и подписал все ее бумаги, как К. Воннегут, черт возьми.

— Какое твое настоящее имя? — я вздыхаю.

— Если Зет сказал, что Кэрри, значит это так.

Она складывает руки на груди, мрачно глядя на свои перевязанные

запястья.

— Что ж, ладно, Кэрри, если ты не хочешь сказать мне, то ладно, но ты не покинешь эту комнату. И они будут задавать тебе много вопросов, когда доктор Перез придет сюда позже.

— Она психиатр?

— Ага. Она хочет узнать, почему ты сделала это с собой.

— Кто сказал, что я сделала это с собой?

Она надувает губы, как разгневанный ребенок, но мое сердце все еще шумно стучит в груди.

— Почему, это... Зет сделал это?

— Нет. Конечно, это был не он.

Девушка играет со мной. У меня

нет желания иметь с ней дело сегодня, даже если у меня есть на это время. Я лучше буду помогать медсестрам менять постельное белье, чем мириться с таким неблагоприятным отношением.

— Так, хорошо, мне без разницы. Ты можешь рассказать об этом доктору Перез, когда она придет сюда.

Кэрри хмурится и присаживается на кровати, наконец, реальные эмоции начинают проявляться на ее лице — страх.

— Нет! Пожалуйста. Я-я не могу иметь дело с психиатром. Не оставляй меня. Пожалуйста.

Она тянется к моей руке, сжимая

другой рукой ручку кровати, и испуганно удерживая мое запястье.

— Ты не понимаешь, — вздыхает она.

— Доктор Перез потрясающая, Кэрри. Тебе следует рассказать ей правду. Она сможет помочь тебе.

— Она не сможет! Пожалуйста. Зет единственный. Он единственный. Мне нужен он. Если ты оставишь меня с этим психиатром, я клянусь, я не буду терять время понапрасну. Я убью себя. Я сделаю это, и это будет твоей ошибкой.

Обычно я не веду переговоры с пациентами в таких ситуациях. Они редко когда бывают в состоянии

здорово оценить ситуацию и принять решение, которое будет для них выгоднее всего. Но в данный момент, я явственно вижу, что она говорит чистую правду. Если я не свяжусь или не дам ей связаться с Зетом, то она действительно убьет себя.

— Дерьмо, — я вздыхаю, сжимая руку в кулак. — Я дала клятву, когда стала врачом, Кэрри. Я поклялась, что не причиню никому вреда, и мне кажется, что когда ты познакомишься с доктором Перез, ты поймешь, что она очень хороший человек.

— Как тебе кажется, если я лишу себя жизни, это будет считаться, как вред с твоей стороны?

Если эта сучка придет и попытается анализировать или лезть в мою жизнь, то я покончу с собой.

Дерьмо в квадрате. Я пробегаюсь рукой по волосам, пытаюсь придумать хоть что-то, чтобы убедить ее в том, что она ведет себя глупо. Хотя с ней аргументы бесполезны.

— Хорошо. Но я не говорю, что помогу тебе сбежать отсюда. Это идет вразрез с моими принципами, и статусом доктора. И плюс ко всему, тебе необходимо еще как минимум дня три, чтобы двигательная активность рук восстановилась, потом нам надо проверить, не повредила ли ты сухожилия. Но я

пойду тебе навстречу, я оставлю тебе свой телефон, пока пойду на обход на следующие три часа, и я не заставлю тебя встречаться с доктором Перез, но потом, позже, ты должна будешь встретиться с моей подругой. Она просто поговорит с тобой, тебе не нужно будет все рассказывать о себе, просто расскажешь то, что тревожит тебя.

Но она уже качает головой, еще до того как я успеваю договорить.

— Все будет точно так же. Твоя подруга ничего не изменит, ясно?!

Все ясно. У меня не получится ее переубедить, и этот факт заставляет меня чувствовать грусть.

— Сколько тебе лет, Кэрри?

Она отвечает мне неохотно и только после того, как предварительно обдумывает мой вопрос, как будто убеждаясь, что ответив, она не причинит вреда себе.

— Двадцать шесть.

Я киваю, обдумывая это.

— Мы одного возраста. Скажи мне, Кэрри, как долго ты себя чувствовала... бесполезной? Готовой запросто распрощаться жизнью? Неспособной контролировать свою судьбу?

— Всегда.

Ее настороженная манера разговора немного меняется, видно, что она чувствует себя более комфортно в моем обществе. Смотря

на нее, я вижу простую сломленную девушку, которая запуталась и боится того, что ей могут сказать врачи, что могут узнать о ней и написать в ее истории болезни. Она все еще крепко держится за мое запястье, будто нуждается больше всего в этом мире в физическом контакте, как будто он сможет вытянуть ее из всего того дерьма, в котором она утопает.

— Для девушки двадцати шести лет, ты слишком отягощена отчаянием, что толкает тебя покончить с жизнью. Когда я смотрю на тебя и слушаю, что ты говоришь, мне кажется это ужасно. Кэрри, ты хочешь чувствовать то же самое следующие двадцать шесть лет? Ты

хочешь проходить через это снова и снова?!

Ее нижняя губа дрожит, но она сохраняет молчание.

— Послушай, разве не будет лучше для тебя, если ты встретишься с тем, кто поможет тебе выйти из этого состояния? Не чувствовать отчаяние, которое поглощает тебя? Может, тогда, ты сможешь прожить последующее время в счастье и спокойствии, твои дни будут наполнены светом. И когда, в один из дней ты обернешься назад и посмотришь в прошлое, ты сможешь увидеть и светлые моменты, а не только тьму, что удерживает тебя в таком состоянии отчаяния.

Кэрри сохраняет молчание, сосредоточенно упираясь взглядом в свои колени, которые покрыты одеялом. Если бы я была азартной девушкой, я бы не поставила и цента на то, что моя речь произвела на нее впечатление. Но девушка удивляет меня, когда опускает поникшие плечи.

— Ладно, хорошо. Я схожу к твоей подружке разок, и если эта затея не прогорит или она полная сучка, то я уйду.

— Обещаешь?

— Я обещаю. А сейчас дай мне этот мобильный телефон.

— Хорошо. Только оставь его в ящике стола, когда закончишь.

Я не могу поверить, что допускаю это.

Несмотря на плохое предчувствие, которое скручивается узлами в животе, я добилась трех маленьких побед. Во-первых, она примет от Пиппы помощь, если даже мне придется умолять ее на коленях оказать помощь этой крошке. Во-вторых, она уйдет отсюда только в конце дня, немного отдохнув и поразмыслив над всем. В-третьих, она будет не в том состоянии, чтобы заботиться о мелочах. Я имею в виду, когда наберет номер этого мудака, она оставит мой телефон в ящике стола. Так что у меня будет его номер, и если что-то случится, у

меня будет то, что отдать копам.

Я провожу послеобеденный обход, тщательно избегая восточного крыла отделения интенсивной терапии, где держат Кэрри. Последнее, что мне сейчас нужно, столкнуться с Зетом, который будет выводить отсюда ее. Когда приходит время окончания моей смены, я вхожу в палату, где лежала Кэрри. Как я и предполагала, кровать Кэрри пуста и пропала ее запачканная кровью одежда. Я подхожу к столику, открываю ящик и замираю — он пуст. Она забрала мой телефон с собой. Бл*дь.

8 глава

Зет

Пиппа, 11.33

Надеюсь, ты поняла, что я сказала тебе, Сло. Держись от него подальше. Я серьезно!

Мое тело покрывается мурашками, когда я читаю сообщение, которое адресовано Сло. Я облажался, знаю, но я одержим. На душе становится тепло и приятно, когда я осознаю то, что она откровенничала обо мне со своей подругой. Я не сказал про нее ни одной живой душе на планете, но это

именно то, что всегда делают парни: мы держим это дерьмо в себе. Мы не треплемся даже о гребанных мелочах. Сучки не любят этого — они сплетничают, как дуры. Я действительно не понимаю, почему она сказала этой Пиппе, что у меня большой член, она что, помнит какой он большой? Конечно же, она помнит, успокаиваю я себя. Затем в руках оживает телефон.

(816) 5466 7980, 21:32

Козел.

Я знаю это от нее. И я знаю, что это для меня. Мои губы изгибаются в улыбке, когда я отвечаю:

Я:

Сучка.

(816) 5466 7980, 21:38

Этот номер часть плана. Будь хорошим мальчиком, верни его обратно.

Я:

Тогда ты должна прийти и забрать его, не так ли?

Прямо сейчас я играю с огнем. Я не должен пытаться сделать так, чтобы она встретила со мной. Я должен пресекать даже малейшие намеки на встречи, особенно с ее стороны. Когда я привел Лейси

домой, уложил ее на кровать, чтобы она могла отдохнуть, я расспросил ее почти сто раз о том, как все было. «Ты дала ей адрес?». «Нет». «Ты сказала ей, где я работаю?». «Нет». «Ты сказала ей свое настоящее имя?». «Нет». «Ты сказала ей мое настоящее имя? Лейси?». «Да».

Бл*дь, отлично, просто шикарно.

Это не ее вина. Девушка была настолько сильно накачена наркотиками, что у меня не было ни малейшей возможности рассказать ей нашу липовую историю, но, бл*дь... Я сейчас черстовки взбешен, что Слоан знает мое настоящее имя. В данный момент я чувствую себя неуютно. Меня определенно

устраивало прежнее положение вещей: я знал о ней все, она обо мне ничего. Это ощущение было сравнимо с безграничной властью в моих руках, но сейчас, бл*дь, словно вся власть ускользает сквозь пальцы.

(816) 5466 7980, 21:32

Дай мне адрес. Я пошлю копов, чтобы они забрали его у тебя как можно быстрее.

Она была очень настойчивой, когда мы снова встретились в коридоре больницы Святого Петра. Это довольно легко общаться с кем-либо, обмениваясь сообщениями. И совершенно другая история, когда вы

стоите с человеком лицом к лицу, прижимаетесь телом к телу. Я прекрасно умею отличать пустышек от довольно умных девушек, сейчас она явно в лиге достаточно находчивых и умных, но кто знает, как она себя покажет дальше. Да, она доктор и именно это заставляет нас думать, что она достаточно грамотный человек. Но скажите, почему она тогда не оставит меня, почему не забудет, как я ей сказал? Я прекрасно знаю, что она почти отчаялась в поисках своей сестры, она хочет моей помощи, но я вряд ли смогу ей в этом помочь.

Я:

**Квартира 12С, 515 Вест Авеню,
восемь часов вечера, завтра.
Надень что-нибудь симпатичное и
короткое. И я настоятельно
рекомендую оставить задумку с
полицией. Запомни, мы не играем
в игры, Сло.**

Я коварно ухмыляюсь, когда нажимаю «отправить». Это далеко не адрес склада; это адрес квартиры в центре города, где я устраиваю маленькие тусовки. Тусовка — это неправильный термин, но Лейси считает, что это он лучше, чем я называл это прежде — трах-марафон. Первая суббота каждого месяца всегда одинаковая на 515

Вест Авеню и завтрашняя ночь не будет исключением. Мой член болезненно набухает и пульсирует, когда я думаю о том, как Слон стучит своей маленькой ладонью в дверь, даже не имея ни малейшего представления, что находится по ту сторону двери.

Мне интересно, примет ли она предостережение Пиппы и не появится завтра ночью на встрече в условленном месте. Но если она появится, все будет решено в ту же секунду. И мне совершенно похер, насколько она жаждет найти сестру. И что ее только стоит поманить звуком ее имени, и она прибежит как послушная сука. Она будет моей, я

давно ждал этого. Я мечтал о ней.

Весь следующий день я изнемогаю от этой мысли, считая минуты, когда наступит время встречи. Но это беспокойство охватывает в конце каждого месяца, мои темные, извращенные фантазии вырываются наружу, желания обостряются. Я иду на вечеринку, хотя обычно Фрэнки устраивал самые развратные вечеринки, но это устраивают уже другие. Просто когда все проходит в том месте, которое нашел я, чувствую себя более защищенным, хозяином гребаной

ситуации. Сразу всем ясно, кто тут главный и кому подчиняться. На первый взгляд может показаться, что я просто не хочу посвящать остальных знакомых в мои пристрастия, но это не так, не в этом дело. Мне абсолютно наплевать, кто знает и что подумают. Просто мне нравится, что каждый, кто приходит ко мне на «тусовку» сразу понимает у кого власть, и кто тут, мать вашу, самый главный.

Уже почти стемнело, когда я, наконец, заезжаю на стоянку, чтобы припарковаться на своем месте, на которое всегда ставлю свой Камаро. Лейс уютно устроилась на заднем сиденье, тихо посапывая. Я больше

не оставлю Лейси одну, даже если это будет означать, что ей придется сидеть в комнате с Майклом, который будет пристально следить за каждым ее движением на протяжении всей ночи. Внезапно трель сотового телефона разрезает тишину и вырывает меня из моих мыслей, заставляя Лейси на заднем сиденье сонно пробормотать что-то невнятное. Я нащупываю и достаю телефон из левого кармана, пытаюсь понять, на чей телефон пришло сообщение, на мой или на ее. Секундой позже понимаю, что это пришло на мой номер. И блин, это даже забавно, потому что это сообщение от Майкла, которого я

вспоминал минутой ранее.

От:

mikeystwest@webhostprime.com

Кому:

443232111@connectlive.com

Получено: 02/21/14 19:21

Привет, босс, вот что удалось узнать за такой короткий срок. До сих пор не нашел никакой информации на девушку. Если Чарли спрятал ее где-то, он чертовски хорошо постарался. Я перекинулся парой слов с одним из парней Рауля, он тоже поможет поискать ее. Но я не упоминал имен. Я закончу через час.

Может, я и называю Чарли боссом, но есть парни, которые верны мне, и приберегают это обращение лишь для меня. Работа Майкла в последние пять лет оплачивается из моего кармана. Он отличный парень, из тех, которым можно доверить свою жизнь, он отлично управляется со своими кулаками, и у него стальные нервы. В последнюю нашу встречу Чарли дал мне недвусмысленно понять, что моя жизнь висит на волоске, и больше предупреждений не будет. Я прекрасно понимал, что это было предупреждением от Чарли, чтобы я не совал свой нос в его грязные дела. Так же было ясно как белый день,

что за моими передвижениями уже приглядывают громилы шести футов ростом из Бойсе, Айдахо. Любимая тактика запугивания Чарли: выбрать громил и приставить следить. Но я всегда держал Майкла подальше от дел с Чарли, поэтому сейчас могу не париться о его безопасности. Он пока не выяснил про девчонку, но обязательно все узнает: жива она или мертва. Это лишь дело времени. Я паркую Камаро на подземной парковке и бережно беру Лейси на руки, чтобы не разбудить ее. Мы поднимаемся на лифте, и она оборачивает руки вокруг моей шеи. На четвертом этаже я вижу, что дверь в квартиру открыта, и Джания

заносит ящики с водкой из коридора в квартиру.

— Я думал, ты любишь девушек в сознании в начале вечера, Зет.

Я смотрю на него безразличным взглядом, игнорируя его шутку и направляясь в самую крайнюю комнату из шести. Я проверяю, что дверь надежно закрыта, потому что у нас уже были нежелательные проблемы с пьяными гостями «тусовки». Дверь крепко заперта, поэтому я могу оставить ее здесь, чтобы, наконец, окунуться в атмосферу разврата, заодно проверяя, должным ли образом все подготовлено. Около входной двери на столе разложены маски, как

обязательный атрибут данных встреч. Тема этого месяца — золотой цвет, поэтому большинство масок черные или белые, поверх которых нанесено позолоченное напыление, или что за дерьмо наносится на венецианские маски. Я выбираю самую устрашающую маску Дьявола, которая полностью покрывает лицо и увенчивается рогами, а уголки рта драматически опущены вниз. Я отмечаю, что все подготовлено хорошо, чувство удовлетворения заполняет меня. Освещение в квартире приглушенное, которое отбрасывает золотистые тени на присутствующих, что придает определенную законченную

атмосферу и световой эффект тематике вечера. Нарезанные фрукты и другие деликатесы разложены на столе по тарелкам, шелковые перегородки отделяют различные углы в комнатах, предоставляя некоторую уединенность гостям. Хотя по большому счету тем, кто приходит сюда, она не нужна.

Гости начинают прибывать, одетые в смокинги и блестящие вечерние платья, волосы собраны в идеальные прически. Единственно правило неизменно, мы не обмениваемся именами, не упоминаем их. Маски лежат на месте. Я мысленно готовлюсь к тому, что будет, пытаюсь сохранить ясность

мыслей. Но в голове крутится одна
лишь мысль: «Придет ли она?
Осмелится ли? И как она
отреагирует, и что будет делать, когда
увидит это все?»»

9 глава

Слоан

Я, должно быть, совершенно ненормальная.

Мало того, что я не позвонила копам, так я еще направляюсь по адресу, который прислал мне Зет. И, плюс ко всему, я надела самое, что ни на есть короткое и обтягивающее платье, которое у меня было. Я не могу толком понять своих чувств, но его сообщение будто вызов. Он не думал, что я бы отважилась сделать это, но именно это заставило мою упертую натуру захотеть утереть ему

нос. С того момента, как пришло это сообщение, прошло много времени. После кошмарного дня на работе, в особенности после гребаного допроса по поводу исчезновения Кэрри, и всех тупых: «Вы были последней, кто видел ее, доктор Ромера, вы точно уверены, что она не упоминала ничего о том, что хотела сбежать из больницы?», самая последняя вещь, которая мне сейчас нужна, так это спор с этим засранцем. Хотя я не так глупа, но похоже, стану таковой вскоре, потому что добровольно направляюсь по тому адресу.

Я оставляю машину двумя улицами ниже и направляюсь

пешком к тому дому, рассуждая про себя, может, мне хотя бы стоило написать Пиппе о том, куда я отправляюсь. Если я пропаду после нашей встречи, то хотя бы она сможет предоставить копам информацию о моем последнем местонахождении. Но я не могу. Во-первых, потому что у меня больше нет моего гребаного телефона, и я не могу сходу вспомнить ее номер. Во-вторых, скорее всего, она бы мне врезала за то, что я не послушала ее.

Я нажимаю на домофоне кнопку, на которой написано 12С, гадая про себя, будет ли Лейси здесь. Я принесла с собою свою медицинскую сумку, просто на

случай, вдруг ее нужно будет осмотреть, тогда я даже смогу сменить ей повязки. К тому же я взяла с собой целую кучу разных антибиотиков, которые ей, несомненно, нужны, потому что ее рана слишком тяжелая. Раздается шум и потрескивание в домофоне, но никто не говорит. На том конце раздается неприятный скрежет металла, затем проворачивается в скважине ключ, и дверь открывается

Я прохожу четыре пролета, пока до меня не доносится грохот музыки и смех. У кого-то явно вечеринка. Парень, который стоит в конце коридора, смотрит прямо на меня, его руки сложены перед ним. У меня

не занимает много времени, чтобы понять, что мне нужно именно в ту квартиру, из которой доносится музыка. А что тут делает этот парень в костюме? Что за херня?

— Я могу вам помочь, мадам? — спрашивает он меня.

Его голос спокойный и тихий, его кожа темного оттенка. Бритый налысо и возвышающийся надо мной словно огромная шестифутовая статуя, он внушает чувство неподдельного страха своим языческим образом. Он как лезвие изысканного кинжала — утонченный и красивый, но также может нести смерть.

— Я... Мне сказал прийти Зет.

В данный момент я полностью разгневана, потому что он сказал мне прийти, в то время как сам, по-видимому, решил не пускать. Это, скорее всего, было его идеей поставить охранника, укрепить меры безопасности, чтобы убедиться, что я не смогла бы устроить сцену... по поводу всего случившегося.

— Не могли бы вы назвать мне свое имя, мисс?

— Слоан. Слоан Ромера.

Высокий парень не проверяет список гостей и даже не сообщает в наушник мое имя, что очень удивляет меня, он, оказывается, знает мое имя заранее.

— Добро пожаловать, мисс

Ромера. Меня зовут Майкл. Если вам что-нибудь понадобится этим вечером, не задумываясь, найдите меня.

Он отступает в сторону и открывает дверь позади него, загораживая обзор того, что происходит в комнате своим мощным телом. Он указывает мне ладонью на стол, который находится позади двери, на его губах играет вежливая улыбочка.

— Пожалуйста, не будете ли вы столь любезны, выбрать себе маску?

Выбрать маску? Я от беспокойства слегка поджимаю пальцы в туфлях. В последний раз, когда мне пришлось надеть маску, я

встречалась в отеле с Зетом. Это не имело особого значения, потому что тогда там было темно, но все равно этих ассоциаций хватило, чтобы волна страха пронеслась по моим венам.

— Знаете, мне бы не хотелось этого делать, — говорю я четко, выделяя каждое слово.

Он отвечает на мои слова кивком, как будто ему приходилось ранее сталкиваться с такой реакцией.

— Мне очень жаль, мисс Ромера, но без маски я не могу пропустить вас внутрь.

Гребаное. Дерьмо. Я, бл*дь, просто хочу свой телефон обратно. И я просто хочу поведать Кэрри, или

как там ее долбаное имя. Я так же хочу узнать, что известно Зету о моей сестре.

Я стискиваю челюсть, когда смотрю вниз на стол, который довольно приличного размера. На нем лежит шесть масок. Четыре из них мужские, две оставшиеся — женские. Они черные с золотистыми разводами, но на одной сбоку прикреплено перо из смеси разных цветов: золотистого, стального, фиолетового, зеленого. Мне нравится эта маска, поэтому я беру ее. Майкл любезно помогает мне надеть маску и закрепить перо в мои волосы. Кажется, этот парень делал это прежде.

— Спасибо, что посетили нас, мисс Ромера, — говорит он, и затем отходит в сторону, и теперь я могу видеть всю комнату.

Мой живот сжимается.

Я слышала об этом термине до этого, но никогда не видела этого в реальной жизни: Оргия. Групповой секс. Ганг-банг. От происходящего у меня совершенно едет крыша. Я больше даже не хочу думать о том, что наблюдаю сейчас.

Квартира представляет собой просторное помещение. Сейчас тут находятся, по меньшей мере,

пятьдесят человек, и все в разной степени обнажены. Некоторые мужчины полностью одеты, в то время как стройные красавицы обнажены каждая по своему: у кого-то опущен вверх платя, чтобы показать всем свою идеальную грудь, у других обнажена нижняя часть тела, которая открывает аккуратную депилированную промежность, остальная часть девушек сидят на коленях перед мужчинами.

Черные кожаные манжеты вгрызаются в кожу, куда бы я ни посмотрела. Люди находятся по парам то тут, то там, целуясь или занимаясь сексом. Их руки ласкают каждую часть тела. В

противоположном конце комнаты мужчина запрокидывает голову назад, испытывая несравненное удовольствие, когда полностью обнаженная девушка сосет его возбужденный член у всех на глазах.

Я стою, буквально открыв рот. Затем разворачиваюсь и вижу, что Майкл все еще здесь, он пожимает плечами.

— Если ты ищешь Зета, то он в дальней комнате. Но тебе нужно пересечь пространство квартиры, чтобы добраться туда.

Неспешная улыбочка растягивается на его губах.

— Босс сказал мне, чтобы я даже не закрывал за тобой дверь,

ПОТОМУ ЧТО ТЫ ВЫСКОЧИШЬ ИЗ НЕЕ, КАК ТОЛЬКО УВИДИШЬ ВСЕ ЭТО. ОН НЕ ДУМАЕТ, ЧТО ТЫ ОСМЕЛИШЬСЯ ПРОЙТИ.

Оу, ну что ж, мать вашу, он был абсолютно прав. Мне не нужно все это дерьмо. Я качаю головой, делая шаг по направлению к Майклу и открытой двери. Майкл пожимает одним плечом, добавляя:

— Еще он сказал, что ты ужасная недотрога. Ну, и что убежишь отсюда, как только... — он смотрит через мое плечо на происходящее в комнате, усмехаясь. — Ну, ты поняла...

— Он гребаный сукин сын, — рывкаю я.

— Конечно. Хочешь, крошка,

преподать ему урок, тогда тебе нужно пойти и найти его, вместо того чтобы бежать отсюда. Хочешь открутить его гребаную башку?

Я сужаю глаза.

— Вы что поспорили на это?

— Ага, на штуку баксов, —

откровенничает Майкл.

Штуку баксов? Зет что, настолько уверен в моей реакции, что готов поставить на это штуку баксов? Я знаю, что для него это, вероятнее всего, мелочь, после того как он расплатился за больничный счет Кэрри наличкой, но черт побери! Это его непременно покоробит, если он поспорит. Поэтому я делаю глубокий вдох.

— Ты сюда уже добралась. Ты уже видела, что происходит позади тебя. Тебе просто нужно развернуться, пойти и найти его

— Ладно.

Я не даю себе опомниться. Резко разворачиваюсь и иду по направлению к коридору, который находится в противоположной стороне огромной комнаты. Я переступаю и обхожу тела даже прежде, чем осознаю это. Я пытаюсь не смотреть и разглядывать ничего, но все равно мой взгляд притягивают некоторые вещи. Эти образы засядут у меня в голове надолго.

Когда я достигаю коридора, то вижу там восемь дверей — четыре с

одной стороны, четыре с другой. Некоторые открытые, некоторые закрытые. Низкие стоны раздаются из-за закрытых дверей. Хрипы экстаза и громкие шлепающие звуки влажных тел. Я слишком напугана, чтобы открывать закрытые двери, поэтому заглядываю в открытые, каждый раз подбадривая себя, что смогу это сделать. Когда я заглядываю то, вижу что там клубок рук и ног. Насколько мне удастся рассмотреть, там четыре девушки и два парня, они настолько переплетены в объятиях друг друга, что нельзя сказать, где это все начинается, а где заканчивается. Я быстро отхожу от двери. Во второй

комнате я вижу группу женщин и мужчин, которые все еще одеты в свои красивые костюмы и восхитительные платья, они стоят полукругом, наблюдая за парой, которая трахается на полу. Наблюдатели благовоспитанно пьют небольшими глотками шампанское из фужеров, в то время как ненавязчиво поглаживают и прикасаются друг к другу. Вот рука проскальзывает в вырез платья и нежно ласкает обнаженную кожу; вот еще одна рука с аккуратным маникюром стискивает эрекцию через ткань брюк. Высокий накачанный парень одет в самую потрясающую тигриную маску,

которую я сегодня видела на празднике, поворачивается ко мне и смотрит на меня пронзительным взглядом. Он делает глоток шампанского, поглаживая ладонью обнаженную кожу груди и перекатывая горошинку соска своей спутницы, затем манит меня пальцем.

О, черт, нет!

Я быстро начинаю пятиться назад, затем разворачиваюсь и направляюсь в последнюю дверь справа. На какое-то мгновение мне кажется, что дверь закрыта, и я уже хочу развернуться, но я ошибаюсь. Дверь настежь открыта, в комнате царит крошечная темнота.

Мерзкий мудака.

Я сильнее прижимаю к себе медицинскую сумку, стискивая ее ручку, затем делаю глубокий вдох. И прохожу вовнутрь.

— Ты больной придурок, ты знаешь это? — говорю я в темноту.

Мягкий шелест одежды приветствует меня, затем слышится движение. Хотя свет в комнате полностью отсутствует, коридор все-таки освещен, поэтому это не так как в тот раз в отеле. Я могу видеть достаточно, чтобы понять, что прямо ко мне движется образ мужчины.

— Я прекрасно знаю, что я ненормальный, если ты это имеешь в виду.

В двух шагах от меня появляется Зет с ужасной дьявольской маской на лице, он одет во все черное. Даже в темноте заметно, что костюм сидит на нем идеально. Его темные глаза сверкают искорками решительности и желания в прорезях маски.

— Ты знаешь, что ты удивила меня, Слоан. А я очень люблю, когда меня приятно удивляют, — раздается его голос тихим рокотом.

— Ну, что я могу сказать, ты тоже меня удивил. Хотя, знаешь, не могу сказать, что этот сюрприз можно отнести к приятным.

Он смеется. Его голос настолько сильный и глубокий, что он распространяется по моему телу,

начиная от макушки и заканчивая ступней ног.

— Тебе нужно быть немного более раскрепощенной. Ты никогда не узнаешь, что тебе нравится до того момента, пока не попробуешь.

— Я прекрасно знаю, что мне приятно и нравится, Зет. А стоять и смотреть, как пятьдесят человек трахают друг друга в разных позах, явно не входит в круг моих интересов.

Глаза в прорезях маски гневно вспыхивают, когда я произношу его имя. Он подходит ближе ко мне, скидывает руку и проводит кончиками пальцев по линии моей челюсти. Он кажется очень

задумчивым, заинтригованным моим спокойствием. Я, бл*дь, даже двинуться не могу, внутри все застыло от ужаса, но в то же время от желания к нему, когда он нежно ласкает меня прикосновениями.

— Если тебе не нравится смотреть, это не проблема. Ты всегда можешь присоединиться и поучаствовать.

Я отталкиваю его руку от своего лица и рычу из-под собственной маски.

— Отдай, черт возьми, мой телефон.

Он наблюдает за мной пару секунд, затем тянется в карман брюк и достает оттуда мой сотовый

телефон. Протягивает его мне, предлагая потянуться и взять его, но я-то прекрасно знаю, что он затеял за игру, как только я потянусь за телефоном, он отдернет руку, поэтому вместо того, чтобы тянуться, я протягиваю открытую ладонь, чтобы он сам вложил мне в руку телефон. Он немного хмурится, его игра разрушена, но он все-таки кладет телефон мне на ладонь. Я быстро убираю его в медицинскую сумку, которую я все еще пытаюсь удержать изо всех сил.

— Я пришла сегодня, потому что хотела показать, что совершенно не боюсь тебя, Зет. И я очень хочу знать, что тебе известно о моей сестре.

— Серьезно? — он переводит взгляд на мою сумку. — Но по твоей сумке можно сказать, как будто ты собрала и принесла сюда игрушки, с которыми мы можем поиграть.

Я вспоминаю его черную сумку, с которой он приходил тогда в отель. Стискивая челюсть, выплевываю:

— Ах, ты имеешь в виду, что она выглядит как твоя? Так знай, мистер Извращенец, я не такая испорченная, как ты. Я определенно не таскаю с собой повсюду сумку с БДСМ-девайсами.

Зет смотрит вниз, задумчиво склоняет голову. Его сумка лежит около двери слева от меня. Я вздрагиваю всем телом, когда

смотрю на нее.

— Моя сумка с сюрпризами немного больше чем твоя, Слоан. И там не только БДСМ-девайсы. Может, ты хочешь открыть ее и посмотреть, что там тебя ждет?

Инфекция — это одна из основных проблем современной хирургии. Мы, доктора, тратим много времени и сил, борясь с ее предупреждением. Мы

прикладываем титанические усилия, чтобы сохранять раны чистыми, но иногда это совершенно не важно, насколько мы стараемся предотвратить ту или иную инфекцию. Все происходит будто само собой. Как только наносится

порез или рана, она инфицируется. Органы воспаляются и отвергают пересаженные конечности. Я наблюдала за этим миллионы раз, но никогда не испытывала этого на себе. Сейчас же, я чувствую себя так, словно Зет проводит показательную операцию на моей вскрытой грудной клетке, а мое сердце уже воспалено неизвестным заражением. Оно яростно колотится в моей груди, пытаюсь из последних сил бороться со странными, неведомыми мне чувствами по отношению к Зету.

— Я не собираюсь даже прикасаться к этой штуковине, ясно? И я принесла мою медицинскую сумку, чтобы я могла осмотреть

Кэрри.

Я специально делаю упор на ее имени, чтобы он знал, что мне прекрасно известно, что оно вымышлено. Но мне кажется, он даже не парится по этому поводу.

— Во-первых, Кэрри спит. Но ты можешь поиграть в доктора со мной. Если меня правильно вдохновить, я могу быть послушным пациентом.

Он медленно поднимает руку: он делает это таким образом, как люди, когда хотят аккуратно прикоснуться к лошади. Моя мама однажды показывала мне, как это делается, когда я была ребенком: «Милая, позволь лошади увидеть твою руку. Позволь ей понять, что ты не

причинишь ей вреда». Но я вижу в глазах Зета, что он как раз наоборот, сильно желает мне причинить боль. Так или иначе, но он это сделает. Он намерен вырвать меня из моего привычного мира, моей привычной жизни. Наконец, он прикасается к моей челюсти, и это прикосновение совершенно отличается от того, как он прикасался ко мне в больнице.

— Я не собираюсь играть с тобой игры, Зет. Ты должен показать мне Кэрри, если она тебе важна, и ты о ней заботишься. Ее запястья еще даже не начали заживать. Она определенно точно нуждается в медицинском лечении, и, ко всему прочему, мне нужно сменить ей

ПОВЯЗКИ.

— Сейчас она принимает амоксициллин (прим.пер. лекарственное средство, антибиотик, обладающий антибактериальным и бактерицидным действием.), и ей меняют повязки три раза в день. И будут менять чаще, если ей это будет необходимо. Ей капают капельницу, чтобы она могла восполнить потерянную плазму, а также она ограничена постельным режимом. И в данный момент она спит, — отзывается гневно он.

Я чертовски разозлила его, можно сказать абсолютно точно. Я сглатываю, когда он двигается в мою сторону. Он останавливается всего в

шаге от меня.

— Хватит болтовни, Слоан. Если ты не возражаешь, я присоединюсь к вечеринке, если ты достаточно смелая, то присоединишь тоже. А если нет, то советую тебе просто уйти, пока тут не стало по-настоящему жарко.

Пока тут не стало по-настоящему жарко? Я даже боюсь думать, что это может означать, потому то, что происходит тут, не назовешь достаточно приличным. Может, он просто не знает, что происходит там? Может, он думают, что его гости сейчас развлекают себя фуршетной едой. Почему у меня такое ощущение, что мое

подсознание сейчас тычет в меня пальцем и смеется надо мной? Но, в то же время, оно коварно нашептывает мне: «Он сидел в темноте, ждал тебя. Он хочет тебя. Он прекрасно знает, что происходит здесь. Именно он это и организовывает, глупая девчонка».

— Отлично, я сейчас уйду. Но прежде, скажи мне, Зет, она жива?

Моя маска упрямство и безразличия в мгновение исчезает. У меня бывают такие моменты, когда я могу кричать, рыдать, пока мне не становится плохо. Но иногда чувства и все эмоции внутри меня застывают, окутанные толстым слоем льда. Зет издаёт гневный рык и делает то, что

я совершенно не ожидала — снимает маску. Он бросает ее на кровать, которую я едва могу видеть позади него. Затем он начинает снимать своими умелыми пальцами запонки с рубашки.

— Что... Прости, что ты делаешь!?

— Тебе нужно видеть это, — кидает он кратко.

Дверь позади меня все еще открыта, и я знаю, что мне следовало бы развернуться и выбежать через нее, но что-то в его темном, мрачном взгляде заставляет меня стоять на месте, послушно ожидая, пока он сделает все, что запланировал. Наше общение, с того момента, как мы

встретились сорок восемь часов назад, основывалось на пропаже телефона, на угрозах и брошенном вызове с его стороны. Но сейчас я явственно чувствую, что выстроенные прежде барьеры и стены непонимания должны пасть, сейчас он собирается быть со мной откровенным. Эта мысль сама по себе является настолько спорной, что мне хочется убежать и спрятаться от его правды. Он отбрасывает пиджак на стул с высокой спинкой, который стоит недалеко от него. Затем начинает расстегивать свою рубашку, материал на плечах и предплечьях натягивается, потому что он сгибает руки в локтях, чтобы аккуратно

расстегнуть каждую пуговичку от воротника до подола. Под рубашкой он носит черную майку, которая словно вторая кожа идеально очерчивает его бугристые мышцы. Он выглядит как гребанный боец UFC (прим.пер. Абсолютный бойцовский чемпионат — UFC Спортивная организация, базирующаяся в Лас-Вегасе и проводящая бои). Его кожа бледная, цвета слоновой кости, на ней видны переплетения и кружева татуировок. Он смотрит на меня из-под нахмуренных бровей, и мне уже хочется вытереть взмокшие от пота ладони о платье. Он выглядит не просто чертовски горячим, а охренительно чертовски

возбуждающим и горячим. Я почти ненавижу его присутствие тут, его притягательность, то, как он смотрит на меня, как будто его член уже в моей киске. Он просто убивает меня.

Резким и заволаживающим взглядом движением, он стягивает через голову майку, обнажая тело с сокращающимися и перекачивающимися мышцами при каждом его движении. На его твердой груди находятся пять или шесть небольших татуировок, не считая рук, там переплетения и кружева татуировок сложно рассмотреть. Над бедром изображена огромная геральдическая лилия, эту рассмотреть достаточно легко из-за

ее размера, так же как и парящего орла с левой стороны груди. Татуировка в виде текста огибает его шею, там написано, что-то с очень глубоким смыслом, но я не могу разобрать всего написанного, только отдельные слова. Он делает шаг вперед, я же отступаю назад, задерживая дыхание. Я стою в дверном проеме, а Зет стоит так, чтобы я могла разглядеть его при свете, который льется из коридора. Теперь я хорошо могу рассмотреть переднюю часть его тела, его твердую грудь, рельефный пресс, потрясающую V-линию бедер, которая исчезает в его брюках. Остальная часть его фигуры остается

В тени

— Это, — он говорит, указывая на свой пресс, — то место, куда меня ранили в первый раз.

Я сморю, куда он мне указывает и вижу шрам, и мое тело помнит, как я в первый раз там, в отеле, прикасалась к его телу, как он настаивал, чтобы я исследовала его тело прикосновениями. Если сейчас я закрою глаза, то даже смогу вспомнить, как ощущается этот шрам, когда прикасаешься нему. Я прекрасно помню тот первый раз, когда я снова и снова в темноте касалась его. Мои пальцы покалывает от воспоминаний того, как ощущается этот шрам, когда

проводишь по его рельефному прессу.

— А вот эти два шрама, это когда меня ранили во второй раз, — говорит он, проводя рукой по своей коже.

Шрамы выглядят не четкими, чистыми и аккуратными, как первый. Прекрасно видно, что у них рваные края, и они выглядят отвратительно, почти два дюйма в длину и до сих пор сохранился бордово-сиреневый оттенок, значит, шрам не был хорошо обработан, присутствовало воспаление. Когда он мне показывает шрамы, я веду с собой внутренний диалог, мне кажется, я оцениваю работу со стороны, как каждый

профессионал своего дела. Я могла бы вылечить его намного лучше. И поверьте, эта мысль меня шокирует, я вообще не должна хотеть делать с ним что-либо.

— А вот это, куда меня подстрелили.

Он немного наклоняется вперед, так что я могу рассмотреть верхнюю часть его тела, и мне в глаза мгновенно бросается красная воспаленная рана, которая располагается на пару дюймов ниже его ключицы. В непосредственной близости от его легкого. Если бы это ранение пришлось на пару дюймов ниже того, где оно сейчас находится, то могло бы привести к неприятным,

а то и смертельным последствиям. Даже взглянув всего раз на рану, я могу сказать с уверенностью, что она свежая. Я не могу сдержаться и вскрикиваю.

— Когда это произошло? Как?

Зет бережно берет меня за руку и притягивает к себе. Я пытаюсь устоять на месте, но все мое тело стремится в его сторону, словно это было неминуемо на протяжении всего времени. Он прижимает мою ладонь к месту, где у него пулевое ранение, смотря сосредоточенно мне в глаза. Его кожа источает пылающий жар, она настолько горячая, что мою руку будто опалает огнем.

— Последствия схватки

трехнедельной давности, — говорит он тихим голосом. — Это произошло, потому что парень, которого меня послали пристрелить, не хотел просто так сдаваться. Он пытался сопротивляться.

Бл*дь, я пытаюсь отдернуть руку, он только сильнее сжимает мою ладонь у его ранения.

— Вот какой мой мир! В этом мире людей убивают просто так или постоянно ранят. Это кошмар наяву. Люди умирают, не успев сказать даже слов в свою защиту. Запомни, Слоан, запомни и послушай меня внимательно, если твоя сестра оказалась втянутой в этот преступный мир, ты серьезно

думаешь, что она могла выжить?
Наивная малышка.

Слезы наполняют мои глаза. Я хочу вырваться и ударить его, причинить боль, но, в то же время, хочу найти в нем утешение. Он плохой, очень плохой, чувствовать к нему что-либо это очень неправильно, но я не могу по-другому. Но в данный момент, я хочу врезать ему кулаком настолько сильно, чтобы почувствовать, как ломаются его кости. Его или мои, после его слов мне уже неважно. Я настолько желаю этого в данный момент, что вскидываю ладонь и ударяю его ею наотмашь. Удар приходится по его щеке, я ударила его

настолько сильно, что мою ладонь в данный момент будто пронизывают тысячи иголок. Когда Зет поворачивается ко мне лицо, я вижу, как пылает его щека и на его нижней губе выступает капелька крови. Его движения настолько взвешенные и медленные, что я начинаю паниковать. Это был действительно очень тупой поступок, очень тупой.

— Я думал, ты не хочешь играть, Слоан, — рычит он.

Все еще удерживая мою вторую руку, он рывком затаскивает меня в комнату. Он самый большой страх в моей жизни. Я пытаюсь вырваться, но он не отпускает меня, крепко удерживая в своих объятиях. Зет в

одно мгновение перехватывает мои запястья, обездвиживая меня. В три длинных шага он преодолевает расстояние до кровати и, рыча, крепко сжимает мои руки еще сильнее. Затем все, что я чувствую, это как я падаю на мягкую кровать, в то время, как он все еще прожигает меня взглядом своих темных глаз.

— Я клянусь, если ты изнасилуешь меня, я тебя убью! — выплевываю я.

Зет издает гневное рычание, и четко говорит, выделяя каждое слово:

— Запомни, Слоан, я никогда не принуждаю женщин. Если ты окажешься верхом на моем члене, то ты сама этого захочешь!

— Так именно поэтому ты швырнул меня на эту кровать?

— Я швырнул тебя сюда, потому что ты ударила меня, что было очень невежливо с твоей стороны, но я решил, что мы заключим с тобой сделку.

Я украдкой посматриваю на дверь, спешно размышляя, как мне выскользнуть из этой комнаты, но я сомневаюсь, что у меня это получится, не будучи перехваченной им.

— Что ты имеешь в виду под словом «сделка»?

Он присаживается на кровать, и я мгновенно вспоминаю комнату отеля, но в этот раз я могу видеть его

пытливый, всезнающий взгляд. Его сильная линия челюсти заставит многих мужчин умирать от зависти, а также другие черты, что делают его лицо таким не похожим на других по своей красоте и мужественности — его темные глаза, четко очерченные брови, подбородок с ямочкой, пухлые губы, высокие скулы, за которые многие женщины готовы были бы удавиться. Я ощущаю себя окаменевшей, но не потому, что он настолько привлекательный, а из-за того, как он смотрит на меня, будто я центр его вселенной.

— Я хочу задать тебе несколько вопросов, — заявляет он осторожно. — А потом ты сама примешь

решение, остаться здесь и делать все, что я тебе скажу, или же уйти отсюда, навсегда стирая в памяти мой образ, и вообще какой-либо намек на мое существование. И о том, что ты видела сегодня вечером. Это будет твой выбор, никто тебя не будет удерживать, Слоан.

Ну, на первый взгляд все проще простого. Мне кажется, он не лжет мне, я верю ему, что он выпустит меня отсюда и не будет удерживать. Я вижу по его глазам — он честен со мной.

— Хорошо.

— Вот и хорошо, — говорит он следом.

Острые ощущения пронзают

меня, когда он приподнимает свою руку, опираясь на спинку кровати и тем самым удерживая свой вес, и когда находится в такой позе, то возвышается надо мной.

— Скажи мне честно, был ли у тебя секс с кем-нибудь после меня?

Что это за вопрос? Он терпеливо ожидает моего ответа, в то время как я пытаюсь изобразить, что разгневана его неподобающим вопросом. Мне кажется, ему совершенно наплевать на то, что он разозлил меня этим вопросом. Он просто сидит и ждет моего ответа, и я пытаюсь собраться, чтобы ответить ему, потому что чем быстрее я это сделаю, тем раньше, я уйду отсюда.

Отлично, бл*дь. У меня же совершенно нет причин, чтобы лгать ему? Ведь так? Поэтому я отвечаю ему честно:

— Нет, после тебя у меня ни с кем не было секса.

Единственная его реакция на мой ответ, морщинки, появившиеся в уголках глаз от того, что он слегка прищурился.

— Хорошо. Спасибо, что была откровенна со мной. А теперь ответь мне вот на какой вопрос, и затем ты сможешь идти, если захочешь.

Я втягиваю глубокий вдох. И готовлюсь к самому худшему, я просто знаю, что следующий вопрос будет моей погибелью.

— Если возвратиться назад, когда мы впервые познакомились, когда мы впервые были вместе в том номере. Помнишь, что я тебе сказал: *«Либо ты говоришь, как трахать тебя, либо я трахну тебя так, как хочу»*. Ты когда-нибудь думала еще о той ночи, хотела ли ты продолжения?

— Нет, однозначно нет.

Мой голос дрожит настолько сильно, что со стороны я похожа на маленькую испуганную девчонку, затем я отвожу от него взгляд в сторону. Зет недовольно цокает языком.

— Ты начала так хорошо, даже сказала правду. Пожалуйста, не порти все сейчас своей ложью, Слоан. И я

не просто спрашиваю, а потому что мне известен твой ответ заранее.

Он склоняется все ниже и ниже, пока говорит, до того момента пока его лицо не находится в паре миллиметров от моего. Зет ласково проводит носом по линии челюсти, легко щекоча мою кожу своим теплым дыханием, затем вдыхает мой запах и затем выдыхает. Это действие заставляет мое тело полностью покрыться нервной дрожью, ощущение настолько мощное, что мне приходится сильно напрячь мышцы, чтобы прекратить вздрагивать. Он продолжает:

— Ты не можешь выбросить меня из своих мыслей. Ты думала и

думаешь обо мне постоянно, гадая, с кем я сейчас, где я сейчас, что делаю, кого я трахаю сейчас.

Он выдыхает последнее слово горячим шепотом мне на ухо, и я с силой стискиваю бедра, потому что его слова словно зажженная спичка, что целенаправленно бросили в бензин, в крови вспыхивает пламя.

— Когда ночь накрывает город, рассыпая золотистые звезды, когда ты находишься наедине с собой, ты прикасаешься к своей киске, ласкаешь свой жаждущий клитор пальцами. Я тот, для кого ты становишься влажной. И все это время ты гадаешь, каково это было бы чувствовать, что я обладаю тобой,

что бы я сделал с тобой, если бы ты принадлежала мне. В какой позе и сколько раз я бы сделал тебя своей, как бы мой член заполнял твою маленькую киску или проскальзывал меду твоих губ. Поэтому вот мой последний вопрос, Слоан. Достаточно ли ты смелая, чтобы признать это желание? Достаточно ли ты смелая, чтобы признать, как сильно ты хочешь это выяснить?

Я чувствую себя так, будто каждая частичка моей души выставлена на показ. У меня сложилось стойкое ощущение, как будто Зет нащупал тонкие струнки моего разума и с ловкостью виртуоза играл на них, считывая мои самые

сокровенные мысли и желания. Я точно уверена, что он не мог знать таких вещей обо мне, но он рассказал их с такой поразительной убедительностью, что я точно поняла: для него мои мысли, как открытая книга. И самое обидное, что так и есть. Все что он сказал, правда. Бл*дь. Я прикрываю судорожно глаза, пытаюсь восстановить дыхание, невзирая на состояние панической атаки. Моя паника вызвана из-за нависающего надо мной гавнюка. Добавьте к этому его сексуальность и язвительность, и все это завернуто в обжигающе горячее татуированное тело.

— Я... я не хочу этого, Зет, —
мямлю я.

Если он и испытывает чувство огорчения, то не подает мне и виду. Он отстраняется от меня, садится, предоставляя мне некоторое личное пространство.

— Достаточно честно. Ну что ж, это был достаточно приятный визит, но, Слоан, время подошло к концу.

Я сажусь, наблюдая за его действиями. Он очень серьезен. И действительно намерен меня отпустить. Я не спеша свешиваю ноги с кровати, заранее пребывая в напряженном состоянии, но лишь оттого, что это может быть какой-либо из его уловок. Он в свою

очередь тоже поднимается с кровати, набрасывает рубашку, продевая руки в рукава, но оставляя ее расстегнутой. Затем он берет свои запонки с какого-то предмета мебели, как ранее мне казалось это стул с высокой спинкой. Весь его вид: татуировки, лицо, распахнутая рубашка — все это отражает хищные и сексуальные повадки, движения. И это все не напускное. Он тот, кто он есть, это его суть.

— Ну и? — вопросительно протягивает он.

— А... а что... — я не могу себя принудить произнести четко слова.

Я ненавижу, что даже в мыслях я не могу их озвучить как надо,

ПОЭТОМУ ВЫДЫХАЮ И СКОРОГОВОРКОЙ
ВЫПАЛИВАЮ СЛОВА:

— А что ты собираешься делать,
когда я уйду?

Зет подходит обратно к кровати
и становится напротив меня. Мои
глаза впитывают с остервенелой
жадностью его рельефные кубики
пресса. Какого черта у мужчин такие
идеальные мышцы пресса? Он
поднимает большую ладонь и
сгибает указательный палец,
приподнимая мой подбородок, так
что мои глаза встречаются с его.

— Когда ты уйдешь, я выйду из
этой комнаты, выпью немного
шампанского и собираюсь найти ту,
кто захочет поиграть со мной.

— Поиграть?

— Да, именно так. И не в какие-то гребаные шахматы. Я найду ту, которая захочет быть оттраханой до такой степени, что не сможет стоять. Найду ту, которая позволит мне скользнуть языком в ее узенькую киску. Ту, кто позволит мне попробовать ее сладость. Ту, кто позволит мне связать ее и напугать до чертиков. Я найду ту, кому это будет по душе. Я думал, что сегодня это будешь ты, но ошибся.

Я сглатываю нервный комок. И опять сглатываю. Мое горло чувствуется обожженным и сухим, будто я вдохнула раскаленный воздух Сахары. Мне следует

поторапливаться и уносить отсюда свою задницу, пока я не совершила чего-нибудь, откровенно говоря, тупого. Я настолько быстро поднимаюсь на ноги, что Зету приходится отступить, чтобы я не сбила его с ног.

— Мне... мне на работу завтра утром. Я... — продолжаю оправдываться я, когда спешно направляюсь к двери, борясь... с чем? С голосом здравого рассудка, который принуждает меня уйти отсюда.

— Гм, — издает звук сомнения.

Его тело покрывают бледно-желтые отблески света, когда я разворачиваюсь, чтобы посмотреть

на него.

— Мне кажется, ты что-то забыла.

Он нагибается и поднимает мою медицинскую сумку, протягивая ее мне. Он усмехается, когда видит выражение на моем лице.

— Ты знаешь, если ты хочешь, то можешь остаться. Тебе не нужно что-то говорить мне. И это никак не сделает тебя слабой в моих глазах. Наоборот это сделает тебя сильнее.

Я подхожу к нему, смотря ему в глаза. Я не могу... Просто не могу сделать этого. Я не такой человек. А какой я вообще человек? Я ведь даже не знаю, какая я на самом деле. Он все еще держит мою сумку за ручку,

приподнимая бровь, он добавляет:

— Ну и что ты решила? Хочешь сумку или хочешь меня?

Он сказал, что мне не обязательно что-то говорить. Он сказал, что это не сделает меня слабой в его глазах. Но может... может, я хочу побыть слабой? Я сохраняла стойкость на протяжении двух прошедших лет. Я была сильной, когда пропала Лекси. Я была сильной, когда обменяла свою девственность на информацию о ее местонахождении. Я все еще сохраняла хваленую стойкость, когда поняла, что больше не могу сохранить даже эту часть себя. Я так устала быть сильной. Я делаю

глубокий вдох и прикрываю глаза, уже заранее сожалея о своих следующих действиях.

Делаю уверенный шаг по направлению к нему и опускаюсь на край кровати. Хриплый, но наполненный насыщенным звуком желания голос Зет разрезает тишину:

— Да. Именно так я и думал, вот моя дерзкая и смелая девочка.

10 глава

Зет

Эта девчонка — бомба замедленного действия. И будьте уверены, взорвется она именно в моей кровати. Я тщательно позабочусь об этом, я собираюсь ее хорошенько отблагодарить за то, что она не обмочилась, когда я сказал, что убивал, и в последний раз убил меньше месяца назад. Многие девушки бы отреагировали именно так, но не она. Я не хренов глупец, и тем более не слепой, я прекрасно понимаю, что напугал ее. Но это, в свою очередь, значит, что она не

просто безмозглая идиотка, чтобы быть полностью бесстрашной в отношении меня. Немногие женщины не обратили бы внимание на то, что мне приходится отнимать жизни у людей, когда мне прикажут. И знаете, мне нравится называть таких «трахнутыми на всю голову». Так почему мне хочется спать именно с такими?

Слоан чувствует по отношению ко мне оправданный страх, и меня это устраивает. Она даже не представляет, на что подписалась, но часть меня, определенно, не может не радоваться такому исходу. Я все еще хочу напугать ее, попробовать ее ужас на вкус, но также я хочу, чтобы

она получила удовольствие от этого чувства страха.

Я улыбался как кот, который получил чашку сметаны, когда она ответила мне «да». Я знал, что именно так все и будет; даже в гребаной параллельной реальности, она бы не отказала мне. Оставляя ее на кровати одну, я подхожу к дверному проему.

— Поднимайся, — обращаюсь я к ней.

Она медленно начинает двигаться, смотря на меня, по-видимому, ожидая, когда я превращусь в ненормального монстра. Бедная зверушка. Ей пора бы узнать, что именно так и выглядит

монстр. Когда она выпрямляется, я прислоняюсь плечом к дверному косяку и складываю руки на груди.

— Раздевайся.

Я вижу по ее лицу, что она хочет отказать мне, но она очень старается не огорчать меня. Слоан слегка приподнимает подол платья, и я вижу, что на ней надеты кружевные чулки и пояс с подвязками. Внутренне мне хочется буквально кричать от радости и правоты. Ни одна девушка не наденет эти гребаные штуки, если не задумывается о сексе. Слоан может отрицать все, что ей хочется, но она, бл*дь, точно понимала, что у нас сегодня будет секс. Ее пальцы

ласкают кружево чулка, нежно поглаживая его, затем она ставит одну ногу на кровать и начинает аккуратно снимать чулок. Когда он снят, она ставит правую ногу на кровать и в точности повторяет свои действия. Она делает это все медленными и дразнящими движениями не из-за того, что хороша в этом, а потому что боится за свои крохотные кружевные трусики. Мой член уже пульсирует в брюках от дикого желания, пока я продолжаю наблюдать за ее неспешными движениями. Но я не прикоснусь к ней. По крайней мере, не сейчас.

— Теперь платье.

Неспешно она снимает платье, стягивая его с тела, и мои руки охватывает чувство зуда, потому что я мысленно представляю, что мои пальцы — это ее пальцы, что это я касаюсь ее тела. Я бы снял это платье по-другому. Я бы просто напроsto разорвал его на мелкие кусочки. Когда она стягивает платье через голову, волосы рассыпаются по ее плечам, словно гребаный водопад. И да, я был абсолютно прав насчет ее белья, на ней кружевной бюстгальтер, который, судя по всему, из одного комплекта с трусиками. Это, бл*дь, восхитительно. Но я мгновенно вспоминаю гребаного Эли, который сказал ей надеть

крутой комплект черного белья, чтобы доставить мне удовольствие, и сейчас она сделала то же самое. Это говорит о многом.

— Сними бюстгальтер, — жестко приказываю я.

Она выглядит ошеломленной, как будто, наконец, до нее доходит, что произошло и теперь она хочет удрать отсюда, словно кошка от воды. Я бы не попытался ее остановить, если бы она захотела сделать это, но все равно я не хочу лишний раз подначивать и провоцировать ее. Особенно теперь, когда мы установили наши рамки взаимоотношений, и, в конечном итоге, я желаю, чтобы она

расплатилось за все поддразнивания.

— Делай то, что я тебе сказал, Слоан. Не испытывай моего терпения. Если не сделаешь, то будешь наказана.

Ее карие глаза, которые едва можно разглядеть в темной комнате, округляются в удивлении. Но она продолжает хранить молчание. Внутренне я аплодирую ее отчаянной смелости, затем вижу, что она проскальзывает пальцами под бретельки бюстгальтера, склоняет плечи немного вперед, и нежная кружевная ткань легко соскальзывает с ее груди. Ее грудь пышная, упругая и натуральная, она была точно такой же, как я представлял себе в течение

этих лет, она была такой, как ее запомнили мои пальцы тогда в темной комнате отеля. Я облизывал, посасывал и ласкал ее грудь, но я всегда сожалел, что так и не смог увидеть ее, до настоящего момента.

Ее соски сжимаются в жесткие бутоны, когда я пристально смотрю на ее грудь, пытаюсь сосредоточиться и принять прежнее жесткое выражение лица. Это не то чтобы прям сложно, я мастер в сфере запугивания и угроз, поэтому для меня это то же самое, что забрать у ребенка леденец. Ее тело восхитительное, идеальное в каждом смысле этого слова, каждая его черточка, каждый уголок, но я не дам

ей увидеть мое восхищение ею. Я должен продолжать играть свою роль, поэтому мне нужно оставаться полностью беспристрастным.

— А теперь ляг на кровать, на спину.

Она, слегка пошатываясь, начинает отходить назад. На ней все еще высокие каблуки, когда она осторожно опускается на кровать. О боже... Она чувствует себя некомфортно. Пришло время исправить это. Пришло время избавить ее от чувства неловкости, пока она не станет податливой, слова глина в моих руках. Есть только единственный способ достигнуть этого, сделать ее тело моим, так она

не будет больше думать, что оно принадлежит ей. Сосредоточить ее мир на одной вещи, которая будет занимать ее мысли — желание.

Я тянусь рукой, хватаю ее за ноги и подтягиваю ее к краю кровати, ближе к себе. Таким образом, я могу расположиться между них. Я присаживаюсь на пятки, усмехаясь, когда она думает, что я собираюсь накрыть ее своим телом. Ни хрена подобного, милая.

— А теперь прикоснись к себе.

— Ч-что? — с запинкой говорит она.

Моя маленькая мышка напугана, загнана в угол. Я не теряю ни минуты, щипая ее за внутреннюю

часть бедра, где кожа нежная и чувствительная, достаточно сильно, отчего ее тело вздрагивает.

— Я повторяю, потрогай себя. Прикоснись к своему клитору пальцем.

Я удивлен, когда она делает в точности то, что я ей говорю. Ее маленькая ладошка устремляется между ног, и она начинает ласкать пальцами клитор, вырисовывая круги поверх трусиков. Это, конечно, хорошо, но мне этого явно недостаточно. Я издаю недовольное рычание и слегка шлепаю ее жалящим ударом по тому самому месту, где я ее ущипнул пару секунд назад. Она останавливается, и я

вижу, что ее глаза прикрыты. Затем я легко проскальзываю рукой под кружево трусиков, сдвигая материал в сторону, и замечаю, что она подавляет хныканье.

— Хорошая девочка, — вознаграждаю я ее поощрением.

Так как трусики сдвинуты в сторону, я могу прекрасно видеть, как она ласкает себя, и я благодарен Богу, что ее глаза прикрыты, потому что я теряю голову. Впервые в жизни я теряю голову. Я наблюдаю за тем, как она поддразнивает свой трепещущий клитор, распределяя влажное желание по своей плоти, этого достаточно, чтобы заставить меня застонать. Мне приходится

сжать руку в кулак и прикусить костяшки, чтобы не застонать в голос. Внезапно в проходе появляются наши гости, Слоан моментально прекращает прикасаться к себе. Ее глаза распахиваются, и мы вместе поворачиваемся в сторону непрошенных гостей, к нам присоединяются парень в тигровой маске и высокая блондинка в коротком черном блестящем платье. На девушке все еще находится ее простая золотистая маска, но нижняя часть ее лица открыта. Ее губы складываются в соблазнительную улыбку, когда она видит, что происходит в этой маленькой

комнате.

— О боже, — с губ Слоан срывается стон, и она предпринимает попытку сесть.

В моей голове уже сложился идеальный план того, что произойдет далее. Поэтому я мгновенно кладу руку на ее живот и принуждаю опуститься на кровать.

— Быстро прими лежачее положение, не заставляй меня повторять дважды.

— Но...

Я смотрю на нее боле жестко, предостерегая ее довольно четко и понятно. Если она хочет доставить мне удовольствие, то сейчас она двигается в противоположном

направлении. Нерешительность в ее глазах привлекает меня. Внутренняя борьба, которую она ведет сама с собой, длится десять долгих секунд. Наконец, она опускается на кровать, смотря сосредоточено и боязливо на пару, которая проходит в комнату.

— Присаживайтесь на диван. И никаких прикосновений, ее трогать нельзя, — говорю я им. — До того момента, пока моя подруга не даст вам своего разрешения.

Тут я даю Слоан немного свободы, потому что прекрасно понимаю, что именно это ей так необходимо. Насколько я могу судить, после моих слов она расслабляется, хотя еще немного

вздрагивает, когда пара усаживается на двухместный диванчик, который находится позади меня у стены. Я снова устремляю свое внимание на Слоан.

— Так на чем мы остановились?

Она хнычет, но понимает меня с полуслова и продолжает ласкать себя. Она пока еще не знает, но справляется она с моим заданием очень хорошо. И, если честно, она просто идеальна для меня и моих извращенных желаний. Я поглаживаю руками внутреннюю сторону ее ног, скользя руками все выше и выше, останавливаясь у ее киски. Она приподнимает бедра вверх в соблазнительном движении.

Еще не пришло время. Не сейчас, милая.

Несмотря на ее расширенные глаза и сомнение, что плескается в них, она настолько заведена, что я чувствую тонкий аромат ее возбуждения. Ее киска не просто влажная, она течет от желания, хотя я еще даже не прикасался к ней. Она проскальзывает пальцем в узкую киску, и с ее губ срывается стон, я слышу, как девушка позади меня втягивает шумный вдох. Я не виню ее, потому что она видит то, что вижу я, через плечо и смотреть на это просто охренительно горячо. Я слышу тихий шелест материала, мои гости начинают двигаться. Это

нормально, им позволено прикасаться друг к другу. Я всегда устраиваю такие вечеринки, чтобы они могли посмотреть и поучаствовать в том, что еще не пробовали делать.

— Сними с себя трусики, — приказываю я Слоан.

Она отвечает мне своим быстрым действием, стягивая с себя трусики по бедрам, затем снимает их и окидывает в сторону. Она снова прикрывает глаза, что позволительно для нее сейчас, но это не может длиться вечно.

— Раздвинь ноги.

Когда она раздвигает ноги, мой член отдается острой болью,

упираясь в материал брюк, умоляя меня выпустить его на свободу. Я удивлен, что еще не сошел с ума от того, сколько крови прилило к моему члену, и я не сделал ничего, чтобы удовлетворить свою жажду. Пришло время моей сумки с девайсами. Я поднимаюсь с кровати, направляясь напрямиком к двери, останавливаясь только для того, чтобы убедиться, что наши гости удовлетворяют себя: блестящее короткое платье девушки приподнялось на ее талии, а пальцы парня жестко, в одном ритме, трахают ее киску. Она медленно поглаживает его, расслабленно откинувшись на спинку дивана.

Слоан издает приглушенный

вздых, она открывает глаза и отваживается посмотреть на гостей, и... она больше не выглядит такой напуганной. Какая хорошая девочка. Я поднимаю сумку и спешно направляюсь к кровати, сгорая от желания, наконец, взять ее. Я достаю из сумки то, что ранее приготовил именно для этой вечеринки — четыре пары манжетов из жесткой кожи. Я смотрю на нее и вижу, что в ее глазах зажигается огонек осознания, она понимает, при помощи чего я обездвижил ее в отеле. Она ведет себя очень спокойно, когда я обхватываю ими ее щиколотки и запястья, пристегивая их за цепочки к столбикам кровати.

Я вижу в ее взгляде доверие, и от этого у меня скручивает живот. Одному Богу известно, что я сделал, чтобы заслужить его.

Женщина, которая сидит на диванчике, издает легкий стон, и Слоан опять поворачивает голову, чтобы посмотреть, что там происходит. Парень снимает свою маску и становится на колени, собираясь расположиться между ног девушки. Она обхватывает свою грудь, перекатывая сосок между пальцами, призывно поглядывая на соблазнительное тело Слоан. Я прекрасно знаю, чего хочет эта цыпочка, что именно ей нравится, только я не знаю, как к этому

отнесется Слоан. Я опускаю руку в сумку и достаю именно ту вещь, о которой я думал все это время, которой я мечтал воспользоваться, как только повстречаю ее. Мой нож. Блондинка издает громкий стон, в котором смешиваются удовлетворение и предвкушение от зрелища. Слоан же лежит на кровати, не двигаясь. Она все помнит, помнит холодную сталь лезвия.

— Помнишь, что нужно делать?

— я требую четкого ответа.

Слоан отвечает одним единственным кивком.

— Нужно сохранять спокойствие и не двигаться, — шепчет она.

Я уже сейчас могу сказать, что

все пройдет шикарно. Многие бы начали кричать при виде ножа, но Слоан видимо принимает то, что нравится мне. Я и так ждал достаточно долго, поэтому сейчас позволяю себе раздеться, скидываю ботинки, избавляюсь от брюк и следом стягиваю боксеры, что удерживали мой член. Теперь я стою полностью обнаженный. Затем обхватываю свой член, крепко сжимая, жестко поглаживая. Это, бл*дь, великолепно. Я смотрю краем глаза на блондинку, она прижимается своей киской ко рту парня, принуждая его лизать ее сильнее. Ее рот раскрывается в немом крике удовольствия. Глаза Слоан мечутся

между парой наших гостей и мной. Я коварно улыбаюсь ей и забираюсь на кровать. Она вздрагивает всем телом, когда я подношу острую сталь охотничьего ножа к ее коже.

— Зет, — слетает с ее губ мое имя.

Мы никогда не используем имена в этих играх. Я смотрю на нее предостерегающим взглядом. Она закусывает нижнюю губу, посылая мне кивок, тем самым понимая свою ошибку. Я никогда не давал обещания, что не причиню ей боль, но смягчаю выражение, что стоит у меня в глазах, чтобы она понимала, что та боль, которую я собираюсь причинить, не настоящая, это только

для ее удовольствия. Я не причиню ей вреда.

Она наблюдает за мной с близкого расстояния, потому что сейчас я склоняюсь над ней и провожу лезвием ножа по ее коже. Лезвие ласкает ее грудь, соски, обводит ее плавные изгибы, задерживается на бедрах. Она настолько сильно дрожит, что я боюсь ее поранить. Блондинка на диване начинает всхлипывать от удовольствия, когда наблюдает за моими действиями. Она на грани, сейчас кончит, ее оргазм почти накрыл ее волной похоти и вожделения. Я переворачиваю нож, так я удерживаю пальцами острое

лезвие, а кожи Слоан касается полированная деревянная рукоятка. Затем я ухмыляюсь сам себе, оборачивая пальцы вокруг острой стали, стискивая ее покрепче, знакомая боль прошивает мое тело, разрезает кожу. Теперь я устремляюсь рукояткой между ее ног.

Страх охватывает ее на долю секунды, пока она не осознает, что я еще не закончил начатое. Я плавно и бережно массирую ее клитор рукояткой ножа, поглаживая свой член все быстрее и жестче, когда понимаю, что ее ощущения возобладали над ней. Да, может, она и напугана, но чувство похоти оказалось сильнее. И, бл*дь, ей это

нравится. Теперь я начинаю действовать смелее, проводя рукояткой от клитора до сердцевины ее киски, раздвигая внутренние лепестки, распространяя влагу. Затем одним резким движением я погружаю рукоять в ее узенькую киску.

— О... черт.

Она дублирует это движение бедрами, пытаясь получить желаемое проникновение еще раз, сжимая кулаки в попытке дотянуться до шелка простыней, но они лишь сжимают пустоту, потому что ее руки удерживают крепкие манжеты.

— Это самая сексуальная вещь, которую я только видела, —

постанывает Блондинка.

Парень прекращает лизать ей киску, чтобы выяснить, о чем именно она говорит. Когда он видит, что я делаю, его взгляд наполняется чем-то животным, и глаза темнеют. Я вижу, что он такой же, как я. Он поднимается на ноги и рывком поднимает девушку вверх, усаживая ее на свой член, спиной к себе, так чтобы они могли вдвоем наблюдать за моими действиями. Они вдвоем не могут отвести взгляда от того, как я трахаю Слоан рукояткой ножа, а она дублирует мои движения, все яростней насаживаясь на нее. Ни за что бы не подумал, что такое возможно. Никогда бы не подумал,

что она позволит мне сделать такое. И уж точно я никогда бы не подумал, что ей понравится это. Реальность вызывает будоражащие чувства, но, в то же самое время, и пугающие. Если она позволяет делать мне это, тогда где же ее гребаная черта, которую нельзя переходить? Потому что это... все, что я сейчас делаю, ничто для меня. Я вытаскиваю рукоятку и сильнее сжимаю сталь лезвия, настолько, что я могу ощущать, как оно разрезает кожу сильнее, принося мне некоторое облегчение. Через мгновение я отбрасываю нож как можно дальше от себя. Нож вонзается в стену на расстоянии семи футов, покачиваясь в стене от силы моего

броска

Моя рука истекает кровью, и в это время тело Слоан выгибается, умоляя, чтобы я взял ее. Я прижимаю губами к ране и провожу языком по всей ее длине, когда кровь попадает в рот, она отдается медным привкусом. Я наклоняюсь к Слоан и шепчу ей на ухо.

— Что думаешь, зверушка? Хотела бы поиграть с нашими друзьями?

Гортанный стон вырывается из ее горла.

— Я не знаю... Я не знаю.

— Будет весело, я тебе обещаю, детка.

Ее взгляд встречается с моим, и я

опять вижу там гребаное выражение доверия. Как бы я хотел, бл*дь, не видеть его там.

— Хорошо, — говорит она еле слышно.

Я разворачиваюсь и киваю блондинке, до того как Слоан не успела передумать

Слоан

Девушка быстро отходит от своего партнера, как будто его больше и не существует. Я борюсь за то, чтобы взять под контроль свое чувство страха, пока Зет сидит на

пятках совершенно голый.

Он продолжает скользить рукой по всей длине члена, смотря, как я извиваюсь от желания на кровати. Я прекрасно понимаю, некоторые парни буквально сошли бы с ума прямо сейчас: две девушки, одна из которых обнаженная, обездвиженная с помощью манжетов, другая на половину обнаженная направляется к кровати, готовая сделать неизвестно что. Часть меня печально вздыхает, глядя на это, и качает головой от разочарования, насколько низко я пала, что вообще пришла на эту вечеринку. Это именно та самая часть, что совершенно противилась надевать высокие кружевные чулки и

кружевное белье.

Другая же часть меня пребывает в откровенно возбужденном и радостном настроении, потому что она полностью одобряет мои действия. Потому что никто не принуждал меня делать это, я сама этого захотела. На протяжении долгого времени я мечтала провести такую же ночь, как была тогда в отеле, просто я была недостаточно смелой, чтобы признать это. Зет, с его противоречивой натурой, вытащил эту правду из меня. Он мой творец. Он создал монстра. Я в ужасе от того, что мне нравится нож и то, как он использовал его. Это заставило меня столкнуться с двумя

мощными эмоциями: ужасом, от которого сотрясалось тело, и желанием, от которого рушились все стены самоконтроля.

А теперь еще и это...

Никогда до этого момента я не была близка с девушкой. Но как мне кажется, когда блондинка забирается на кровать и стреляет в Зета собственническим взглядом, это явно не в первый раз для нее. Зет усмехается, его кривая улыбка настолько сексуальная, что это заставляет мою кожу пылать. Она располагается у меня между ног, смотря с желанием.

Блондинка опускается ниже и жадно начинает кружить кончиком

языка по клитору и чувствительной вершинке, ее прикосновения нежные и ласковые, не такие как у Зета. Тогда он приник к моей киске, глубоко целуя меня и проникая в ее жар языком со всей яростью, будто лев, который рвался на охоту. Она работает языком тоже достаточно искусно, но все же не как Зет. В тот момент, когда ее язык проникает в меня, она наблюдает за мной, но я сосредоточена на Зете.

Он улыбается мне умопомрачительной улыбкой и продолжает скользить рукой по бархатной длине своего члена, не стыдясь своих откровенных ласк. Он владеет своим телом, он

преподносит свое тело с самодовольной уверенностью, что заставляет меня желать делать так же.

— Хочешь, чтобы я освободил твои руки? — спрашивает он.

Я киваю. Он поднимается и отстегивает манжеты с моих запястьев, укладывая меня поудобнее на кровать, и когда склоняется надо мной, то его член находится всего в паре сантиметров от моего рта. Я хочу облизать его. Хочу взять его в рот и пососать. Я хочу погладить его настолько сильно, что мои губы покалывает в предвкушении. Это будет достаточно дерзко, если я осмелюсь, но, не смотря на это, я

поворачиваю голову, немного приподнимая ее, и провожу зубами по коже на его бедре. Он беззвучно смеется, когда смотрит на меня.

— Если ты хочешь мой член, прелесть, тебе придется о нем умолять.

Со свободными руками дотянуться и взять его член в руку проще некуда, но я инстинктивно понимаю, что это очень-очень плохая идея, потому я навлеку на себе целую кучу проблем. Я откидываю голову обратно на кровать, постанывая. Девушка начинает лизать и посасывать мой клитор все сильнее, изредка покусывая его, при этом сама стонет от удовольствия. Затем,

когда она всасывает клитор в рот, в то же время проскальзывает в меня пальцем. Ощущения не передать словами, они возбуждающие, переполняющие и пугающие, но не только потому, что она трахает меня пальцем, а потому что Зет нависает надо мной, толкаясь к себе в руку, жестко сжимая член. Я думала, что до этого была возбуждена, но это просто ничто по сравнению с тем, как он наблюдает за моим удовольствием. Я тянусь руками и запутываюсь в волосах девушки пальцами, притягивая ее сильнее, толкаясь бедрами ей навстречу, когда она трахает меня пальцами.

Я полностью забываю о ее

партнере. Я вспоминаю о его присутствии, когда он поднимается на кровать, полностью обнаженный. Зет смотрит на него предостерегающим взглядом, яростным и собственническим, парень кивает ему, понимая без слов, что имеет в виду Зет. Он пододвигается к девушке, его взгляд полностью сосредоточен на мне, когда он вонзается в нее, одним толчком входя до основания. Блондинка вскрикивает, прекращая вылизывать мою киску. Парень начинает яростно трахать ее, все еще пристально смотря на меня и на мое обнаженное тело.

Блондинка вскидывает руку и

тянется к члену Зета, желая заполучить его. Он молниеносно, с пластикой хищника, отступает назад, смотря на нее раздраженно, затем шлепает ее по заднице, настолько сильно, что даже у меня начинает щипать глаза от слез. Она громко вскрикивает, но на этот раз от боли.

— Это не для тебя, — рычит он.

Он смотрит на меня, и бл*дь, я чертовски сильно хочу его.

— Только для нее. И только когда она попросит об этом.

Девушка совершенно не парится по поводу того, что Зет не доступен для ее ласк. Она только сильнее приникает к моей киске, проникая в ее жар, поддразнивая кончиком

языка трепещущую вершину клитора, заставляя мои ноги подрагивать от удовольствия. Это просто крышесносные ощущения, но я жажду не этого. Я нуждаюсь в нем. Я знаю, что мне нужно сделать, чтобы получить то, в чем я так нуждаюсь. И мне кажется, я примирилась с этим

Он хочет, чтобы я просила его разрешения... я буду просить.

Он хочет, чтобы я умоляла... я буду делать и это.

Потому что он знает, что в данный момент я исполню любое его желание... И это именно так, как и должно быть. Я трахнутая на голову. Я полностью запуталась в своих чувствах. Я потерялась в своем

желании. Я принадлежу ему.

— Зет...

Эти слова звучат будто предзнаменование, колокольный звон, предрешающий мою судьбу.

— Я хочу тебя. Только тебя. Пожалуйста... сделай меня своей.

11 глава

Зет

Она умоляет меня. Она умоляет, и я явственно вижу момент, когда она вручает себя мне. Это охренительно прекрасный момент. Я трахал многих, иногда даже не запоминая лица, иногда не чувствуя ничего, не стремясь ни к чему, только к своему освобождению. Но тут... Я удивлен своей гребаной реакцией — я склоняюсь над ней и целую. Я давно не делал этого так. Я даже не могу вспомнить последний раз, когда получал удовольствие от поцелуя. Это безумно интимный момент. Я

прекрасно знаю, что слаб рядом с этой девушкой, она ломает мою волю. Я не знаю, почему так.

Как только Слоан произносит долгожданные слова, я делаю блондинке знак рукой, чтобы она отвалила, и расстегиваю манжеты на лодыжках Слоан. Парень продолжает вколачиваться в тело девушки, и они совершенно теряются в своем удовольствии, не замечая того, что происходит. В это время я поднимаю Слоан на руки, и мы выходим из комнаты. Когда ее руки обвивают мою шею, сердце в груди стучит как сумасшедшее. Сейчас я ощущаю, как будто оно все тридцать три года просто занимало безучастное место

в моей груди, будто оно бездействовало, бессмысленно покрываясь пылью, но когда Слоан прикоснулась ко мне так, оно заработало словно отлаженный механизм. Ощущения волнующие. Я не представляю, что мне с этим всем делать, кроме того, как укрыться от всего. Естественно, я так делал и раньше, когда просто не хотел париться о таких вещах. Но я не смогу этого со Слоан. Она другая. Все изменилось. Она моя. Только моя.

Я спешно подхожу к двери напротив и на электронной панели ввожу код, чтобы дверь открылась. Эта комната мое убежище, я

скрываюсь там ото всех, отдыхаю, когда в квартире проходят вечеринки такого типа, когда бесчисленное количество человек трахаются везде, где придется.

Когда я заношу ее вовнутрь, все начинает развиваться быстрее, чем я надеялся. Если бы на месте Слоан была какая-нибудь другая девушка, то я бы мог провести много времени, забавляясь, подразнивая ее, подводя к грани оргазма и отступая, но я просто... не могу, когда дело касается Слоан.

Напугал ли я ее своим поведением? Я точно не знаю ответа на этот вопрос, но что я знаю наверняка, я напугался до чертиков

своего поведения рядом с ней. Во-первых, я даже не связал ее как следует, а это для меня нечто вроде моего личного пунктика, некое предварительное требование ко всем женщинам, что спят со мной, потому что я не могу терпеть прикосновения без моего разрешения. Но в этот раз все иначе, когда ее руки обхватывают меня за шею, я буквально схожу с ума от страсти. Я бросаю ее на кровать в темноте комнаты, резко переворачиваю ладонью на живот, подтягивая ближе к себе ее за бедра... Одержимый отчаянным желанием, завожу ее руки за спину, удерживая их за запястья, и толкаюсь в нее. Член скользит в ее лоно, словно

горячий нож в масло. Я хотел сделать это с самого первого момента, как увидел ее сегодня в этом маленьком черном платье и медицинской сумкой в руках.

— Черт, Зет! — хнычет она.

Выкрикивает мое имя, разворачивая голову в сторону и прижимаясь щекой к шелку простыней, в то время как я отчаянно вдавливаюсь в ее тело, прижимая к матрасу. И я могу поклясться, что все ее звуки и стоны, словно музыка для моих ушей.

Больше нет обратного пути после всего. Я трахаю ее. Она моя. Я вторгаюсь в ее тело настолько сильно, что в ушах начинает звенеть.

Раньше я даже не представлял, что это такое. Аромат, что исходит от нее — чистый секс, абсолютное наслаждение, настолько дурманящий и опьяняющий, что я стискиваю ее тело сильнее в моих руках, чтобы не кончить слишком быстро. Я чувствую, что готов реветь, выть, как дикое животное, когда позволяю нам кончить. Вместо этого я издаю пугающий вскрик. Звук, вырвавшийся из моей груди, похож на то, как будто выстреливает пуля из пистолета. За исключением того, что я не являюсь этим пистолетом. Я его жертва. Такое ощущение, что в меня стреляют снова и снова, когда я падаю на ее тело, тяжело задыхаясь

после испытанного нами оргазма. Сейчас у меня такое чувство, что я испытал внетелесный опыт, и единственное, что меня удерживает от того, чтобы не взмыть к потолку это — Слоан. Я отпускаю ее и ложусь рядом, сверля взглядом темноту комнаты и пребывая в шоковом состоянии.

Она ложится на бок, удовлетворенно вздыхая, что говорит мне о том, что я оказался прав насчет моих чувств к ней. И я чувствую себя таким злым, что, вероятно, могу задохнуться от этого ощущения.

12 глава

Слоан

Что за хрень?

Я просыпаюсь в постели и чувствую, что она не моя. Я сжимаю пальчики на ногах, вытягиваю руки и сладко потягиваюсь. Все мое тело гудит, словно я вчера целый день провела в тренажерном зале, но я-то прекрасно знаю, что не делала этого. Я была целый день на работе в больнице и затем....

О.

НЕТ.

Я замираю в кровати, внезапно вспоминаю, где, черт возьми, я

нахожусь. Я у него. В его постели. Его пот впитался в мою кожу. И... о боже мой! На мне также пот какой-то незнакомой девушки! Какого хре... Каким местом я думала вчера? Я моментально подскакиваю, готовая накинуться на человека, который поставил меня в такое неловкое положение, как и многих других вчера, но его нет. Я нахожусь одна в кровати, которая смотрится очень чистой и свежей, слабый солнечный свет наполняет комнату, пробиваясь через окно, но Зета нигде не видно.

— Гавнюк! — выкрикиваю я в запале.

Я вскакиваю с кровати, и уже почти наполовину натягиваю свое

платье, внезапно понимая, что, скорее всего, он перенес все, в том числе и меня, из другой комнаты. Мои чулки и пояс с подвязками аккуратно сложены на комод, который стоит у изножья кровати, а моя медицинская сумка находится на полу у двери. Я запихиваю свои вещи в медицинскую сумку, задаваясь вопросом, где ради всего святого, мои трусики и бюстгальтер? Я вылетаю из комнаты в разъяренном состоянии.

Квартира выглядит, словно на нее сбросили бомбу. Пустая, измазанная следами от помады, посуда разбросана повсюду, одежда валяется на полу. Я в гневе

отпинаваю что-то блестящее и золотистое с моего пути в сторону огромной гостиной, ругаясь себе под нос.

— Глупая... какая я тупая. Как же я ненавижу его.

Квартира была полностью пустой, за исключением одного единственного человека, который стоял перед большим окном, смотря на то, что творится на улице, наблюдая за городом. Зет. Он стоит спиной ко мне, но я прекрасно знаю, что он слышит, как я подхожу. Я хватаю первое, что мне попадается под руку. Фужер от шампанского летит в него, но он пригибается, и фужер вдребезги разбивается об

опорную балку. Когда он разбивается, то складывается такое ощущение, что только что разорвалась бомба.

В его глазах пылает темный огонь, когда он медленно поворачивается. Его кулаки сжаты по сторонам.

— Что. Бл*дь. За. Гребаная. Херня?

На этот раз я хватаю стакан и бросаю его, не заморачиваясь по поводу того, чтобы прицелиться лучше. Зет вовремя отклоняется, чтобы избежать серьезных травм на лице.

— Прошлая ночь! Вот, что не так!

Я разворачиваюсь в поисках еще

одного стакана. Мне в глаза бросается женская туфелька, ее каблук выглядит очень пугающим, будто абсолютно точно может причинить увечья. Я поднимаю ее и бросаю в сторону Зета, попадая ему по груди. Лицо Зета темнеет как грозовая туча, с каждой следующей секундой он становится злее.

— Что такого случилось прошлой ночью? — шипит он.

— А кровать? А манжеты? — я прикрываю глаза, качая головой.

Я даже не могу поверить в реальность произошедшего.

— Плюс еще и девушка...

Уголок его рта приподнимается в улыбке, как будто, бл*дь, это

забавляет его. Он все еще выглядит, как будто хочет зверски убить меня. Он начинает подходить ко мне, двигаясь с пластикой опасного хищника, на этот раз я хватаю низкий стакан для виски. У основания он более тяжелый, и много острых углов. Я размахиваюсь и кидаю его со всей злостью, но он просто уклоняется, продолжая подходить ко мне.

— Ты была пьяна?

— Что?!

— Прошлой ночью. Ты была пьяна?

— Нет!

— Ты была под кайфом?

— Нет, черт возьми!

— Тогда прекрати, на хрен, выливать свое дерьмо на меня! И, наконец, ради всего свято, прекрати делать вид, что ты не получила удовольствие от каждой долбаной секунды наших игр.

— Я ... — мои щеки покрываются краской стыда.

Он прав. Он чертовски прав, настолько, что мне хочется кричать и плакать от беспомощности, но я не могу допустить, чтобы он видел это. Мне просто нужно как можно скорее убраться отсюда.

— Где мое нижнее белье, Зет?

Сейчас он находится на расстоянии около метра от меня, медленно сокращая дистанцию

между нами. Сейчас он одет в джинсы, которые сидят низко на бедрах, и широкую белую футболку. Я немного удивлена, потому что предполагала, что он носит всегда одежду только темных тонов, потому что, мне кажется, она идеально подходит к его черной душе.

— Я оставлю его себе, — говорит он спокойно.

— Ээ... мне так не кажется. Это «Агент Провокатор».

Я отхожу влево, когда он сокращает между нами расстояние, вытаскивая из кармана изящные кружевные трусики и придерживая их двумя пальцами. Холодная улыбка растягивается на его лице, оценивая

мои дальнейшие действия.

— Ты что, будешь отрицать, что надела их для меня?

Он подловил меня. Я пожимаю плечами, пытаюсь как можно более непринужденно вести себя.

— И?

— Когда девушка надевает что-то для меня, это становится моим, Слоан.

— Ничего себе. Наверное, у тебя шкаф ломится от нижнего белья проституток, что трахались с тобой.

— Не один шкаф. Шкафы, Слоан, — говорит он. — Много. Забиты до отказа.

Я чувствую тошноту.

— Ладно, знаешь что, забудь.

Можешь оставить их себе и добавить к своей многочисленной коллекции. Я слишком устала, чтобы ссориться с тобой. Мне нужно ехать домой.

Внезапно я вспоминаю, что мне сегодня предстоит ночная смена, и мое настроение полностью испаряется. Мне светит отстойная перспектива проработать следующие двенадцать часов, каждую минуту снова и снова переживая удовольствие от прошлой ночи, пока Зет может хвастаться кому угодно, только не мне, своей гребаной коллекцией нижнего белья своих мерзких шлюх.

— Как типично, — выдыхает Зет.

— Что именно?

— Ты. И то, как ты выплескиваешь свое дерьмо на меня. Все, что я сделал прошлой ночью, было сделано специально, чтобы показать тебе, какая ты на самом деле. Ты не можешь злиться на меня за это!

Могу, и я злюсь на него.

— Мне кажется, ты видишь то, что хочешь видеть. Я никогда не искала никакого сексуального раскрепощения. Я просто искала свою сестру. Я задолбалась упрашивать тебя рассказать, что ты знаешь о ней. Затрахалась играть в игры с тобой. Возможно однажды, когда у тебя появится совесть, ты

придешь ко мне и расскажешь про мою сестру, потому что это будет правильно.

Я глубоко вздыхаю и направляюсь к двери, зная, что он не последует за мной. Но он все-таки оставляет за собой последнее слово, говоря мне вдогонку:

— Совесть в моем роде деятельности носит смертельный характер. Это непозволительная роскошь для убийцы, Слоан. Правильные поступки тоже влекут за собой смертельный исход.

13 глава

Зет

Двадцать минут. Мне удалось продержаться двадцать гребанных минут, чтобы не разгромить квартиру подчистую. Хотя она и так находится в отвратительном состоянии после прошлой ночи. Поэтому когда пришел Джания и начал убираться, он бросал на меня испепеляющие взгляды. Выглядит так, как будто у моих гостей взорвалась тут бомба. Я толком ничего не знаю, что тут происходило, потому скрывался в своей темной комнате долгое время, ожидая прихода Слоан. И если быть

откровенным, у меня совершенно не было желания присоединиться к ним. После того, как Слоан вновь возникла в моей жизни, все перевернулось с ног на голову.

Это все ее гребаная вина.

Эта чертова женщина еще и выливает свое дерьмо на меня. Мне следовало первым делом выкинуть ее на улицу, когда я всех выпроваживал. Ладно, не будем об этом... Прежде всего, я не должен был позволять ей оставаться.

— Вам нужно что-нибудь, с чем я могу вам помочь сегодня утром, босс?

Майкл, бесшумный убийца, сам прошел в квартиру, не привлекая

моего внимания. Я стою у окна и смотрю на город. Почему я делаю это с собой? Зачем мучаю? Все же было нормально. Даже больше, я был практически счастлив. Долгое время назад я убежал от нее так быстро, как это только было возможно, когда переспал с ней. Потому что мне уже тогда было все известно. Я знал, что это случится со мной.

— Ага, — измученно вздыхаю я.
— Разошли постоянным гостям сообщения, что пока все последующие вечеринки отменяются, пока мы их не предупредим.

Бл*дь, ситуация реально складывается дерьмово. Она

разрушила все. Потому что сейчас, когда я думаю о возможности переспать с кем-то помимо нее, это вызывает во мне отвращение, и возбуждение уходит. Все бесполезно. Я пытаюсь убеждать себя, что не влюблен в нее. И пока вроде получается. Она необходима мне, потому что есть что-то такое в ней, чего нет у других девушек.

Я напрочь забываю о виде за окном и сосредотачиваю свое отвратительное настроение на Майкле. Он не болтлив. Все его мысли написаны на его лице, все ясно как дважды два. Гребаный мудака думает, что это все забавно.

— И, пожалуйста, сотри свою

тупую ухмылку с лица, — фыркаю я.

— Я и не собирался ухмыляться, Зи. Просто я наблюдаю за тем, что думал, уже никогда не увижу.

— Что это ты сейчас там сказал?

Теперь, когда у меня была причина, я мог с удовольствием выплеснуть на него свой гнев. Я бы с огромной радостью пошел сейчас подраться, разбил бы кому-нибудь лицо кулаком. Мы похожи с ним своей вспыльчивостью, из-за чего ввязываемся в шумные ссоры. И знаете, у меня заняло бы много сил, чтобы на хрен свалить его, поэтому, когда он смотрит на меня, он будто заранее знает, о чем я сейчас думаю.

— Просто эта девушка. И ты. И

твое желание отменить последующие встречи. Наводят на мысли, Зи.

— Да ни хрена это не значит, понимаешь? Просто... просто сотри на хрен эту гребанную ухмылку с лица. Есть что-нибудь от Руфуса?

Улыбка исчезает с лица Майкла в считанные секунды, и он сосредотачивается на работе.

— Вообще, да. Он сказал, что дорожки ведут к Хулио. Девушка соответствующая твоему описанию, работает в одном из его мест.

— Работает?

Я прекрасно знаю, что это может значить. Хулио один из самых главных сутенеров в Калифорнии.

Его сеть борделей располагается по всей стране. Черт, да, бл*дь, они расположены по всему миру. Это очень печально, если девочка попала туда.

— Да, работает, — Майкл кивает.

Черт. Бл*дь, почему я не могу притвориться, что не слышал этого. Хулио однозначно не тот парень, с которым следует связываться. Если сестра Слоан попала в его лапы, то она уже сто процентов не та девушка, которой она ее запомнила.

— Бенджи прислал мне фото, которое он успел сделать, когда был там вчера. Хочешь взглянуть? — говорит Майкл неспешно.

Бенджи раньше был одним из

парней Чарли до того момента, пока его не выгнали оттуда с позором после того как он охрененно облажался на вооруженном ограблении, которое совершил в свое свободное время. Он жил через три дома отсюда. Чарли думал, что вся эта ситуация полное дерьмо, как и сам тупой Бенджи. Потому что не надо гадить там, где работаешь и все в этом духе.

— Чего?! Он что, сделал фото?

Больной ублюдок. Хулио, мать вашу, кастрирует его, если узнает, что у него был сотовый телефон в стенах его борделя.

Майкл пожимает плечами.

— Парнишка трется с

мексиканцами, работая на них то тут, то там. Они доверяют ему немного больше, чем остальным недомеркам, которые на них работают, — говорит Майкл и одновременно с этим копается в своем телефоне.

Наконец он находит то, что искал, и показывает это мне. Я вижу нечеткий снимок девушки с копной каштановых волос. Она одета в свободную футболку, которая смотрится огромной на ее миниатюрном теле, и на фото видна лишь часть ее лица, потому что фото было сделано в профиль. Но даже этого мне достаточно, чтобы понять, что это именно сестра Слоан. Я резко выдыхаю.

— Это она?

— Да. Черт побери, это именно она! Я уверен.

— Как планируешь действовать дальше?

— Как можно более осторожно.

Чарли и Хулио в свое время были конкурентами. Три года назад, когда Чарли пропал на неделю, он сказал мне не высовываться из дома, что, бл*дь, было довольно странно, а когда он вернулся, все дела и непонимания, словно по волшебству, исчезли, взаимоотношения вновь стали более-менее нормальными. И, тем не менее, я подозревал, что было подписано некое соглашение о разграничении зон влияния.

Впоследствии бизнес по наркоторговле и торговле оружием перебрался на юг вместо севера. Я тоже не полный идиот, еще тогда я усек, что лучше делать свое дело, молча и не задавая вопросов, за которые можно поплатиться жизнью.

— Если пойдет, то Чарли пронюхает про это.

Майкл обдумывает разные варианты. Он не просто гора мышц, также он очень умный и довольно хитрый. Может, иногда мне и не по душе, что он умничает, но у него всегда есть наготове дельные советы, особенно когда дело касается такой щекотливой ситуации.

— Скажи старику, что ты пока

выйдешь из игры на некоторое время. Также добавь, что хочешь навестить семью в Калифорнии. Скажи, что будешь с семьей около трех недель, и он поймет, что тебе просто необходимо будет потрахаться, потому что у тебя не получится устроить свою традиционную ежемесячную групповушку. Тогда у тебя будет причина, чтобы посетить Хулио.

Я выругался. Чарли прекрасно знал, что единственная моя семья в Калифорнии, это жена моего дяди, которая живет на социальное пособие. Этот мудака раньше жестоко поколачивал меня. Но при условии, если я разыграю карту верно, то все

может получиться.

— Хочешь взять с собой парней?

— Бл*дь, естественно нет. Если я заявлюсь на порог с моими парнями, то нам даже не дадут подойти к дверям борделя. Нет, мне нужно провернуть все по-тихому.

— Ну, в принципе, ты мог бы взять с собой девчонку?

Я настороженно приподнимаю бровь, поднося к губам сжатый кулак.

— Что ты имеешь в виду под «взять с собой девчонку»?

— Ну, да. Почему нет? Насколько мне известно, Чарли поставляет ему девчонок все время. Он чаще всего оправляет ему нетронутый товар, но время от

времени и девок, у которых небольшой опыт. Он посылает их Хулио, чтобы те приносили ему прибыль в ЛА. Клиенты там не такие разборчивые. Они не в состоянии отличить девку, которая пропустила через себя немыслимое количество членов. Главное, чтобы была смазливая.

А что, я и, правда, мог бы сказать, что Чарли отправил меня к нему с девушкой. Но когда я начинаю задумываться об этом более детально, то мой желудок сжимается. Первая девушка, что приходит на ум — Лейси, но я не могу сделать это с ней еще раз, она и так пережила хрен знает что в прошлом. Я никогда даже

не смогу попросить ее об этом. Единственный вариант — это Слоан, но он вообще не обсуждается. Даже если к ней никто не притронется, это все равно ужасно рискованно. Что, если что-то пойдет не так? Что, если Хулио решит опробовать ее в своей постели? Я не смогу стерпеть этого. В этом случае мы оба умрем.

— Нет, Майкл, очень рискованно. Ни хрена подобного, что это сработает.

Он не спорит со мной. Мы продолжаем стоять в гнетущей тишине, затем он засовывает руки в карманы.

— Ладно, босс. Есть что-нибудь еще, что мне нужно сделать?

— Да. Есть кое-что.

Бл*дь, бл*дь. Это, вероятно, самая идиотская идея, которая пришла мне в голову, но... нет. У меня нет оправдания. Я просто кретин.

— Мне нужно чтобы ты пошел и встретился с одним человеком.

— С красоткой, которая была с тобой прошлой ночью?

— Да. Именно с ней. Мне нужно, чтобы ты кое-что передал ей.

Я складываю все вместе, что Майкл должен ей передать, и он уходит. В тот момент, когда за ним закрывается дверь, мне хочется бежать следом, вернуть его и дать ему в челюсть за то, что он не сказал насколько это все тупо и смешно. Он

всегда делает это с большим удовольствием. Всегда предупреждает меня, чтобы я не казался идиотом. Но сейчас... Я просто сказал ему, и он согласился. Что это на хрен может значить? Меня колотит от злости, хочется крушить, кричать, я понимаю, что, наверное, я облажался по крупному, поэтому спешно вытаскиваю телефон и набираю его. Я смотрю вниз на улицу, вижу, как он останавливается и достает телефон из кармана, отвечая мне:

— Передумал?

Я крепко стискиваю челюсть, чувствую стыд и прикрываю глаза. Это все изменит.

— Нет... Просто... Не упускай ее из виду, пока она не сделает то, что я ей сказал.

Я замолкаю, набираю полные легкие воздуха и произношу:

— Не выпускай ее из вида, пожалуйста.

14 глава

Слоан

— Доктор Ромера? Слоан? Эй, Слоан.

Я качаю головой, принуждая свой мозг начать соображать. Майки, интерн, стоит передо мной, нервно заламывая руки. Молодые специалисты часто находятся в плену сковывающего страха, и как мне сейчас кажется, Майки все еще находится в его власти. Он моргает, пристально смотря на меня, и тут до меня доходит, что он, наверное, что-то спросил

— Что случилось, Майки? Ты

что, кого-то убил?

Я прекрасно понимаю, что мне, скорее всего, не нужно шутить над такими вещами. Сейчас лицо Майки практически позеленело от страха.

— Слоан, понимаешь, там такое дело... Там пришел парень, и он стоит около ресепшена. Он ждет тебя уже примерно минут тридцать... Медсестры сказали, что они не будут искать тебя, во-первых, потому как его ситуация не является неотложной, и во-вторых, он не твоя семья. А затем Грейси призналась мне, что не будет тебя искать, потому что он наврал, что он твой брат.

Я фыркаю, когда представляю, что Зет пришел в больницу, выдавая

себя за моего брата.

— Как она узнала, что он врет?

Он вздрагивает, затем поворачивается ко мне, и я вижу в его взгляде панику. Он очень хочет уйти отсюда.

— Ну, в большей степени, потому что черный, а ты нет.

Черный? Я ставлю чашку на стол рядом с собой, мое внимание полностью сосредотачивается на парне, который передо мной. Он нервничает, передавая мне нервное состояние.

— Он мне сказал, что если я не приведу тебя, то через десять минут он сожжет мой «Фольксваген Джетта». Как ты думаешь... это

вообще возможно?

Парень может быть и не Зет, но если он угрожает сжечь чью-то машину, то без сомнения он точно один из знакомых Зета. Я издаю стон, поднимаюсь на ноги. Это обещает быть ужасным разговором. Майки практически бежит на ресепшн, изредка останавливаясь, убеждаясь, иду я за ним или нет. Когда мы подходом к стойке ресепшн, Грейс смотрит на Майки неодобрительным взглядом. Приняв решение идти ко мне, чтобы отвести сюда, он был против нее, а это последняя вещь, которую вы захотите сделать, поверьте мне. Грейс — владыка и властелин этого места.

Майкл, тот парень, что вчера исполнял роль швейцара и охранника, сидит на складном красном стуле, терпеливо ожидая, его руки спокойно лежат на коленях.

Его светло-карие глаза оживленно сияют, когда он видит меня. Он спешно поднимается на ноги и направляется ко мне, одетый в безумно красивый серый костюм. Нет никакого гребаного шанса, что это не дизайнерский костюм, потому что нежный стальной цвет идеально подходит его нежному цвету кожи оттенка кофе с молоком.

— Мисс Ромера, — кивает он вежливо головой. — Мистер Мейфэйр сказал, что я могу найти

тебя здесь.

— Кто? Мистер Мейфэйр?

В глазах Майкла вспыхивают искорки любопытства, но затем все так же быстро исчезает.

— Зет. Он мне сказал прийти и передать тебе кое-что.

Он достает из внутреннего кармана пиджака черный конверт и аккуратно передает его мне, на конверте написана буква «С». Многие бы положили в конверт письмо, но нет. Не в этом случае. Только не Зет Мейфэйр. Вам не кажется, что у него слишком заурядная фамилия?

Майкл мило и дружелюбно улыбается мне. Как он одной

улыбкой вселил в меня ожидание чего-то сказочного? Не глупо ли это? Он мужчина, от которого остальные бегут, не оборачиваясь, в противоположном направлении, пока молят пощадить их жизни.

— Ты знаешь, что там, Майкл?

Я наклоняю конверт то в одну сторону, то другую, понимая, что внутри находится что-то тяжелое, которое перемещается из стороны в сторону, когда я кручу конверт. Но я уже догадалась, что это. Это что-то высокомерное, манипулирующее.

— Да, знаю, — отвечает он собранно.

— Мне необходимо тоже знать это?

— Мистер Мейфэйр настоял на том, чтобы я проследил, как ты выполняешь все инструкции, которые указаны в записке.

Когда он говорит мне это, его глаза сияют весельем, он явно наслаждается яростью, которая разгорается во мне. У меня нет времени на эти глупости. Я вскрываю дорогую бумагу конверта и вытаскиваю оттуда маленькую записку, которая написана на такой же дорогой, плотной бумаге. Там написано всего пара слов, но от них веет властью и высокомерием, что присуще Зету.

«Слоан,

**Прикрепи это вместе с
остальной связкой твоих ключей.**

**Дай Майклу ключ от своей
квартиры. Он доставит мне его в
течение часа.**

Зет».

То, как я была зла на него до этого, просто цветочки. Теперь я по-настоящему в ярости. Мне, как быку на корриде, показали красную тряпку, пробуждая во мне дикую ярость. Какого хрена он вытворяет? Как он может требовать ключ от моего дома? Он что, серьезно думает, что я с готовностью вручу ключ от дома странному и вселяющему страх парню?

— Притормози-ка, приятель, — говорю я Майклу.

На его губах растягивается обескураженная усмешка, ослепляя меня светом своих идеальных зубов. Он стоит, тихо посмеиваясь себе под нос.

— Какого черта он считает, что этот номер пройдет со мной!?

— Ну, может, потому, что я слышал кое-что утром от его знакомого Руфуса, что может напрямую касаться тебя. И Зи полагает, что ты будешь бесконечно благодарна ему за помощь. Это касается девушки, что ты ищешь.

Я гневно сжимаю конверт в кулаке, в котором лежит ключ. Он

что... он что, бл*дь, серьезно?

— Слушай, громила. Он пять часов назад не собирался помогать мне и хвастался коллекцией трусиков своих шлюх в своем шкафу, — обиженно мямлю я.

— Он много чего говорит. Фишка в том, чтобы понять, когда он говорит правду. Он искал информацию о ней уже в течение некоторого времени... Естественно не с того момента, как вы в первый раз в отеле...

О боже мой, меня сейчас точно вырвет на его дизайнерские брюки.

— Ты что и об этом знаешь!?

— Мистер Мейфэйр сообщает мне лишь о том, что считает

предельно важным. Мне нужно знать за кем я наблюдаю для него. И лучше тебе не говорить ему этого, потому что прежде чем я успею моргнуть, он разрубит меня на шесть кусков и выбросит мои останки в доке. Поэтому, подумай о клятве, где говорилось «не навреди», и позаботься о моей сохранности, прежде чем трепать языком перед Зи.

Внезапно это становится слишком. Много слов, много информации и много мыслей. Я подхожу к стульям в комнате ожидания и присаживаюсь на один из них, закрывая лицо руками. Мое сердце в отместку мне начинает неистово колотиться.

Наконец. Наконец. Она
нашлась... Наконец.

Майкл подходит и опускается на стул рядом со мной, позволяя мне наблюдать за ним. Я поворачиваю голову немного набок, закрывая глаза, но принуждая себя сдерживать предательские слезы.

— Набери его, — шепчу я. — Мне нужно поговорить с ним.

Свет от его сверхидеальных зубов ослепляет меня.

— Мисс Ромера, ты можешь сама набрать его. Он внес свой номер в твой список контактов, перед тем как вернуть тебе телефон.

Я достаю телефон из кармана рабочего костюма и быстро начинаю

проверить, правда ли то, что сказал мне мистер Идеальные Зубы. Я просматривая буквы «В», «Г», «Д», «Ж», «З».

«З».

Вот он. Всего одна буква и одиннадцать цифр.

Мое сердце, о боже, оно просто не знает, как вообще себя вести по поводу этого всего. Я нажимаю кнопку «вызов», просматривая на Майкла с опаской. Звука вызова в трубке достаточно, чтобы мои ладони вспотели. Один гудок, второй...

Тишина...

— Сделала, как я просил?

Голос на том конце трубки еще

более глубокий, чем мне запомнился, он напоминает тихое рычание. Его рокот практически вынуждает сжать ноги вместе, чтобы остановить волну желания, что поднимается во мне.

— Сделала, что? — дерзко шепчу я.

— Не играй со мной, прелесть.

Я уже испытываю свою удачу, хотя мы только успели сказать пару слов друг другу.

— Отлично, — признаюсь я. — Нет, не сделала. Я даже не знаю, нужен ли мне твой ключ от БДСМ-темницы.

— О, прости, я сейчас тебя, вероятнее всего, расстрою, но это не ключ от моей БДСМ-темницы, —

говорит он язвительным голосом с нотками веселья.

У него потрясающе соблазнительный голос.

— Это всего лишь ключ от моего дома. И я тут подумал, что если у тебя есть ключ от моего дома, то мне можно получить ключ и от твоего.

— А если я не захочу давать тебе его?

— Я не знаю. Я вообще не представляю, чтобы мне говорили «нет», если только не в этой реальности, да и в параллельной тоже. Я тот, кому не говорят таких слов, Слоан.

Так я и думала. Он даже ни на секунду не задумался, что я могу

ответить отказом на его приказ.

— Слоан, задай себе этот вопрос. Правда ли ты хочешь, чтобы я ушел? Чтобы оставил тебя в покое? Хочешь ли ты меня в своей жизни? Просто давай сейчас забудем об Алексис и Эли, о том, как мы впервые встретились. Подумай о прошлой ночи, и как нам было хорошо вместе. Ты ведь знала кто я, не говоря о том, что я делал до этого. Ты прекрасно знала, что мне нравится. И ты приняла решение остаться со мной.

Он молчит, ожидая моего ответа. Его дыхание медленное и размеренное, оно посылает мурашки вниз по моей спине. И я хочу сделать

так, как он мне сказал. Я уже подсознательно думаю об этом. Но также я понимаю, что это может быть дорогой в неизвестность, где меня поджидают многочисленные проблемы. Такой опасный парень, как Зет, связан Бог знает с чем... Ради всего святого, его ранили три недели назад!

— К тому же парнишка, который осматривал раны Лейси, куда-то пропал, — говорит он мягко. — И кроме этого ей нужно переодеться. Ты же не хочешь, чтобы это делал я? Ты же знаешь, что я могу дать волю своим развратным рукам.

— Да, да, я уже знакома с твоими развратными руками, —

быстро бросаю я в ответ, немного краснея, когда вспоминаю, что рядом сидит Майкл. — А что будет, если я откажусь?

— Тогда у нас с тобой будут проблемы. Ты отдала себя мне. Ты моя по праву. Этого уже не изменить.

— Я уверена, что многие девушки отдавали себя тебе. Так что ты можешь не париться об этом, а идти сразу напрямиком к ним.

— Я не собираюсь трахать никого кроме тебя, начиная с этого момента, прелесть.

— Пока я не надоем тебе?

— Нет, крошка. Пока меня не подстрелят и мои раны не затянутся. Пока ты не соберешь свои вещички и

сама не сбежишь от меня. Но позволь мне сказать, Слоан... Не утруждай себя такими сложностями, как побег. Я везде найду тебя. Ты будешь всегда со мной.

Эти слова подразумевались как нечто милое, приятное, но почему они звучат так, будто это угроза? И почему это так пугает меня? Так, мне кажется, пришло время, когда мне самой нужно сходить на пару консультации с Пиппой.

— Хорошо.

— Хорошо?

Я выдыхаю и вытаскиваю ключ из конверта. Он маленький, медный, на вид, как будто это ключ от навесных замков. Я крепко

стискиваю его пальцами, чувствуя, как его ребристая поверхность впивается мою ладонь. Я такая глупая, глупая.

— Хорошо, Зет. Я взяла твой идиотский ключ.

«А также я признаю, что ты мной владеешь», хорошо, что эти слова так и остались на моем языке. Я по-прежнему не понимаю, почему он так нуждается во мне, с его внешностью, деньгами и родом деятельности у него могут быть миллионы, таких как я. Поэтому я ему не доверяю, Зет не из тех, кто будет тратить свое время просто так. Я уже много знаю про него, хотя мы знакомы всего ничего. И я прекрасно

понимаю, что если бы я не интересовала его, он бы давно забыл про меня, потому что со времени встречи в отеле прошло много времени. Я могла бы стать для него просто очередными трусиками в шкафу или галочкой в его списке побед.

— И ты дашь свой Майклу?

— Да. Да, я дам свой Майклу, клянусь.

После моих слов я сразу слышу опасное рычание и прикрываю веки от удовольствия. Я не знаю, почему это сделала, почему согласилась, но я испытываю чувство удовлетворения и облегчения. Мне сейчас так хорошо. Я видела такое прежде с

неизлечимо больными пациентами, которые борются с болезнью, выбиваясь из последних сил, продолжая идти вперед, хотя им каждый раз говорят, что ничего не поможет, что бы они ни делали... И, когда в конечном итоге они убеждаются и принимают это, они находят свой мир. И в данный момент я плаваю именно в таком море освобождения. Оно такое темное и глубокое, что я просто не хочу больше плыть, я хочу там утонуть, погрузиться туда с головой.

— Слоан?

— Да?

— Я только хочу, чтобы ты знала....

А затем он говорит два слова, которые я уже думала, что никогда не услышу, которые практически разрывают мое сердце на кусочки.

— Она жива.

15 глава

Зет

— Зет! Зет! Проснись!

Что-то маленькое и твердое толкает меня в ребра. Я вздрагиваю, в одну секунду откатываясь от этого. В следующие две секунды я подскакиваю на ноги, жестко хватаю того, кто это делал, замахиваясь кулаком, готовый ударить. Мне удается удержать его, как раз в тот момент, когда он хочет ускользнуть. Человек, который был настолько глуп, чтобы пробраться в мою комнату, готовый причинить мне вред. Но когда я прихожу немного в

себя, стряхивая нервное потрясение, я понимаю, что это не человек, а простая ручка веника. Мои колени саднят от боли, потому что, когда я откатывался от тычков, я прямиком скатился на пол, упав на него коленями. Мое сердце стучит как перегруженный работой поршень

Это не он. Это не он. Дыши. Все в порядке.

Я смаргиваю, смотря на ручку веника, пытаюсь заглушить приступ страха, который разрывает мою голову на части.

— Зет.

Голос глухой. Спокойный. Уверенный. Я отвожу взгляд от ручки веника, которая сейчас лежит на

полу у моих ног, и нахожу взглядом Лейси, которая стоит в дверном проеме. Она стоит в розовом махровом полотенце, что плотно обернуто вокруг ее тела. Оно выглядит ужасно потрепанным, но девушка совершенно не желает выбрасывать его. Ее кожа настолько бледная, что она похожа на приведение. Она прекрасно знает, что меня нельзя беспокоить, когда я нахожусь в своей комнате, тем более, когда дверь плотно прикрыта. Скорее всего, что-то произошло, раз девчонка решилась потревожить меня. Но она довольно смышленная, чтобы будить меня самой, она поступает по-хитрому, используя

постороннюю вещь. Но я лучше испытаю неуважение, пренебрежение и унижение, чем причиню ей вред.

И тут я понимаю, что стою перед ней, в чем мать родила. Я вообще всегда сплю голый. Медленно выпрямляясь, я немного выхожу из оборонительного состояния и вопросительным взглядом смотрю на Лейси.

— Что такое? — резко спрашиваю я.

Ее никоим образом не тревожит тот факт, что я нападаю на людей, которые пытаются потревожить мой сон, что сплю абсолютно голым. Мы прекрасно знаем, что лучше не лезть

в темные уголки нашего разума, где могут скрываться чудовищные воспоминания. Она все понимает. У нее есть свое дерьмо, у меня полно своего.

— Я не могу уснуть. Эти раны не дают этого сделать, не очень переношу все это врачебное дерьмо, — говорит она немного отстраненно. — У нас есть какие-нибудь обезболивающие?

Когда ваша соседка по квартире решает предпринять попытку суицида, примите определенные меры предосторожности, когда она возвратится домой из больницы. Также сделал и я. Есть ли у вас Кодеин в аптечке? Парацетамол?

Ножи на кухне? Отбеливатель под раковиной в кухне? У меня ничего этого нет, я все убрал. Пока Лейси не оправится, этому не место в моем доме.

Я шлепаю босиком к ночному столику и достаю оттуда бластер Тайленола, который я держу там, чтобы снимать похмелье. Они могут отлично помогать, в зависимости от того, как сильно я накачался алкоголем, или насколько ужасные кошмары преследуют меня во сне. Я достаю пару таблеток из бластера и протягиваю Лейси на открытой ладони. Она закатывает глаза.

— Господи, Зи, ты невыносимый тормоз.

— Это ты тормоз, — гневно рычу я на нее.

Она прекрасно знает, что я еще не простил ее за ту херню, которая произошла на днях, но она даже не сказала мне, что ей жаль или еще как-то объяснила. Она никогда не скажет этих слов. Я скорее умру оттого, что задержу дыхание, чем она скажет мне: «Прости меня, Зет». Мне кажется, часть меня хочет выплеснуть на нее это дерьмо: «Прости, Лейси, что опять вытащил твою неблагодарную задницу с того света. За то, что спас тебе твою жизнь».

Но знаете что, мое терпение подошло к концу! Больше я не боюсь

задеть ее гребаные чувства. Сейчас она ведет себя как гребаная эгоистичная сука. Я наблюдаю за тем, как она закидывает в рот таблетки, не запивая, проглатывает их. И это, бл*дь, последняя капля.

— Зачем, Лейс?

Она даже не заморачивается, чтобы притвориться, что не понимает о чем речь. Все те доктора, каждый из них, скорее всего, спрашивали ее: «Зачем, зачем, ты это совершила?». Она заправляет выбившийся локон за ухо и покрепче затягивает кончик полотенца на груди. Я собираюсь докопаться до гребаной истины, сломать неприступные стены нашей

обособленности, хотя бы в этом.

Она прекрасно понимает мои намерения. И да, ей известно, что от меня просто так не избавиться. Она должна мне сказать правду, ну хотя бы половину. Да, бл*дь, мне хватит даже гребаного предположения, почему она это сделала. Она хмурится, гнев вспыхивает в ее взгляде.

— Тебе знакомо такое состояние, когда просыпаешься среди ночи, а твое сердце, словно отбойный молоток, стучит не переставая!? Когда ты боишься даже прикрыть на секунду глаза, потому что страх, словно инородный вирус, пожирает твое тело и разум изнутри?

Я стою словно гранит, не двигаясь, сохраняя предельное терпение, яростно изучая ее. Стерве прекрасно известно, что со мной такое тоже происходит, мы даже в этом похожи. Пошло все в задницу, я никогда этого не признаю. НИ-КОГДА.

Лейси принимает мое молчание.

— Ну, вот, а я этого больше не чувствую, Зет. Когда я сплю, мне снятся сны... Затем я просыпаюсь, и мне больше не страшно. Я приняла все. Что-то со мной не так, — тихо говорит она.

Я все еще яростно смотрю на нее. Чтобы не случилось с ней, ее тело приняло этот акт предательства

по отношению к ней: оно начало наслаждаться этим. Больше нет страха, нет желания выкарабкаться, тело примирилось со всем.

— Смерть — это единственная вещь, которой я боюсь, — выдыхает она. — А мне нужно испытывать этот страх. Я нуждаюсь чувствовать хоть что-то. Понимаешь? Если есть выбор принять все или чувствовать, я хочу чувствовать, поэтому смерть — это выход из всего дерьма.

Сейчас она выглядит как маленькая потерянная девочка, в своем потертом полотенце, со спутанными волосами, и глазами жертвы. Я отвожу глаза, кивая.

— Тебе нужно что-нибудь еще?

— спрашиваю я.

Я не могу ее обнять. Не могу ее пожалеть. Есть определенные вещи в жизни, которые я могу делать, и которые я не могу делать. Которые не хочу.

— Ничего, — говорит она честно. — Ты и так сделал достаточно.

Ее выражение глаз становится пустым и безучастным, она осматривает мышцы моей груди.

— Та крошка доктор. Она так просила меня, чтобы я посетила ее подругу. Она сказала, что та мне поможет.

— И что ты ей сказала?

— Несмотря на то, что она мне

понравилась, я бы не смогла выполнить этого. Я сказала ей чистую правду. Нет смысла что-то исправлять, если ты даже не знаешь, каким оно должно быть. Я едва ли чувствую что-то человеческое, Зет. Я как одна из тех статуй, что осталось после извержения Везувия на Помпеи. Мое тело все еще здесь, но это просто оболочка, нет больше души, чувств, эмоций. Я никогда не смогу стать прежней. Я как те статуи, только лишь камень, покрытый слоем пепла.

Слоан

Я слышу отдаленный стук в дверь, но мое радио стоит на максимальной громкости. У меня нет соседей в радиусе пары миль, поэтому я никогда толком не парюсь по поводу шума или громкой музыки.

БАМ. БАМ. БАМ.

От глухих стуков в дверь практически вылетают стекла из рам.

Я на минуту прекращаю доставать белье из стиральной машины. И вот опять. Бах. Бах. Бах. Громкие стуки практически перебивают крик радио. Кто бы это ни был, он явно охрененно зол.

Я мгновенно думаю о самом

плохом — это он. Но затем я вспоминаю, что у Зета есть ключ от моего дома. Он бы просто вошел без лишнего шума, если бы это был он. Почему я опять поддалась его влиянию? Я направляюсь по коридору и мимоходом захватаю свою бейсбольную битку, которую постоянно держу у стены за входной дверью. Я смотрю в глазок, и мой желудок ухает вниз. Я покручиваю в руках битку и жую нижнюю губу.

Может, у него и есть ключ от моего дома, но по какой-то причине, он долбит кулаком в мою дверь в десять утра. В единственный выходной на этой неделе. Он выглядит чертовски разъяренным.

Глазок немного искажает его выражение лица. Он выглядит словно великан.

— Слоан, если я сейчас открою дверь ключом, и ты будешь там, то это будет немного неловко, и кто-то получит по заднице.

Он произносит слова не срывающимся от крика голосом. Он говорит это спокойно, как будто прекрасно знает, что я стою за дверью и смотрю на него в глазок. Он смотрит прямо в глазок и приподнимает вопросительно бровь.

Бл*дь.

Я открываю дверь, бросая на него недовольный взгляд.

— Что ты здесь делаешь, Зет?

Ты что, не мог хотя бы написать сообщение?

Уголок его губ дергается вверх, но он подавляет улыбку, посматривая на бейсбольную биту в моих руках.

— Мог бы, но не стал.

— Ну, тебе следовало бы.

— Я просто хотел посмотреть, где ты живешь.

Он улыбается загадочной улыбкой, и я прекрасно понимаю, что она означает. Он прекрасно знает, где я живу. Он выглядит поразительно сексуально в своей обтягивающей черной футболке, кожаной куртке и джинсах, которые обтягивает все самые соблазнительные части тела ниже

пояса. Темные волосы, черные глаза и одежда темных тонов... Я даже удивлена увидеть его у себя на пороге в светлое время суток.

— Если я не приглашу тебя войти, ты останешься стоять на пороге и не сможешь пройти в дом?

Я чувствую себя до забавного самодовольно, когда отпускаю едкую шуточку. Зет приподнимает брови, отодвигая меня в сторону, и заходит в дом.

— Ты думаешь, что мы в фильме ужасов про вампиров?

— Ну, это вряд ли напоминает сказку.

— Почему же... Если ты позволишь этому случиться, то будет

сказка.

— Да ты что!? И кто же ты тогда? Мой прекрасный принц?

Он только фыркает в ответ на мои слова

— Нет же, глупышка. Я страшный серый волк.

Он осматривается вокруг с явным любопытством, которое ни сколько не уменьшает его яростную энергетику. Мне почему-то кажется, что он осматривается на наличие запасных выходов, чтобы запомнить их расположение. Не для себя конечно. Для меня. Предполагая, в какую же я сторону побегу.

— Что ты здесь делаешь, Зет?

— Я же уже тебе сказал, что хочу

посмотреть, где ты живешь.

— Нет, не хочешь. Лгун

— О, даже так? Ты настолько хорошо изучила меня?

Он берет в руки рамку с фотографией, на которой запечатлены мы с Алексис в летнем лагере. На фотографии мы словно близнецы, обе улыбаемся и у обеих скобы на зубах. Он не должен быть здесь. Он не должен трогать мои вещи, не должен просматривать мою почту, не должен садиться на мой кухонный стол.

— Надеюсь, ты не против? Кстати, ты живешь одна?

— Да.

— Отлично, — говорит он

кратко, продолжая осматривать комнату.

Выходя из кухни, он направляется в гостиную. Моя гостиная немного пустовата, но мне нравится. Тут есть пара книжных полок, слегка потрепанный кожаный диван, небольшой плоский телевизор, который я никогда не смотрю. Его взгляд скользнул по моей гитаре, которая стоит в углу.

— Ты играешь? — интересуюсь я.

— Нет.

Он, наконец, поворачивается и сосредотачивает на мне свое внимание.

— Ты что-то ищешь?

— Единственная комната, в которой я заинтересован что-то найти — это спальня Слоан. А сейчас я просто убеждаюсь насколько безопасно у тебя дома.

— У меня достаточно безопасно. Я потратила тысячи долларов, чтобы быть уверенной, что вор не заберется вовнутрь, когда я нахожусь дома. А сейчас, если ты не возражаешь, мне нужно делать некоторую работу по дому.

Зет усмехается, как будто то, что мне нужно делать работу по дому, нечто забавное.

— Твоя подруга, которая работает мозгоправом, — говорит он. — Я хочу с ней встретиться

— Что?

— Я хочу встретиться с ней.

— Зачем?

— Для того чтобы я смог договориться о том, чтобы она помогла Лейси.

Помогла Лейси? У меня занимает минуту-другую, чтобы, наконец, вникнуть в сказанное им. Он хочет попросить помочь его подруге? Ни за что и никогда Я не могла бы подумать, что он попросит о таком. Потому что мне показалась, что девушка была непреклонна в вопросе оказания помощи. И если честно, меня нисколько не удивило, что она обещала вернуться в больницу и не сделала этого, потому

что люди часто говорят то, что, по их мнению, я хочу услышать.

— Имя моей подруги Пиппа. И какого черта я должна тебе помогать?

Его беспечная улыбка приподнимает уголок его губ.

— Пиппа? Что, правда?

Он выглядит так, будто забавляется над какой-то шуткой, известной только ему. Он медленно направляется через гостиную в мою сторону, его выражение лица становится опасным и сокрушительным. Я чувствую себя словно загнанная жертва. Я медленно отступаю от него, все дальше и дальше, пока мое

отступление не останавливает преграда в виде стены. В три больших шага он настигает меня. Зет наклоняется ко мне, проводит носом по линии челюсти и глубоко вдыхает мой запах. Медленно выдыхает, затем говорит:

— Ты поможешь мне по четырем причинам.

Он хватается меня за бедра, проводя ладонями медленно по моему телу, пока не находит карман и не вытаскивает телефон. Я стою, не двигаясь, словно приросла к месту. Он ласкает мое тело, бережно поглаживая меня, откровенно прикасается, и все это происходит при свете дня.

— Во-первых, — говорит он, опуская взгляд на экран телефона, — ты позвонишь Пиппе, потому что я прошу тебя об этом. Это единственная причина, по которой ты будешь делать то, что я тебя прошу, начиная с этого самого момента.

Он начинает нажимать на кнопки, затем нажимает вызов, слегка хмурясь.

— Во-вторых, ты позвонишь ей, потому что ты доктор и хочешь помочь Лейси.

Зет передает телефон мне. Я беру его и полностью ошеломлена тем фактом, что я опьянела от его запаха, поэтому не могу возразить

ему. Он настолько властный, сильный и уверенный в себе и в том, что я не смогу отказать ему. В телефоне слышатся гудки вызова абонента.

— В-третьих, ты сделаешь все, что я бы тебя не попросил, потому что я решил, что помогу тебе. Помогу найти твою сестру.

Он поднимает руку и прикладывает указательный палец к моим губам, не позволяя мне сказать ни слова.

— И в-четвертых, — он прикусывает мою нижнюю губу, терзая ее между зубов.

И тут я понимаю, что совершенно сдалась ему, он сделал

меня податливой его желаниям. Он прижимается ко мне, касаясь губами моего уха. Я вздрагиваю всем телом, когда его рука ласкает меня между ног.

— Я подарю тебе оргазм, Слоан. И ты будешь мне очень благодарна.

Он раздвигает влажные складочки моей киски указательным и средним пальцем, прикасается к клитору, заставляя меня задыхаться от нахлынувших ощущений.

— Готова?

Я напрягаю каждую мышцу в своем теле. Развратная искорка вспыхивает в его взгляде, мое сознание вопит, убеждая меня противостоять ему. Но я не буду. Не

хочу. Не могу. Он проскальзывает влажными пальцами в лоно, сосредотачивая на мне взгляд своих темных глаз. Моя киска стискивает его пальцы, словно жесткий кулак, пульсируя от восхитительных ощущений. Я втягиваю в себя резкий вдох, борясь с желанием закатить глаза от блаженства.

— Слоан? Слоаан? Ты еще здесь?

Бл*дь, я даже не заметила, как гудки сменились ее голосом.

— Чееерт.

— Ну, что ж, и тебе привет.

Кажется, Пиппа пытается беззлобно подшучивать над моим приветствием. Зет выглядит

дьявольски опасно, когда толкается в меня.

— Ты что хочешь, чтобы я остановился?

Я качаю головой.

— Ну, тогда тебе лучше начать говорить.

Волна удовольствия от того, как он проникает пальцами, захлестывает меня. Я больше не могу терпеть и прикрываю глаза от ощущения блаженства. Он прикончит меня, он моя смерть. Я чувствую это.

— Пиппа, привет... я... я хочу попросить тебя об одолжении.

Продолжение

следует...